

МОК
УДЕС

КНИГА ТРЕХ

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

ПРИМАТА

ЗАМОК ЧУДЕС

Фантастические и сказочные
повести для детей

ЗАМОК ЧУДЕС

Ллойд Александер

КНИГА ТРЕХ

Сказочная хроника

Перевод с английского
Л.Яхнина

Художник В. Чапля

Москва АРМАДА
1995

Lloyd Alexander
THE BOOK OF THREE

New York, Holt Rinehard, 1964

Вы, конечно, слышали или читали о прорицателях — людях, которые умеют предсказывать судьбу. Но едва ли вы знаете о свиные-прорицательнице Хен Вен, живущей в легендарной стране Прайден на маленьком хуторе Каер Даллбен.

Однажды злой король Аровн, хозяин Земли Смерти, решил похитить необыкновенную свинью. Но умное животное, почуяв опасность, сбежало. Однако в улугах прорицательницы нуждаются не только злые люди.

И вот на поиски Хен Вен отправился Тáрен — Помощник Сторожа Свиньи. Множество приключений ожидают Тарена и его трех друзей, которых он встретил в пути: страшная темница королевы-колдуньи Ачрен, плен у Красивого Народа, встреча с мудрым и загадочным старцем Медвином и, наконец, битва с войском короля Аровна...

Рисунок на переплете

Н. Бугославской

А 4703040100-48 Без объявл.
9СЗ(03)-95

ISBN 5-7632-0021-7

© Перевод, Яхнин Л. Л., 1995
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1995
© Иллюстрации, Чапля В. Т., 1995

ОТ АВТОРА

Эта хроника земли Прайден — не пересказ или перевод валлийских сказаний. Прайден не Уэльс, во всяком случае, не совсем и не во всем. Но дух моей книги навеян этой великолепной землей, ее легендами. И все же Прайден — страна, существующая только в воображении.

Некоторые из ее обитателей пришли из древних сказок. Гвидион, например, «реальная» легендарная фигура. Аровн, ужасный владыка Аннувина, явился из Мабиногиона, классического собрания валлийских легенд, хотя здесь, в Прайдене, он отвратительнее, чем там. Из мифов возникли и Котел Аровна, и свинья-прорицательница Хен Вен, и старый чародей Даллбен, и многие другие. Зато Тарен, Помощник Сторожа Свиньи, и золотоволосая Эйлонви родились в моем воображении, приведшем их в воображаемую страну Прайден.

География Прайдена не похожа ни на какую другую. Любое сходство между нею и природой Уэльса возможно, но не стоит пользоваться картами Прайдена как путеводителем для туристов. Это маленькая земля, но она достаточно велика, чтобы вместить в себя смелость, любовь, почтительность и юмор. И да-

же Помощник Сторожа Свины здесь может мечтать и совершать подвиги.

Летопись Прайдена — фантазия. Такие вещи, увы, никогда не случаются в реальной жизни. А может быть, все же происходят иногда? Большинству из нас нередко приходится совершать то, что, казалось, сделать невозможно. Наши возможности редко соразмерны нашим устремлениям, а часто мы просто не готовы к испытаниям. Все мы до некоторой степени Помощники Сторожа Свины.

Ллойд Александер

Глава первая

ПОМОЩНИК СТОРОЖА СВИНЬИ

Тарену хотелось выковать меч. Но Колл, обучавший его ремеслу, воспротивился. Он велел заняться подковами. Вот почему все утро они ковали и ковали подковы. Руки у Тарена ныли. Лицо покрылось густым слоем копоти. Наконец он отшвырнул молот и обернулся к Коллу, который пристально наблюдал за ним.

— Зачем? — закричал Тарен. — Зачем мы делаем эти дурацкие подковы? Как будто у нас есть лошади!

Колл, этот круглый, плотный толстячок, невозмутимо глядел на него. По его лысине скользили ярко-розовые отблески пламени, полыхавшего в кузнечном горне.

— Действительно нет, — ответил он спокойно и добавил, вертя в руках неказистое изделие Тарена: — К счастью для лошадей.

— А меч я смог бы сделать, — упрямо сказал Тарен, — я знаю, что смог бы.

И, прежде чем Колл что-либо возразил, он схватил клещи, швырнул на наковальню полосу раскаленного

докрасна железа и с яростью стал бить по ней тяжелым молотом.

— Погоди, погоди! — закричал Колл. — Это делается совсем не так!

Не обращая внимания на Колла, не слыша его слов из-за грохота, Тарен молотил и молотил. Искры снопами стояли над наковальней. Однако чем больше он дубасил, тем сильнее гнулась, извивалась, коробилась железная полоса, пока наконец искореженный кусок железа не выскользнул из клещей и не упал к его ногам. Тарен смущенно разглядывал свое изделие. Он подхватил клещами еще не остывшую железку и недоуменно вертел ее перед глазами.

— Да-а,— протянул Колл,— не очень-то это похоже на богатырский клинок.

— Кажется, я его немного попортил,— мрачно согласился Тарен. — Змея в судорогах — вот что это,— добавил он уныло.

— Я пытался было тебе объяснить,— осторожно начал Колл,— что делал ты все неправильно. Клещи держать нужно вот так. Когда ты ударяешь молотом, сила должна идти от плеча, а запястье при этом свободно, расслаблено. Если удар правильный, то мышцы твои услышат, почувствуют движение силы, ее ритм. Это похоже на музыку. И потом,— добавил он,— для меча нужен другой металл.

Колл сунул искривленную железяку обратно в печь, где искореженная полоска обмякла и потеряла форму.

— Мне бы хотелось иметь свой, настоящий меч,— вздохнул Тарен,— и чтобы ты научил меня владеть им.

— Хотел бы! — вдруг вскипел Колл. — А зачем? В Каер Даллбен не дерутся, здесь нет ни битв, ни сражений!

— У нас и лошадей тоже нет, однако же я делаю подковы,— возразил Тарен.

— Ты делаешь успехи,— вдруг примирительно сказал Колл,— надо же с чего-то начинать. Лучше с простого.

— Пожалуйста, научи меня бою с мечом,— упрямо гнул свое Тарен.— Ты же владеешь этим искусством!

Сияющий шар головы Колла заблестал еще ярче. Подобие улыбки скользнуло по его губам. Лицо его приняло довольное выражение, словно он отведал чего-то вкусного.

— Угадал,— тихо сказал он,— я держал меч пару раз. Было дело.

— Научи меня сейчас же,— нетерпеливо воскликнул Тарен.

Он схватил кочергу и принялся размахивать ею, разрубая воздух и приплясывая по утрамбованному земляному полу кузницы.

— Смотри! — выкрикивал он.— У меня уже получается!

— Кто же так держит руку? — не выдержал Колл.— Если бы ты так танцевал и кривлялся, сражаясь со мной, я бы давно изрубил тебя на мелкие кусочки.— Он немного поколебался, потом усмехнулся: — Ладно, в конце концов, должен же ты знать, как это делается.

Он взял другую кочергу, отер измазанное сажей лицо и подмигнул Тарену.

— Теперь,— приказал он строго,— встань прямо, как положено.

Тарен поднял над головой кочергу. Они кинулись друг на друга, размахивая кочергами, отражая удары и пытаясь ткнуть противника тупым концом. Колл на ходу выкрикивал команды, поучал, пыхтел, сердился, смеялся. Все заглушали грохот, бряцание, скрежет железа. На какой-то миг Тарен уже торжествовал победу, но Колл увернулся, отскочил. Проворство старика было удивительным, ноги его легко несли грузное тело. И вот уже Тарен вынужден отражать град ударов.

Внезапно Колл остановился. Тарен еле успел задержать замах. Кочерга его застыла в воздухе над головой Колла. В дверном проеме появился согбенный силуэт Даллбена.

Даллбену, хозяину Каер Даллбен, было триста семьдесят девять лет. Лицо его, чуть ли не наполовину скрытое густой седой бородой, казалось, проглядывало сквозь пушистое облако. На этой маленькой ферме все время пока Колл и Тарен пахали, сеяли, пололи, жали, одним словом, делали все что положено, старый Даллбен размышлял. И занятие это было таким изнурительным, так много сил отнимало, что старик мог делать это только лежа и закрыв глаза. Он размышлял полтора часа до завтрака и все остальное время до заката. Немыслимый шум и грохот в кузнице оторвали его от утренних размышлений. И вот он здесь. Короткая широкая накидка сползла с плеча и чуть прикрывала худые голенастые ноги.

— Немедленно прекратите это безобразие! — сердито сказал Даллбен. — Я удивляюсь тебе, — добавил он, неодобрительно взглянув на Колла, — неужели не нашел более серьезного занятия?

— Колл тут ни при чем, — выступил вперед Тарен. — Просто я попросил его научить меня владению мечом.

— Ну, ты меня не удивил, — хмуро заметил Даллбен. — Впрочем, и ты хорош. Иди за мной.

Тарен покорно последовал за старцем. Они вышли из кузницы, миновали курятник и вошли в белую, крытую соломой хижину. Здесь, в жилище Даллбена, на прогибающихся полках, на полу, вперемешку с закопченными кастрюлями, ремнями, гвоздями, витками струн и всевозможным хламом стояли, лежали, громоздились грудями и россыпью тяжелые тома в кожаных переплетах.

Тарен скромно присел на краешек деревянной скамьи. Так он всегда делал, когда Даллбену приходила охота поучать, объяснять что-то или просто давать взбучку.

— Я согласен, — сказал Даллбен, усаживаясь за стол, — согласен, что всякому мастерству, и владению оружием в том числе, надо учиться. Но не одна муд-

рая голова, гораздо мудрее твоей, слетала с плеч прежде, чем хозяин ее овладевал этим ремеслом.

— Прости,— начал Тарен,— я не должен был...

— Я не сержусь,— остановил его Даллбен, поднимая руку.— Только немного опечален. Время летит быстро. Все свершается скорее, чем мы ожидаем. И все же,— он вдруг заговорил почти неслышно, будто сам с со-

бой,— все же это тревожит меня. Боюсь, что здесь не обошлось без Рогатого Короля...

— Рогатого Короля? — недоуменно повторил Тарен.

— Мы поговорим о нем позже,— промолвил Даллбен.

Он вытянул из груди книг увесистый кожаный том, «Книгу Трех». Время от времени он прочитывал Тарену из нее несколько страниц, и юноша верил, что в этой книге было сказано все и обо всем на свете.

— Как я уже объяснял тебе раньше,— продолжал Даллбен,— а ты, вероятно, забыл, Прайден — земля многих властителей, королей и их владений — маленьких королевств. И, конечно же, их военачальников, поставленных над войском.

— И среди них есть Верховный король,— подхватил Тарен,— по имени Матх, сын Матонви. Его полководец — самый могущественный герой в Прайдене. Ты рассказывал мне о нем. Принц Гвидион, да? Да! — пылко воскликнул Тарен.— Да, я помню, я знаю...

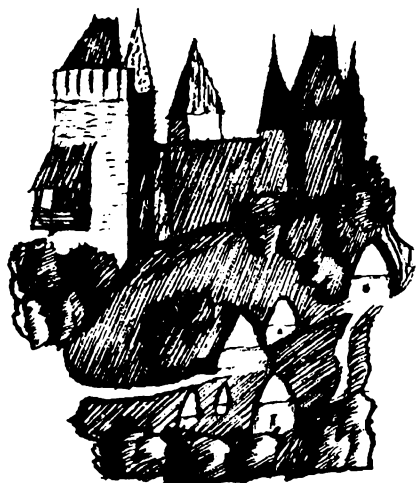
— Но есть вещи, которых ты не знаешь,— сказал Даллбен,— по той простой причине, что я еще не рассказывал тебе о них. Теперь я уже меньше принадлежу царству живых, меня зовет Земля Смерти, Аннувин.

Тарен вздрогнул, услышав это название. Даже Даллбен произнес его шепотом и так же тихо продолжал:

— И король Аровн, хозяин Аннувина. Знай,— продолжал он хрипло,— Аннувин больше, чем Земля Смерти. Там полным-полно сокровищ, и не только золота и драгоценных камней, но всего того сокровенного, что дает людям силу, славу и счастье. В давние-предавние времена человеческий род владел этими сокровищами. Хитростью и обманом злобный Аровн украл их одно за другим. Малая часть этих сокровищ все же была вырвана у него. Но большая их часть спрятана в Аннувине, и Аровн ревностно охраняет их.

— Но Аровн все же не смог стать правителем Прайдена, — воскликнул Тарен.

— Радуйся этому, — промолвил Даллбен. — Он бы правил здесь, если бы не Дети Доны, сыновья леди Доны и ее супруга Белина, короля Солнца. Давно пришли они в Прайден из Страны Солнца. И поняли они, что хоть люди здесь бедны, но обычаи их справедливы, а страна богата. Сыновья Доны построили свою твердыню, свою крепость, далеко

на севере в Орлиных Горах, в Каер Датил. Они-то и помогли нам вернуть ту небольшую часть сокровищ, украденных Аровном, и защищают страну от скрытой угрозы, идущей из Аннувина.

— Страшно даже представить, что случилось бы, не приди сюда Сыновья Доны, — сказал Тарен. — Судьба благоволила к нам, приведя их сюда. И потому мы можем жить спокойно.

— Я не уверен в этом, — грустно улыбнулся Даллбен. Люди Прайдена слишком полагаются на силу Дома Доны. Они беззаботны, как ребенок на руках матери. Они так привыкли к этому, расслабились, что никакие тревоги не посещают их. Конечно, и нынешний король Матх происходит из Дома Доны, и принц Гвидион. Это наша защита. И до сегодняшнего дня в Прайдене был мир настолько, насколько люди вообще могут быть мирными. Но это пока...

Он задумался, помолчал и ровным голосом продолжал:

— Тебе еще неизвестно то, что знаю я, что дошло до моих ушей. Явился в нашу страну новый могущественный предводитель, воин, военачальник столь же сильный, как принц Гвидион. Некоторые считают даже, что он сильнее. Но он человек зла, для которого смерть — черная забава. Он играет со смертью, как ты забавляешься с собакой.

— Кто он? — вскричал Тарен.

Даллбен покачал головой.

— Никто не знает его имени и никогда ни один человек не видел его лица. Он носит маску с оленьими рогами и потому зовется Рогатым Королем. Я не знаю, чего он хочет, что замыслил и к чему стремится. Но я чувствую, что здесь не обошлось без Аровна, а значит, пощады не жди. Я говорю это все сейчас, чтобы спасти и защитить тебя, — Даллбен пристально глянул на Тарена. — Из того, что я сейчас видел, мне ясно одно — твоя голова забита глупыми мыслями о боевых подвигах и геройстве. Я советую тебе выбросить эту чепуху из головы. Неизвестная опасность подстерегает всюду. Ты еще только на пороге возмужания. И я должен позаботиться, чтобы ты достиг зрелости и при этом в целости сохранил свою шкуру и глупую голову. Вот почему ты не покинешь Каер Даллбен ни под каким видом, не станешь ходить дальше фруктового сада и уж тем более не отправишься в лес. До поры до времени.

— До какой же поры и до какого времени? — вспыхнул Тарен. — Мне кажется, что всегда так и будет «до поры до времени»! Неужто моя жизнь так и пройдет среди овощей да кривых подков!

— Распетушился! — усмехнулся Даллбен. — Бывают в жизни вещи и похуже кривых подков. Ты мечтаешь выйти в герои? И представляешь это себе как веселый звон сверкающих мечей да лихие скачки на огненном коне! Чтобы добиться славы...

— А как же принц Гвидион? — ревниво воскликнул Тарен. — Он же герой! И я хочу, да, очень хочу быть похожим на него!

— Боюсь, — покачал головой Даллбен, — что это почти невозможно.

— Но почему? — Тарен вскочил на ноги. — Если только мне представится случай...

— Ты спрашиваешь, почему? — перебил его Даллбен. — И ждешь от меня ответа. Но знай, что мы постигаем и достигаем больше, когда сами ищем ответ и не находим его, чем получая его готовым из чужих уст. Я мог бы тебе объяснить, почему. Но это только еще больше запутает тебя. Если ты вырастешь, постепенно постигая все своим умом и сердцем, в чем я, признаться, очень сомневаюсь, то, надеюсь, добьешься чего-нибудь в этой жизни. Тебя ждут ошибки, но они будут твоими и принесут они тебе больше пользы, чем чужие ответы.

Тарен снова опустился на скамью. Он сидел теперь мрачный и тихий. Даллбен уже словно бы забыл о нем и углубился в свои размышления. Его подбородок уткнулся в грудь. Борода серым туманом окутала лицо. Он мирно захрапел.

Весенний ветерок донес в окно аромат цветущих яблонь. Тарен видел вдали бледно-зеленую опушку леса. Чернели вспаханные поля, которые скоро начнут зеленеть и золотиться. Он перевел взгляд на «Книгу Трех», лежащую на столе. Тарену никогда не разрешали прикасаться к ней, листать страницы, читать.

Теперь она лежала совсем близко — стоит протянуть руку. Он был уверен, что книга таит намного больше, чем Даллбен ему рассказывал. Мягкий солнечный свет пронизывал комнату. Даллбен по-прежнему размышлял. Или дремал?

Тарен медленно приподнялся. Осторожно пересек полосатое от солнечных лучей пространство хижины

и остановился перед столом. Тишина. Лишь из окна доносилось монотонное гудение жука. Рука Тарена сама протянулась к толстому кожаному фолианту. Пальцы ощутили теплую гладкую поверхность кожи. Юноша вздохнул и резко отдернул руку. От напряжения пальцы будто бы свело. Каждый из них ныл, словно в нем застряло жало громадной пчелы. Он резко отскочил назад, споткнулся о скамью и грохнулся на пол. Не пытаясь даже встать, он посасывал горящие пальцы.

Глаза Даллбена выплыли из тумана бороды и молодого блеснули. Но на лице его не дрогнул ни один мускул. Он глядел на Тарена и сонно зевал.

— Ты бы лучше искал Колла и попросил у него мазь,— спокойно сказал Даллбен,— не то, не ровен час, пальцы твои покроются волдырями.

Пальцы действительно ныли непереносимо. Тарен с виноватой улыбкой выскочил из хижины. Колла он нашел на огороде.

— Трогал «Книгу Трех»,— сразу догадался Колл.— В другой раз будет неповадно. Запомни три правила и три основы учения: много видеть, много узнавать, много претерпевать.

Он повел Тарена в хлев, где хранились лекарства для домашнего скота, и помазал его пальцы каким-то снадобьем.

— Зачем вообще учиться, коли я не шагну дальше фруктового сада? — с досадой возразил Тарен.— Наверное, за всю свою жизнь я ничего интересного не узнаю, ничего важного не увижу, ничего замечательного не совершу! И уж наверняка я никем не стану! Даже здесь, в Каер Даллбен я — никто и ничего не значу!

— Ты хочешь быть кем-то? Отлично! — сказал Колл.— Отныне я назначаю тебя, Тарен, Помощником Сторожа Свины. Ты будешь помогать мне за-

ботиться о Хен Вен: следить, чтобы корыто ее было всегда полным еды, носить ей воду и каждый день чистить ее.

— Этим я и сейчас занимаюсь,— горько усмехнулся Тарен.

— Но без должного старания,— упрекнул его Колл.— Если ты хочешь стать кем-то, а не оставаться вечно никем, научись сначала простым вещам. Приучи к работе свои руки. Тем более, что не каждому юноше выпадает честь быть Помощником Сторожа Свиньи-прорицательницы. Ты же прекрасно знаешь, что во всем Прайдене нет свиньи, подобной нашей. Она единственная и самая драгоценная в нашем хозяйстве.

— Мне наша драгоценная свинья еще ничего не предсказала! — в сердцах воскликнул Тарен.

— А разве она обязана? — спросил Колл.— Прежде надо суметь правильно задать ей вопрос... ой, что это?

Колл заслонил руками лицо. Черное, жужжащее облако вырвалось из гущи сада и пронеслось так близко от Колла, что он невольно отпрянул.

— Пчелы! — воскликнул Тарен.— Пчелиный рой!

— Сейчас не время пчелам роиться,— озадаченно пробормотал Колл.— Что-то здесь неладно.

Пчелиное облако поднималось все выше и выше, прямо к солнцу. В то же мгновение Тарен услышал встревоженное кудахтанье и пронзительные крики птиц из курятника. Он обернулся и увидел пять кур и петуха, судорожно хлопающих крыльями. Прежде чем он сообразил, что они пытаются взлететь, куры уже были в воздухе.

Тарен и Колл помчались к птичьему загону, но тщетно пытались поймать вдруг обретших силу кур и петуха. Они, словно стая гусей, во главе с петухом

устремились, неуклюже махая крыльями в сторону холма. И вскоре исчезли за кромкой его вершины.

Быки в хлеву протяжно мычали и в страхе выкатывали глаза. А в окне появилось облако бороды Даллбена.

— Не даете ни минутки спокойно поразмышлять,— раздраженно сказал он, строго взглянув на Тарена.— Я не раз уже просил тебя...

— Что-то напугало животных,— оправдывался Тарен.— Сначала пчелы умчались куда-то, а потом и куры улетели...

Взволнованное лицо Даллбена показалось сквозь седое облако.

— Странно,— сказал он.— Никаких знаков я не видел, не слышал. Колл, мы немедленно должны спросить Хен Вен. Скорей помоги мне отыскать буквенные палочки!

Колл заспешил к хижине.

— Не спускай глаз с Хен Вен! — приказал он Тарену.

Колл скрылся в хижине. Тарен знал, что буквенные палочки — это длинные ясеновые прутьики, испещренные заклинаниями. Даллбен вспомнил о них неспроста. Тревожные предчувствия взбудоражили Тарена. Даллбен, он знал это, советуется с Хен Вен очень редко, только в самых крайних случаях. На памяти Тарена такого еще не бывало. Он заспешил в загон.

Хен Вен обычно спала до полудня. И только солнце вставало в зенит, как свинья, несмотря на свой немалый вес, изящной рысью проносилась в затененный угол загона и заваливалась там. Эта белая свинья постоянно хрюкала, хмыкала, что-то, казалось, бормотала. Завидев Тарена, она задирала свою украшенную плоским широким пяточком морду и нахально требовала, чтобы он почесывал ее. Но на этот раз она не обратила на Тарена никакого внимания. Тяжело, со свистом дыша, Хен Вен яростно рыла мягкую землю в дальнем углу загона. Она уже прорыла довольно глубокий ход и вот-вот должна была очутиться снаружи.

Тарен закричал на нее, затопал, комья земли продолжали лететь во все стороны. Он перелез через забор загона. Свинья-прорицательница замерла и поглядела на него. Тарен увидел, что яма уже была довольно глубокая. Он отогнал свинью, но та перебежала на противоположную сторону загона и начала рыть заново.

Тарен был сильным и длинноногим юношей, но, к своему удивлению, заметил, что свинья передвигается быстрее его. Стоило ему отогнать ее от второй норы, как она, мелькая короткими ножками, стремительно понеслась к первой. Теперь уже обе норы были достаточно просторны, чтобы свинья могла протиснуться.

Тарен начал бешено забрасывать нору землей. Хен Вен рыла ловко и споро, как барсук. Ее задние ноги прочно упирались в землю, а передние гребли и гребли. Тарен выбился из сил и уже отчаялся остановить ее. Он выпрыгнул из загона и устремился к тому мес-

ту, где вот-вот должен был открыться ход, в надежде схватить Хен Вен и удерживать ее до тех пор, пока не прибегут Даллбен и Колл. Но он недооценил быстроту, ловкость и силу Хен Вен.

Выбросив фонтан мелких камней и грязи, свинья вырвалась из-под забора и рванула вперед, подкинув Тарена в воздух. Он кувыркнулся и шлепнулся оземь. Хен Вен уже неслась через поле к лесу.

Тарен мчался за ней. Впереди вырастала темная, грозная и неведомая стена леса. Тарен судорожно вздохнул и ринулся туда, следом за свиньей.

Глава вторая

МАСКА КОРОЛЯ

Хен Вен исчезла. Тарен слышал, как впереди шуршат листья, трещат кусты. Он бежал на звук. Через некоторое время дорога пошла круто вверх. Он карабкался по лесистому склону, как зверек, на четвереньках. На вершине холма деревья отступили. Перед ним расстился луг. Тарен увидел мелькнувшую впереди Хен Вен. Она устремилась в колышущуюся гущу травы, пересекла луг и пропала за деревьями.

Тарен поспешил за ней. Так далеко он еще не осмеливался уйти от дома, но упрямо продолжал продираться сквозь густой кустарник. Вскоре перед ним открылась широкая тропа, и юноша побежал быстрее. Хен Вен или затаилась, или же убежала слишком далеко. Тарен теперь слышал лишь звук собственных шагов.

Некоторое время он шел по тропинке, запоминая все ее изгибы, повороты, разветвления, чтобы не заблудиться и найти дорогу назад. Но он так часто из-

менял направление, следуя за крутыми поворотами тропы, что уже и не мог точно сказать, в какой стороне лежит Каер Даллбен.

Несясь по открытому лугу, Тарен так разгорячился, что вспотел, и в прохладной тени дубов и вязов его пробила дрожь. Лес был негустой, но деревья смыкались кронами высоко над головой, и лишь узкие полосы солнечного света прорезали глубокую лесную тень.

Воздух был напитан влажным дыханием зелени. Ни одна птица не подавала голоса. Ни одна белочка не мелькала среди ветвей. Казалось, лес замер. Но в этой тишине слышнее был тревожный лепет листьев. В поскрипывании стволов и веток мерещились пронзительные стоны. Тропинка змеей извивалась под ногами Тарена. Холод пронизывал его. Он побежал, прикрываясь рукой от хлещущих по лицу веток. Ему удалось немного согреться. Тарен понимал, что бежит, не разбирая и не запоминая дороги, просто так, лишь бы двигаться.

Внезапно он остановился. Впереди послышался глухой перестук копыт. Звук приближался. От каждого удара копыт земля вздрагивала. И в следующее мгновение из-за деревьев вынырнула черная лошадь!

От неожиданности Тарен отпрянул назад. Над взмыленным конем возвышалась громадная фигура всадника. Темно-красный плащ пламенел за его обнаженными плечами. Такая же кроваво-красная ткань

покрывала его огромные руки. Застывший от ужаса Тарен увидел вместо человеческой головы рогатую морду оленя!

Рогатый Король! Тарен буквально взлетел на дуб, чтобы не попасть под сокрушительные удары копыт, не быть раздавленным о ствол дерева лоснящимся боком коня. Лошадь и седок пронеслись мимо. Тарен успел разглядеть страшного всадника. Маска его была сделана из черепа, увенчанного огромными разветвленными рогами. Сквозь глазницы выбеленного временем черепа яростно сверкали глаза Рогатого Короля.

Следом проскакала его свита — целая кавалькада всадников. Рогатый Король испустил протяжный вой дикого зверя, и свита разногласно подхватила его крик. Один из всадников, безобразный, злобно ухмыляющийся, вдруг поднял голову и заметил Тарена. Он повернул коня и выхватил меч. Тарен свалился с дерева и нырнул в густой подлесок. Лезвие меча, словно вытянутая в броске змея, настигло его. Он ощутил спиной беспощадное жало.

Не оглядываясь, он неся по бездорожью молодого леска. Тонкие, как прутья, стволы изгибались, хлестали его по груди, по спине, по лицу. Камни словно бы вырастали под ногами и выворачивали ступни. Лес поредел. Тарен уже бежал по шуршащему руслу высохшего ручья. Ноги еле несли его. Наконец, изнуренный, с запаленным дыханием и ослабевшими в коленях ногами, он споткнулся и рухнул лицом вниз. Земля поплыла, закрутилась перед глазами.

Солнце уже клонилось к западу, когда Тарен открыл глаза. Он лежал на сухом дерне, укрытый плащом. Одно плечо ныло от глухой боли. Над ним склонился незнакомый человек. Поблизости щипала траву белая лошадь. Еще плохо соображая, Тарен решил, что его взяли в плен страшные всадники. Тарен сжался. Мужчина протянул ему фляжку.

— Пей,— сказал мужчина.— И силы вернутся к тебе.

Незнакомец был странного вида. Густые, серые, словно волчья шерсть, космы. Глубоко посаженные глаза с зелеными крапинками. Выдубленное ветром и солнцем лицо, изборожденное глубокими складками. Грубый плащ его был покрыт дорожной пылью. Тонкую талию плотно обхватывал широкий пояс с дорожной, изящной работы пряжкой.

— Пей,— повторил незнакомец, видя, что Тарен недоверчиво держит фляжку в руке.— Ты смотришь так, будто там отравы.— Он улыбнулся.— Гвидион, сын Доны, так не поступает с ранеными...

— Гвидион! — Тарен поперхнулся глотком из фляжки и вскочил на ноги.— Нет, ты не Гвидион! — вскричал он.— Он не такой! Он великий воин! Герой! Он не...— Его взгляд упал на длинный меч на поясе незнакомца. Золотая гарда была безупречной округлой формы, рукоятку обвивали листья вяза, кованные из тонкого бледного золота, узор из таких же листьев покрывал ножны. Это великолепное оружие могло принадлежать только принцу!

Тарен упал на одно колено и склонил голову.

— Лорд Гвидион,— произнес он,— простите мою дерзость.

Гвидион помог ему подняться. Но Тарен, все еще не веря глазам своим, в упор разглядывал простой наряд и усталое, изборожденное морщинами лицо. Все это было так не похоже на то, что рисовалось в его воображении... Тарен закусил губу.

Гвидион поймал разочарованный взгляд юноши.

— Не богатый наряд делает принца,— мягко сказал он.— Как, впрочем, и не меч создает воина. Успокойся,— вдруг властно повысил он голос.— Скажи мне твое имя и поведай, что случилось с тобой. Только не надейся, что я поверю, будто рану мечом ты получил, собирая крыжовник в лесу или гоняясь за зайцем.

— Я видел Рогатого Короля! — выпалил Тарен. — Его люди в лесу. Один из них пытался убить меня. Я видел, видел самого Рогатого Короля! Он ужасен, намного страшнее, чем рассказывал мне Даллбен.

Глаза Гвидиона сузились.

— Кто ты? — спросил он. — Откуда ты знаешь Даллбена?

— Я Тарен из Каер Даллбен, — ответил Тарен, стараясь говорить спокойно, но чувствуя, что кровь отхлынула от его лица.

— Из Каер Даллбен? — Гвидион умолк на мгновение и пристально взглянул на Тарена. — Но что ты делаешь так далеко от тех мест? Знает ли Даллбен, что ты ушел в лес? А Колл с тобой?

Откуда он знает их? Тарен стоял с разинутым ртом и с таким обалделым видом, что Гвидион откинул голову и разразился веселым смехом.

— Не удивляйся, — сказал он, — я хорошо знаю Колла и Даллбена. Они слишком благоразумны, чтобы позволить тебе бродить здесь в одиночку. Ты что, сбежал? Но хочу предостеречь тебя: Даллбен не из тех, кого можно послушаться безнаказанно.

— Это все Хен Вен, — пролепетал Тарен. — Я не мог удержать ее. А теперь она исчезла. И это моя вина. Я — Помощник Сторожа Свиньи.

— Исчезла? — глаза Гвидиона стали холодными. — Куда? Что с ней случилось?

— Я не знаю! — в отчаянии выкрикнул Тарен. — Она где-то в лесу.

И пока он бессвязно рассказывал об утреннем переполохе, Гвидион не перебивал его, не произнес ни слова.

— Это неожиданно, — пробормотал Гвидион, когда Тарен умолк. — Моя затея может провалиться, если она не отыщется скоро. — Он резко повернулся к Тарену. — Да, — коротко бросил он, — я тоже разыскиваю Хен Вен.

— Ты? — опешил Тарен. — Но ты же только что явился и пришел издалека...

— Мне необходимо узнать то, что знает только она, — ответил Гвидион. — Я скакал целый месяц, чтобы добраться до Каер Даллбен и спросить ее. Меня

преследовали, выслеживали, устраивали засады. Я все преодолел, все вытерпел и...— Он горько усмехнулся.— И все напрасно. Она сбежала. Но ничего! Мы отыщем ее! Я должен услышать от нее все, что она знает о Рогатом Короле.— Он вдруг запнулся.— Вполне возможно, что и он сейчас разыскивает ее... Да, должно быть, это так и есть,— продолжал он.— Хен Вен почувствовала, что он рядом с Каер Даллбен, и в страхе бежала...

— Значит, нужно остановить его! — воскликнул Тарен.— Напасть и низвергнуть! Дай мне меч, и я встану рядом с тобой!

— Спокойнее, спокойнее, юноша,— проворчал Гвидион.— Я бы не сказал, что моя жизнь дороже чьей-либо, но я ею пока еще дорожу. Ты думаешь, одинокий воин с помощью Помощника Сторожа Свины сможет одолеть Рогатого Короля и его вооруженный до зубов отряд?

Тарен гордо выпрямился.

— Я не испугаюсь его!

— Не испугаешься? — переспросил Гвидион.— Значит, ты глупец. Больше всего в Прайдене надо бояться именно его. Хочешь узнать то, что открылось мне за время путешествия, чего даже Даллбен еще не знает?

Гвидион наклонился и сорвал пучок травы.

— Знакомо ли тебе искусство ткачества? Нитка за ниткой, нитка за ниткой, получается узор.— Он ловко переплетал длинные травинки, связывал их, и в руках его возникала тонкая сеть.

— Как здорово! — восхитился Тарен, глядя на быстродвигающиеся пальцы Гвидиона.— Можно взглянуть?

— Но существуют гораздо более тонкие и изощренные тенета,— продолжал Гвидион, не обращая внимания на его слова.— Ты увидел лишь слабое подобие узора, который может сплести Аровн из Аннувина. Правда, Аровн не покидает свой Аннувин, но его рука настигает всюду. Есть немало вождей, чье страстное

желание властвовать подгоняет их, как острие меча. И Аровн обещает им богатство и власть, играя на их жадности, как бард на струнах своей арфы. Порочная воля Аровна сжигает любое доброе чувство, идущее из глубины человеческого сердца. И эти люди с выжженными сердцами становятся его преданными вассалами, служащими ему за пределами Аннувина и связанные с ним невидимыми нитями навечно.

— И Рогатый Король?..

— Да,— кивнул Гвидион.— Нет сомнения в том, что он присягнул на верность Аровну. Он беспрекословно подчиняется ему. И, значит, темные силы Аннувина вновь угрожают Прайдену.

Тарен безмолвно глядел на Гвидиона. И слушал, слушал.

— Наступит время, и я встречусь с Рогатым Королем. И один из нас умрет. От своей клятвы я не отступлюсь. Но его цели темны и неясны, и я собирался узнать о них у Хен Вен.

— Она не могла убежать далеко,— заволновался Тарен.— Я покажу тебе, где видел ее в последний раз. Думаю, я легко найду то место, где она исчезла. Это случилось как раз перед тем, как Рогатый Король...

Поток его слов остановил суровый взгляд Гвидиона.

— Разве у тебя глаза совы, что ты можешь отыскать след в ночи? Уже темно. Мы переночуем здесь, а с первыми лучами солнца я уйду. Если счастье улыбнется мне, я верну ее до того...

— А что же со мной? — поспешно перебил его Тарен.— Хен Вен на моем попечении. Я позволил ей сбежать, и я должен отыскать ее.

— Решение задачи порой стоит дороже, чем жизнь того, кто ее решает,— задумчиво промолвил Гвидион.— Что ж, мне не помешает Помощник Сторожа Свины, который, кажется, мечтает потерять голову,— продолжал он, с веселой иронией глядя на Тарена.— По правде говоря, ты скорее помешаешь мне. Но с

другой стороны... Если Рогатый Король направляется в Каер Даллбен, я не имею права отпускать тебя туда одного. А я не желаю становиться твоим провожатым и терять на это целый день. Но и оставить тебя одного в лесу не могу. Пока я найду какой-нибудь выход...

— Клянусь, что не буду тебе помехой! — вскричал Тарен. — Позволь мне пойти с тобой! Даллбен и Колл убедятся, что я все же на кое-что способен!

— Вижу, выбора у меня нет, — сказал Гвидион. — И сдается мне, Тарен из Каер Даллбен, дорожка у нас одна. По крайней мере, пока.

Белый конь подошел и ткнулся носом в руку Гвидиона.

— Мелингар напоминает мне, что пора подкрепиться, — улыбнулся Гвидион, вынимая сверток с едой из седельной сумки. — Огня разводить не станем. Люди Рогатого Короля рыщут где-нибудь поблизости.

Тарен поспешно проглотил свою долю. Возбуждение лишило его аппетита. Он страстно, с нетерпением ждал рассвета. Рана его ныла, и он никак не мог устроиться на жесткой земле, увитой корнями. Как-то не задумывался он о том, что героям приходится спать и на голой земле.

Бдительный Гвидион сидел, подтянув колени к животу и прислонившись спиной к стволу огромного вяза. В сгущающихся сумерках Тарен с трудом мог разглядеть фигуру человека, слившуюся с черным стволом. Даже в шаге от него Гвидион казался пятном тени. Взгляд его был устремлен в глубину леса, и лишь зеленоватые глаза поблескивали в свете луны.

Гвидион долго молчал, размышляя о чем-то.

— Значит, ты Тарен из Каер Даллбен, — наконец произнес он. Его голос был тих, но отчетлив. — Как давно ты живешь у Даллбена? Кто твои родные?

Тарен скорчился под корнем дерева, натянул плащ на зябнувшие плечи.

— Я всегда жил в Каер Даллбен,— сказал он.— Не думаю, что у меня есть родственники. Я не знаю, кто мои родители. Даллбен никогда не говорил мне о них. Я не знаю даже, кто я...— Он вздохнул и спрятал лицо под полу плаща.

— Значит, нам предстоит узнать это,— раздумчиво проговорил Гвидион.— И встреча наша к добру. Благодаря тебе я узнал кое-что о Рогатом Короле и избавлен от бесполезного путешествия в Каер Даллбен. Забавно,— засмеялся он вдруг,— судьба сделала Помощника Сторожа Свиньи моим помощником в нелегких поисках! — Он оборвал смех и сказал серьезно: — А, может быть, все наоборот?

— Что ты имеешь в виду? — недоуменно спросил Тарен.

— Я не уверен, да, впрочем, это и неважно,— невразумительно ответил Гвидион.— Ладно. Спи. Завтра нам рано вставать.

Глава третья

ГУРДЖИ

Утром, когда Тарен проснулся, Гвидион уже седлал Мелингара. Плащ, которым укрывался Тарен, был мокрым от росы. Каждая частичка его тела ныла после ночи на твердой земле. Поторапливаемый Гвидионом, Тарен, спотыкаясь, потащился к лошади. В серо-розовой рассветной дымке она казалась жемчужной. Гвидион втянул Тарена на седло позади себя, тихо скомандовал, и белая лошадь быстро вплыла в поднимающийся туман.

Гвидион направил коня к тому месту, где Тарен в последний раз видел Хен Вен. Но на полдороге он придержал Мелингара и спешил. Тарен видел, как Гвидион опустился на колени и внимательно разглядывал низкую траву.

— Нам везет,— сказал он.— Мы, кажется, наткнулись на ее след.— Гвидион указал на еле заметный овал примятой травы.— Она здесь не так давно спала.

Он сделал несколько шагов вперед, приглядываясь к каждому сломанному пруту, стебельку, застывая перед каждой склоненной травинкой.

Тарена уже не смущали скромная домотканая куртка и забрызганные грязью башмаки принца Гвидиона. Он чувствовал, как все больше наполняется восхищением перед этим человеком. Сам Тарен ничего не смог заметить в траве, а Гвидион двигался легко и беззвучно, как поджарый серый волк, и глаза его цепко схватывали все вокруг. Вот он остановился, поднял свою кудлатую голову и прищурился, всматриваясь в неровную линию отдаленного горного хребта.

— След не совсем отчетлив, — сказал он, хмурясь. — Я могу только догадываться, что она, вероятнее всего, побежала вниз по склону.

— И пробежала сквозь лес, — добавил Тарен. — Где же ее искать? Она могла отправиться в любое место Прайдена.

— Не совсем так, — поправил его Гвидион. — Я не знаю, куда она могла пойти, но куда она пойти не могла, я знаю в точности. — Он вытащил из-за пояса охотничий нож. — Смотри.

Гвидион опустился на колени и принялся вычерчивать на земле извилистые линии.

— Это Орлиные Горы, — сказал он, и в его голосе послышалась тоска, — в моей родной стране на севере.

Здесь протекает Великая Аврен. Видишь, на западе перед впадением в море, она резко поворачивает? Может быть, нам придется пересечь ее в наших поисках. А это — река Истрад. К северу от ее долины расположен твой Каер Даллбен. А теперь взгляни сюда, — и он ткнул ножом левее той линии, что изображала реку Истрад. — Здесь Драконья гора и владения Аровна. И Хен Вен наверняка будет избегать этой земли. Слишком долго она была пленницей в Аннувине и никогда не отважится снова появиться здесь.

— Хен Вен была в Аннувине? — удивился Тарен. — Но когда же?..

— В давние времена, — начал Гвидион, — Хен Вен жила среди обычных людей. Она принадлежала фермеру, который и не подозревал о ее необыкновенных способностях. И ей была уготована судьба обыкновенной домашней свиньи. Но Аровн знал ей цену — настолько, что сам прибыл из Аннувина и захватил ее. Какие ужасные вещи случились, пока она была в руках Аровна, тебе лучше и не знать.

— Бедняжка Хен, — жалостливо проговорил Тарен. — Сколько она претерпела. Но как же она убежала?

— Она не убежала, — сказал Гвидион. — Ее спасли. Одиноким воин отправился в глубь Аннувина и унес ее оттуда.

— Какой геройский поступок! — воскликнул Тарен. — Я бы тоже хотел...

— Северные барды до сих пор воспевают этот подвиг,— сказал Гвидион.— Его имя никогда не забудется.

— И кто же это был? — спросил Тарен.

Гвидион внимательно взглянул на него.

— А ты разве не знаешь? Даллбен, как я погляжу, не очень-то потчует тебя знаниями. Это был Колл. Колл, сын Коллфревра.

— Колл? — вскричал Тарен.— Но не тот же...

— Тот самый,— спокойно сказал Гвидион.

— Но... но... — запнулся Тарен.— Колл? Герой? Но... он такой лысый!

Гвидион засмеялся и покачал головой.

— Помощник Сторожа Свины,— сказал он,— у тебя странное представление о героях. Я не предполагал, что смелость измеряется длиной волос на голове.

Удрученный Тарен уткнулся в нарисованную Гвидионом карту и больше не произнес ни слова.

— Здесь,— продолжал как ни в чем не бывало Гвидион,— недалеко от Аннувина, стоит Спиральный Замок. Его тоже Хен Вен будет избегать во что бы то ни стало. Там живет королева Ачрен. Она опасна так же, как и Аровн. Насколько она красива, настолько и коварна. Но лучше не станем толковать сейчас обо всех тайнах королевы Ачрен.

Он перевел дыхание и продолжал:

— Итак, я уверен, что Хен Вен не направится в сторону Аннувина или Спирального Замка. Исходя из всего этого, я могу предположить, что она побежала прямо. А теперь быстро в путь! Мы постараемся отыскать ее след.

Гвидион повернул Мелингара в сторону высокой гряды холмов. Когда они достигли подножия первого холма, Тарен услышал, как ревут, словно ураганный ветер, волны Великой Аврен.

— Нам опять придется идти пешком,— сказал Гвидион.— Ее следы могут оказаться где-нибудь здесь, поэтому шагай медленно и осторожно. Двигайся позади

меня,— распорядился он.— Если будешь рваться вперед, а мне кажется, у тебя есть такое намерение, ты можешь ненароком затоптать следы Хен Вен.

Тарен послушно плелся в нескольких шагах сзади. Гвидион производил шума не больше, чем тень летящей птицы. Лошадь его ступала почти бесшумно, лишь изредка сухая ветка хрупала под ее копытом. Тарен передвигаться так бесшумно не умел, хоть и старался изо всех сил. Но чем больше он старался, тем громче трещали сучья, тем слышнее был шорох сухих листьев. Куда бы он ни поставил ногу, там непременно оказывалась колдобина, ямка или зловредная лапа колючего куста. Даже лошадь с упреком косилась на него.

Тарен так был поглощен стараниями не наделать шума, что и не заметил, как отстал от Гвидиона. Тут ему показалось, что поодаль, на крутом склоне виднеется что-то круглое и белое. Ему так захотелось первому отыскать Хен Вен, что, не долго думая, он свернул в сторону и стал продираться сквозь кусты. К его разочарованию, это был всего-навсего белый валун.

Расстроенный Тарен заспешил вдогонку за Гвидионом. Он шагал, не оглядываясь, как вдруг над его головой зашелестели ветки. Не успел он поднять голову, как прямо на него свалилось что-то большое и тяжелое. Две мощные волосатые руки сомкнулись у него на горле.

Существо, схватившее его, издавало странные певучие и фыркающие звуки. Тарен напрягся и изверг вопль о помощи. Он боролся с невидимым противником, извивался, изворачивался, лягался и кидался из стороны в сторону, пытаясь скинуть его.

Неожиданно в горло прорвался воздух. Скрюченная фигура пролетела у него над головой и глухо шлепнулась о ствол дерева. Тарен упал на землю и стал тереть саднящую шею. Рядом с ним стоял Гвидион. А под

деревом напротив растянулось самое странное существо, какое ему когда-либо приходилось видеть. Тарен даже не мог бы сказать, человек ли это или животное. И решил, что это одновременно и то и другое. Волосы человекоподобного зверя были так спутаны и засорены сухими листьями, что голова его напоминала совиное гнездо. У него были длинные, худые, покрытые шерстью руки и такие же гибкие лохматые ноги с замызганными ступнями.

Гвидион взглянул на лежавшее перед ним существо сурово и раздраженно.

— Так это ты! — недовольно произнес он. — Я же велел тебе не мешать ни мне, ни моим друзьям.

В ответ существо разразилось громким и жалобным воем, выпучило глаза и заколотило по земле руками.

— Это Гурджи, — сказал Гвидион. — Он обожает сидеть в засаде и набрасываться на всякого, кто появится. Но он не так уж свиреп, как кажется, и не так лют, как хотел бы казаться. Зато надоедливее не сыщешь. Каким-то образом он ухитряется пронюхать, что будет наперед. Так что он нам очень пригодится.

Тарен только-только смог перевести дух. Он весь был покрыт выпавшими волосами Гурджи и вдобавок в него будто впитался терпкий запах мокрой собаки.

— О могущественный принц! — заньло это нелепое существо. — Гурджи просит прощения. Он знает, что

достоин наказания, и его сейчас, вот прямо сейчас ударят по бедной, слабой голове сильные руки великого лорда. Да, да, так и нужно поступить с несчастным Гурджи. О, какая честь быть наказанным и побитым величайшим из воинов!

— Я и не думал колотить по твоей бедной, слабой башке,— сказал Гвидион.— Но могу и передумать, если ты не прекратишь хныкать и ныть.

— Да, могущественнейший из лордов! — заверещал Гурджи.— Ты видишь, как послушный Гурджи немедленно повинуетя и винится перед тобой.

Он проворно забегал на четвереньках вокруг Гвидиона, и Тарен был уверен, имей Гурджи хвост, уж он бы яростно вилял и крутил им.

— Тогда,— скулил Гурджи,— в знак прощения не дадут ли два непобедимых героя Гурджи поесть? О, желанные чавка и хрумтявка!

— После,— сказал Гвидион,— после того, как ты ответишь на наши вопросы.

— О, после! — залопотал Гурджи.— Бедный Гурджи должен долго-долго ждать свои чавки и хрумтявки. Через много лет, когда великие принцы будут с аппетитом делать хрумт и хруст в своих пиршественных залах, они наконец-то потом вспомнят голодного, несчастного Гурджи, ждущего кусок какой-нибудь жарки или варки.

— Как долго тебе придется ждать свои чавки и хрумтявки,— сказал Гвидион,— зависит от того, как быстро ты ответишь на мои вопросы. Видел ли ты утром белую свинью?

Хитрющие глазки Гурджи блеснули из-под нависших густых бровей.

— Другие великие воины тоже громко издавали свои покрикушки и посвистушки в поисках поросюшки. О, может быть, они не будут так жестоки и не заставят бедного Гурджи страдать и голодать, хотеть и худеть. О, нет, они-то принесут ему поесть...

— Они снесут! Снесут твою глупую голову с плеч до того, как ты успеешь лишь подумать об этом,— сказал Гвидион.— У одного из них была на лице маска с оленьими рогами, не так ли?

— Да, да! — закричал Гурджи.— Большие рога! Вы спасете несчастного Гурджи и его не снесенную голову, которую ему не сносить, если ее снесут?

И он протяжно завыл.

— Я уже теряю терпение,— предупредил его Гвидион.— Где свинья?

— Гурджи слышит этих могущественных всадников,— затаил он снова.— О да, он слышит тихую вязь вязов, ропот грубых грабов, бормотанье сонных сосен. Гурджи умник-бесшумник. Он очень глазаст. И слышит, как те великие воины говорят, что идут в неведомое место, но большой огонь поворачивает их назад. Они все ищут и ищут поросюшку с оглядками и лошадами.

— Гурджи,— жестко процедил Гвидион,— где свинья?

— Поросюшка? О, ужасные бульки в животулке! Гурджи голоден и не может вспомнить. Была ли здесь поросюшка? О, пустой живот! Гурджи мрет! От ног до уха он — пустое брюхо!

Тарен вскипел, он не мог больше сдерживаться.

— Где Хен Вен, глупая волосатая зверушка? — взорвался он.— Скажи немедленно! Прыгнул, понимаешь, на меня, чуть не придушил! Тебя давно следовало бы хорошенько отдубасить!

Гурджи с воплем перекатился на спину и заслонился руками. Гвидион сердито повернулся к Тарену.

— Если бы ты слушался меня, на тебя никто бы не прыгнул. Не трогай его, не пугай! Он и так трясется от страха.— Гвидион глянул под ноги, на Гурджи.— Хорошо,— сказал он миролюбиво,— скажи нам, где она?

— О, ужасающая ярость! — прогундосил Гурджи. — Поросюшка поплыла по воде с брызгом и дрызгом. — Он приподнялся и махнул рукой в сторону Великой Аврен.

— Если ты обманул меня, — грозно сказал Гвидион, — я тебя разыщу! И вызыщу!

— А теперь где мои чавки и хрумтявки, могущественный принц? — пискнул Гурджи.

— Как я и обещал, — сказал Гвидион, — ты свое получишь.

— Гурджи хочет маленького человечка для чавки и хрумтявки, — вякнул он, зыркнув маленькими глазками в сторону Тарена.

— Нет, нельзя, — сказал Гвидион. — Это Помощник Сторожа Свиньи, и он не дает своего согласия. — Гвидион отстегнул седельную сумку, вытащил несколько полосок сушеного мяса и кинул их Гурджи. — Теперь уходи. Помни, я не желаю, чтобы ты мне вредил.

Гурджи схватил еду, затолкал ее за щеку и стремительно вскарабкался на дерево. Перепрыгивая с ветки на ветку, он быстро исчез из виду.

— Что за отвратительное животное, — поморщился Тарен. — Злобное, гадкое...

— В глубине души он не так плох, как кажется, — возразил Гвидион. — Ему нравится, когда его злят и пугают. Но по-настоящему разозлиться не может. Он так забавно жалеет себя, что сердиться на него невозможно. Да и пользы в этом нет.

— Он сказал правду о Хен Вен? — спросил Тарен.

— Думаю, да, — сказал Гвидион. — Он испуган. Как и я, кстати. Рогатый Король едет в Каер Даллбен.

— Он сожжет его! — вскричал Тарен.

Столько событий нахлынуло на него, что он на какое-то время забыл о доме. Перед его мысленным взором возникла белая хижина, охваченная огнем,

облачко бороды Даллбена, сияющая лысина Колла. Даллбен и Колл в опасности!

— Не волнуйся,— успокоил его Гвидион.— Даллбен — старая лиса. Муха не пролетит в Каер Даллбен без того, чтобы он об этом не узнал. Нет, я уверен, огонь, о котором говорил Гурджи, это то, что Даллбен приготовил для незваных гостей. Зато Хен Вен в настоящей опасности. Нам надо спешить. Рогатый Король знает, что она сбежала, и будет преследовать ее.

— Тогда,— всполошился Тарен,— мы должны найти ее раньше его.

— Помощник Сторожа Свины,— торжественно провозгласил Гвидион.— Это первое твое разумное предложение!

Глава четвертая

ГВИТАНТЫ

Мелингар быстро нес их мимо стены деревьев, растущих вдоль пологих берегов Великой Аврен. Наконец они спешили и двинулись пешком по пути, указанному Гурджи. Около заостренного валуна Гвидион остановился и издал победный клич. Рядом в глине четко, будто вырезанные, отпечатались следы Хен Вен.

— Гурджи не солгал! — воскликнул Гвидион. — Надеюсь, он теперь наслаждается своими чавками и хрумтявками. Если бы я знал, что он так верно укажет нам путь, дал бы ему еще. Да, она перешла реку здесь, — продолжал он, — и мы сделаем то же самое.

Гвидион взял Мелингара за уздечку и пошел вперед. Воздух вдруг охолодал, и мрачное небо словно спустилось. Непокойные воды Аврен были серыми, прорезанными белыми полосами пены. Ухватившись за луку седла, Тарен осторожно спускался со скользкого берега.

Гвидион шагнул в воду. Тарен медлил. Очень уж ему не хотелось мокнуть. Но Мелингар, увлекаемый Гвидионом, потянул его за собой. Ноги его скользили по дну, разъезжались, он спотыкался, поднимал тучу брызг. А ледяные волны, накатываясь, уже доходили ему до подбородка. Течение стало сильнее, вода путами закручивалась вокруг ног, змеей обвивала шею. Дно вдруг резко ушло из-под ног, и Тарен обнаружил, что дико танцует над бездной. Река жадно схватила его.

Мелингар уже плыл. Сильные ноги удерживали коня на плаву, но течение кружило его. Тарен не выпускал луки седла, и лошадь потянула его за собой.

— Отпусти седло! — крикнул Гвидион. — Плыви сам.

Вода хлынула в уши, в ноздри, в рот Тарену. С каждым вздохом река вливалась в его легкие. Гвидион подплыл к нему, нагнал уносимого течением юношу, схватил за волосы и вытащил на отмель. Вода лилась с него ручьями, пока он вытаскивал беспомощного Тарена на берег. Мелингар достиг берега чуть выше по течению и рысью устремился к ним.

Гвидион грозно поглядывал на Тарена.

— Я же велел тебе отцепиться. Все Помощники Сторожа Свины такие упрямые?

— Я не умею плавать, — выкрикнул Тарен. Губы его дрожали, зубы выбивали дробь.

— Почему же ты не сказал мне об этом до того, как мы вошли в реку? — сердито спросил Гвидион.

— Я думал, что сумею, что у меня получится само собой. И если бы Мелингар не потянул... — пробормотал Тарен.

— Ты должен научиться отвечать сам за свои глупости, — отрезал Гвидион. — Что касается Мелингара, то у него такой запас мудрости, что, боюсь, ты не наберешь столько, даже став мужчиной. В чем, однако, я начинаю сомневаться.

Гвидион вскочил в седло, втащил за собой мокрого, грязного и дрожащего Тарена. Копыта Мелингара зацокали по камням. Тарен шмыгал носом, вздрагивал, поглядывая в сторону приближающихся холмов. Высоко в небе кружили три крылатых силуэта.

Гвидион, у которого, казалось, глаза были и на затылке и на макушке, моментально заметил их.

— Гвитанты! — закричал он и резко повернул коня вправо.

Мелингар рванул вскачь. От неожиданного поворота и рывка лошади Тарен потерял равновесие, соскользнул с седла и шлепнулся на прибрежную гальку.

Гвидион немедленно остановил коня. Пока Тарен неуклюже поднимался с земли, Гвидион схватил его крепкой рукой за шиворот, поднял и, как мешок, набитый ватой, швырнул на спину Мелингару.

Гвитанты, которые издали казались не больше сухого листика, несомого ветром, увеличивались с каждым мгновением. Они неуклонно приближались к скачущей лошади и двум ее седокам. Вдруг они устремились вниз. Большие черные крылья свистели, мощно рассекая воздух. Мелингар с грохотом понесся вверх по берегу. Гвитанты, издавая резкие крики, преследовали их. Едва Мелингар достиг растущих над берегом деревьев, Гвидион столкнул с его спины Тарена и спрыгнул сам. Волоча юношу за собой, Гвидион добежал до раскидистого дуба и рухнул на землю.

Сверкающие крылья молотили по густой листве. Тарен заметил в этом мелькании и вихре хищные изогнутые клювы и безжалостные, как кинжалы, когти. В страхе он закричал и заслонил лицо руками. Гвитанты взмыли над деревом и с высоты ринулись вниз. Упругие ветви дуба отбросили их, листья дождем посыпались на землю. Крылатые монстры вновь взлетели, на мгновение повисли в небе, а затем, набирая скорость, унеслись на запад.

Трясущийся, с побелевшим лицом, Тарен осмелился приподнять голову. Гвидион вышел на открытый берег и следил за полетом гвитантов. Тарен приблизился к нему.

— Я предполагал, что это случится,— тихо сказал Гвидион.

Лицо его потемнело, жесткие складки прорезали его.
— До сих пор мне удавалось избегать их.

Тарен молчал. Он чувствовал себя виноватым. Неуклюже свалился с лошади, когда нельзя было терять ни секунды, а потом, под дубом, вел себя как боязливое дитя. Он ждал, что Гвидион отчитает его как следует. Но зеленые глаза воина были прикованы к удаляющимся черным точкам.

— Рано или поздно они нас настигнут,— сказал Гвидион.— Это шпионы и посланцы Аровна, их называют еще «глазами Аннувина». Никто не может ускользнуть от них. Нам повезло, что они только наблюдали, а не вылетели на кровавую охоту.— Гвитанты наконец исчезли, и он опустил глаза.— Теперь они летят в свои железные клетки в Аннувине. Еще до захода солнца Аровн узнает о нас. И не станет медлить.

— Может, они нас и не заметили? — с надеждой спросил Тарен.

— Не стоит сожалеть о том, что уже случилось,— сказал Гвидион, когда они снова двинулись в путь.— Так или иначе Аровн все равно узнал бы о нас. Не сомневаюсь, что он знал время моего отъезда из Каер Датил. Гвитанты не единственные его слуги и соглядатаи.

— Наверное, они самые ужасные из всех,— передрнувшись от отвращения, сказал Тарен. Он старался не отставать и идти в ногу с Гвидионом.

— Это далеко не так,— сказал Гвидион.— Им поручают выслеживать, а не убивать. От поколения к поколению их обучали этому. Аровн понимает их язык, и они в его власти с того момента, как вылупляются из яйца. Они страшны, но все же из плоти и крови, а значит, меч может их поразить.— Он помолчал.— Но есть другие, которых меч не берет. И среди них Дети Котла, воины, которые служат Аровну.

— Они не люди? — спросил Тарен.

— Они были ими когда-то, — ответил Гвидион. — Это мертвецы, тела которых Аровн выкрадывает из высоких курганов. Говорят, что он кидает их в колдовской котел, чтобы дать им новую жизнь. Если, конечно, это можно назвать жизнью. Они безмолвны, как смерть. И единственное их желание — сделать других такими же безмолвными рабами. Аровн держит их при себе как стражников Аннувина, потому что вдали от хозяина сила их убывает. Однако иногда Аровн посылает некоторых за пределы Аннувина, — свершить ужасное злодеяние и погибнуть. Эти живые мертвецы, Дети Котла, полностью лишены сострадания и жалости, — продолжал Гвидион. — И Аровн напитывает их злобой вновь и вновь. Он разрушил их память о самих себе, о том, что они когда-то были людьми. Они не помнят о слезах и смехе, о печали и любви, о доброте и снисхождении. Создание Детей Котла — одно из самых отвратительных деяний Аровна.

После долгих поисков Гвидион снова обнаружил следы Хен Вен. Они вели через поле, спускались в неглубокий овраг.

— Здесь следы обрываются, — сказал он, нахмурившись. — Даже на сухой, каменистой земле можно найти хоть малейший след. Но я ничего не вижу.

Медленно и методично, разделив дно и берега оврага на несколько участков, Гвидион оглядывал каждый камешек, каждую былинку. Усталый и переполненный ужасными впечатлениями, Тарен через силу заставлял себя переставлять ноги, и был счастлив, что сумерки вынудили Гвидиона прекратить поиски.

Гвидион укрыл Мелингара в чаще и привязал его к дереву. Тарен буквально рухнул на землю, уронив голову на руки.

— Она исчезла бесследно,— сказал Гвидион, вынимая еду из седельной сумки.— Случиться могло все что угодно. Но рассуждать и прикидывать, что бы это могло быть, у нас нет времени.

— Что же будет? — растерялся Тарен.— Нельзя медлить! Идем!

— Верный путь не всегда самый короткий,— сказал Гвидион,— к тому же нам может потребоваться помощь. У подножия Орлиных Гор живет древний старец. Его имя — Медвин. Говорят, что он понимает сердца, проникает в души и ведаёт все пути в Прайдене. Если кто-либо знает, где прячется Хен Вен, так это он.

— И если мы сможем найти его,— подхватил Тарен.

— Ты прав, говоря «если»,— ответил Гвидион.— Я никогда его не видел. Другие тоже искали его и не нашли. У нас всего лишь призрачная надежда. Но это лучше, чем ничего.

Поднялся ветер. Он шептался о чем-то с темными кронами деревьев. Издали донесся лай охотничьих собак. Гвидион насторожился. Он сидел прямо, напругшись, словно тугая тетива лука.

— Это Рогатый Король? — с испугом спросил Тарен.— Он настиг нас?

Гвидион покачал головой.

— Лай собак Гвина Охотника ни с чем не спутаешь,— задумчиво произнес он.— Значит, Гвин где-то поблизости.

— Еще один слуга Аровна? — спросил Тарен, и голос его осекся.

— Гвин верен лорду, имя которого неизвестно даже мне,— ответил Гвидион,— но он и велик, может быть, даже больше, чем Аровн. Гвин Охотник путешествует один в сопровождении своры собак. И появляется он обычно там, где должно начаться крово-

пролитие. Он предвидит битву и смерть и наблюдает издали, считая убитых воинов.

Ясный звук охотничьего рога перекрыл лай и вой своры. Он взлетел к небу и, отразившись, проник в грудь Тарена холодным клинком ужаса. Но эхо его, прилетевшее от холмов, этот терзающий уши звук, внушало не столько страх, сколько тоску и печаль, словно бы предвещая беду и несчастье. Казалось, что тающий отзвук рога, исчезая, уносил с со-

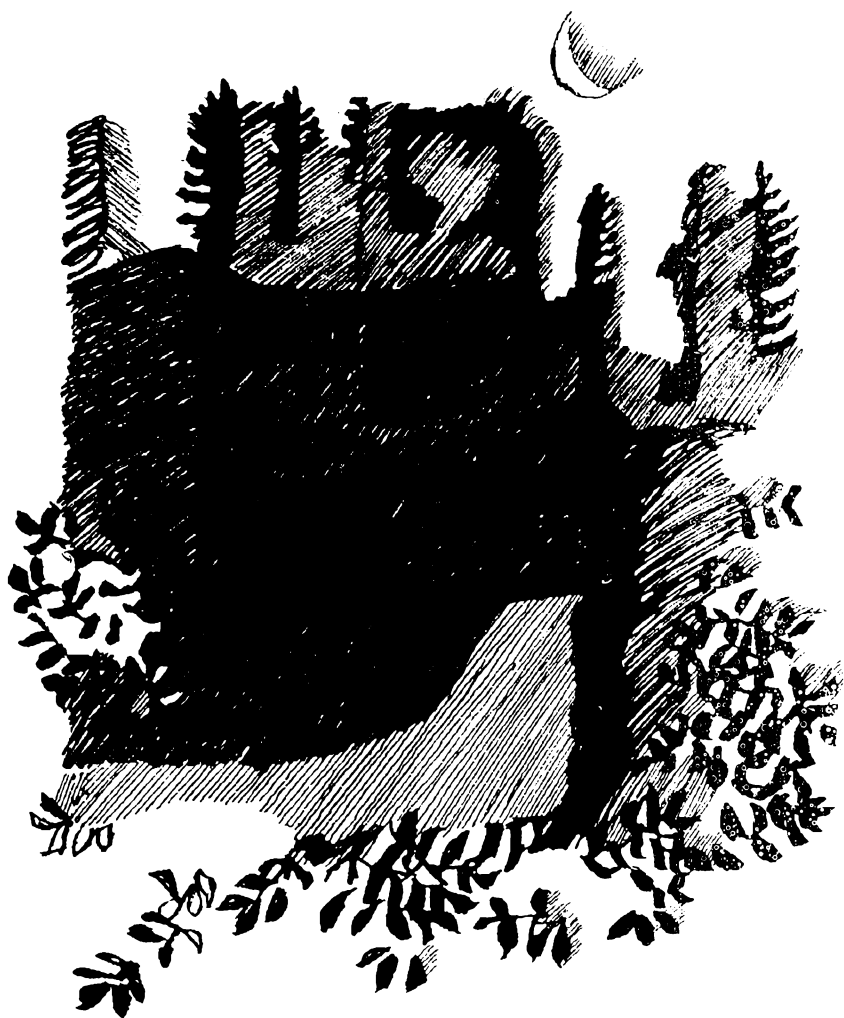
бой солнечный свет и пенье птиц, ясное утро и тепло огня, еду, воду, дружбу, все-все, что означает жизнь. Оно исчезло и больше никогда не возвратится.

— Музыка Гвина — это не сама беда, а только предупреждение о ней, — сказал Гвидион. — Будь готовым к ней, но не унывай. Не вбирай в себя грозное эхо. Те, кто сделал это, бродят с тех пор по свету, потеряв надежду.

Тихое ржание Мелингара отвлекло Гвидиона. Он поднялся и пошел к

нему. Тарену показалось, что за кустом мелькнула какая-то тень. Преодолевая страх, он вскочил на ноги и нырнул в кустарник. Колючки намертво вцепились в него. Он рванулся, упал на что-то мягкое, что стало яростно отбиваться. Тарен лягнул шевелящуюся под ним массу ног, ухватил нечто похожее на голову и вдруг в нос ему ударил резкий запах

мокрой собаки, который ни с чем спутать было невозможно.

— Гурджи! — сердито вскрикнул Тарен. — Ты крадешься за нами? — И он принялся с остервенением трясти это свернувшееся в клубок существо.

— Прекрати! Хватит! — остановил его Гвидион. — Не пугай его, не то бедняга и вовсе лишится рассудка.

Гурджи, чувствуя защиту, завыл во весь голос. Тарен сердито уставился на Гвидиона.

— Я только хотел защитить тебя,— обиженно сказал он.— Можешь вообще меня прогнать. Пора было бы мне сообразить, что великий воин не нуждается в помощи и защите какого-то жалкого Помощника Сторожа Свиньи!

— В отличие от сердитого Помощника Сторожа Свиньи я не нуждаюсь ни в чьей защите,— спокойно сказал Гвидион.— И ты должен это помнить и не прыгать в кусты, не убедившись, что это безопасно. Побереги свою прыть и свой пыл для лучших целей...— Он помолчал и внимательно поглядел на Тарена.— И потом, я не думаю, что ты опасался за мою жизнь.

— Если бы я только знал, что это просто глупый, нелепый Гурджи...— поник Тарен.

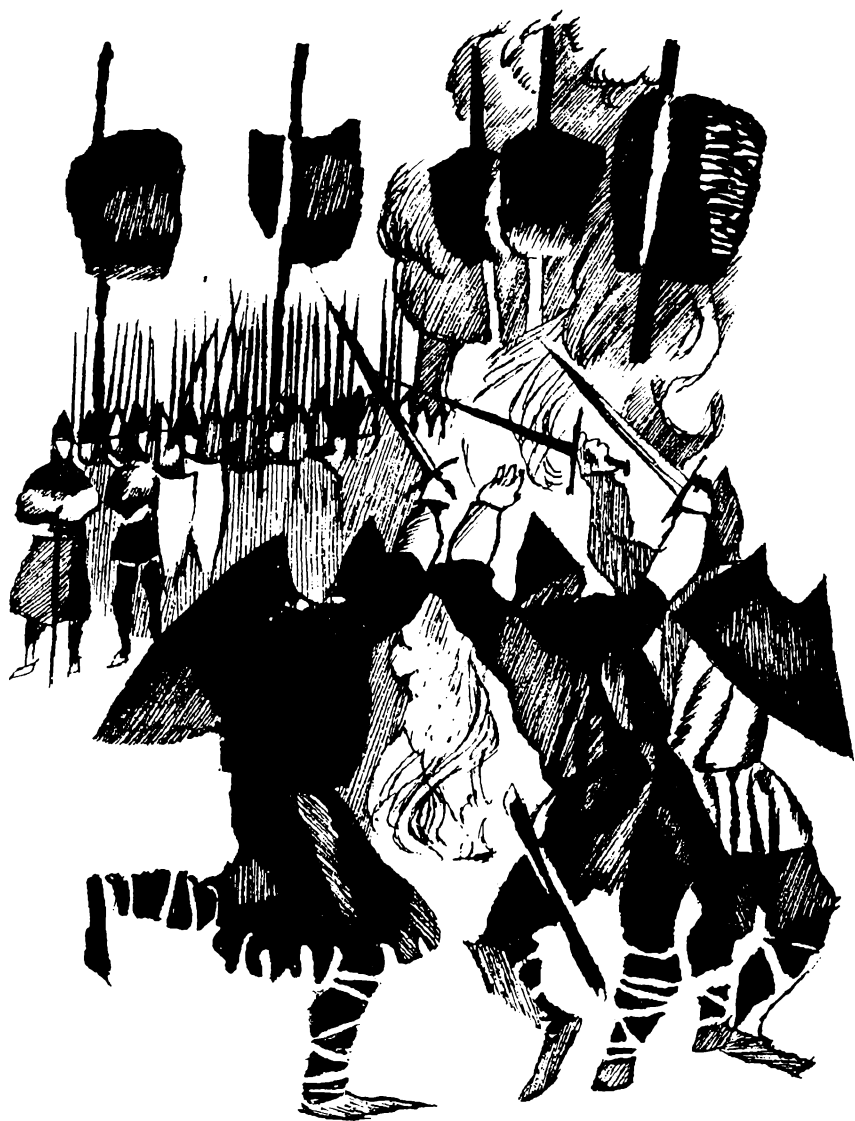
— Вот-вот, именно не знал. А прыгнул,— подхватил Гвидион.— Что ж, это смело. Ты можешь быть кем угодно, Тарен из Каер Даллбен, но я вижу, что ты не трус. Прими мою благодарность.

И он низко поклонился смущенному и втайне довольному Тарену.

— А что будет с бедным Гурджи? — заныло существо.— Ему ни улыбки, ни спасибо, одни колотушки да потрепушки от великих лордов! И ни кусочка чавки за следы поросюшки.

— Мы не нашли ее,— сердито ответил Гвидион.— И я еще не уверен, что ты то же самое не рассказал Рогатому Королю.

— Нет, нет! — замахал мохнатыми руками Гурджи.— Воин с большими рогами гонялся за несчастным Гурджи, всевидом и всеведом. Он устроил попрыгушки и поскакушки за бедным Гурджи и хотел задать ему хорошую потрепку. А Гурджи страшно боится битенья и колотенья. Он пришел к добрейшим

и могущественнейшим защитникам. Верный Гурджи никогда не оставит их.

— А что же Рогатый Король? — быстро спросил Гвидион.

— О, очень сердит, — захныкал Гурджи. — Воины его наполнены злюками и ворчуками, потому что не могут найти поросюшки.

— Где они сейчас? — не отставал Гвидион.

— Недалеко. Они переплыли воду. Но только умный, не накормленный Гурджи знает, в каком месте. Они там зажгли огонь со страшными шипелками и обжигалками.

— Ты можешь отвести нас туда? — спросил Гвидион. — Я хочу разведать их планы.

Гурджи захныкал, протягивая мохнатую руку.

— А чавки и хрумтявки?

— Так я и знал, что он этим кончит, — проворчал Тарен.

Гвидион оседлал Мелингара и, держась в тени, они пересекли череду освещенных уходящим солнцем холмов. Гурджи показывал дорогу, несясь вприпрыжку впереди, и его длинные руки беспорядочно болтались; словно две корявые ветки. Они проехали одну долину, другую. Вдруг Гурджи остановился на вершине холма. Внизу расстилалась широкая низина, сияющая от света факелов. Тарен увидел большой круг костров, устремляющих к небу острые пирамиды пламени.

— А теперь уже можно немного хрумки и чавки? — робко намекнул Гурджи.

Не обращая внимания на его хныканье, Гвидион жестом приказал спускаться по склону. Соблюдать тишину было ни к чему. Их шагов все равно никто бы не услышал. Бесперывный, глухой ропот барабанов пульсировал над многолюдной равниной. Ржāли кони. Крики людей и лязг оружия сливались в один

непрерывный гул. Гвидион пригнулся, внимательно вглядываясь в освещенную мерцающими огнями тьму. Вокруг огненного круга костров под барабанный бой топтались воины, грохоча громадными сапожищами и подняв щиты и мечи.

— Кто эти люди? — прошептал Тарен. — И что это за плетеные корзины, подвешенные к столбам?

— Это Сыновья Спеси, пешие воины, — ответил Гвидион, — они исполняют танец битвы, древний обряд войны. Он сохранился у них с тех пор, когда люди были еще дикарями. Корзины — еще одна прочно забытая древняя традиция. Но взгляни туда! — вскричал он полупшепотом. — Рогатый Король! А там, — и он указал на колонны всадников, — там я вижу знамена Когорты Проклятых! Знамена Да Гледдина Зеленого и Большого Мовра! Все когорты юга собрались здесь! Да, теперь я понимаю.

Рогатый Король, державший в руке огромный факел, подъехал к плетеным корзинам и ткнул факелом в одну из них. Огонь мгновенно охватил весь ряд ивовых корзин. Клубы едкого дыма заволокли небо. Воины одновременно лязгнули щитами и испустили протяжный вопль. Из корзин вдруг слышались стоны и крики людей. Тарену стало трудно дышать то ли от наплывавшего дыма, то ли от этих ужасных криков. Он отвернулся.

— Мы увидели достаточно, — сказал Гвидион. — Поторопитесь. Надо как можно быстрее скрыться отсюда.

Занимался рассвет. Гвидион наконец остановился у края выжженного солнцем бесплодного поля. До сих пор он не вымолвил ни слова. Даже Гурджи молчал, только глаза были круглыми от страха.

— Кое-что из того, что мне следовало узнать, я выяснил, — сказал Гвидион. Его лицо было мрачным и бледным. — Аровн осмелился поднять голову. Пока он

только пробует силу рук — рук воинов Рогатого Короля. Его могучее войско выступило против нас. Дети Доны не готовы к борьбе со столь сильным врагом. Их надо предупредить. Я должен немедленно возвратиться в Каер Датил.

По ту сторону поля из леса вылетели легким галопом пятеро всадников. Тарен рванулся в сторону. Их заметили. Первый всадник пришпорил коня и понесся вперед. Мелингар пронзительно заржал. Воины выхватили мечи.

Глава пятая

СЛОМАННЫЙ МЕЧ

Гурджи убежал, визжа от страха. Гвидион стоял рядом с Тареном, когда первый всадник устремился к ним. Неуловимым движением Гвидион выхватил из куртки травяную сеть. Неожиданно усохший пучок травы сделался шире, длиннее, засверкал и затрещал, испуская узкие полосы пламени. Всадник занес меч. С воинственным кликом Гвидион швырнул полыхающую сеть в лицо врагу. Вскрикнув, всадник уронил меч и замахал руками. Он вылетел из седла, а испепеляющая сеть окутала его, облепила всего, как гигантская паутина.

Гвидион поволок ошеломленного Тарена к вязу и вынул из-за пояса охотничий нож. Он сунул его Тарену в руку и быстро сказал:

— Это единственное оружие, которое я могу дать тебе. Воспользуйся им.

Прижавшись спиной к стволу дерева, Гвидион повернулся лицом к оставшимся четырем воинам.

Огромный меч описал сверкающую дугу, острый клинок, рассекая воздух, запел над головой Гвидиона. Дальше Тарен ничего не видел. Громадная лошадь встала на дыбы, и прямо перед его лицом взвились тяжелые копыта. Всадник злобно ударил Тарена по голове, размахнулся и ударил еще раз. Слепленный, Тарен наугад ткнул ножом. Закричав от ярости и боли, всадник откинулся назад в седле, увлекая лошадь в сторону.

Гурджи нигде не было видно. Лишь черный клубок катился далеко по полю.

Теперь вступил в драку Мелингар. Его золотистая грива вздымалась, белый конь ржал и, выкидывая вперед копыта, бросался на всадников. Его могучие бока теснили их, опрокидывали ло-

шадей, и те в панике, выворачивая синеватые белки глаз, становились на дыбы. Один всадник, желая повернуть, неистово дернул поводья своей лошади. Она присела на задние ноги. Мелингар поднялся во весь рост, его передние копыта колотили по воздуху, хлестали и топтали всадника, упавшего на землю. Ме-

лингар закружился над ним, вминая скрюченную фигуру в глину.

Остальные три воина шарахнулись от бешеного коня. Около вяза звенел и лязгал стремительный клинок Гвидиона. Его ноги будто вросли в землю. Теснившие его всадники не могли сдвинуть с места неустрашимого принца. Глаза его сверкали страшным светом ярости.

— Продержись еще немного! — прокричал он Тарену.

Меч его вспыхивал молнией. Нападавшие воины заколебались. Невдалеке послышался цокот копыт. И когда последние двое нападавших готовы были пуститься наутек, на краю поля показались двое других. Они круто остановили коней, спеши-

лись и кинулись в самую гущу битвы. Их лица были мертвенно-бледными, а неподвижные глаза тускло светились одновременно равнодушием и злобой. Тяжелые бронзовые обручи охватывали их талии, и с этих подобий поясов свисали черные плети. Бронзовые нагрудные пластины были усеяны острыми шипами. Ни шлемов, ни щитов они не носили. Рты их

растянулись в застывшем отвратительном оскале, наминавшем мертвую улыбку черепа.

Меч Гвидиона блеснул в последний раз.

— Убегай! — крикнул он Тарену. — Это Дети Котла! Седлай Мелингара и скачи отсюда!

Тарен еще плотнее прижался к теплому стволу вяза и поднял свой нож. В следующее мгновение перед ним выросли Дети Котла.

Страх черными крыльями окутал Тарена. И не мертвенно-бледные лица ужасных воинов, не застывшие безжизненные глаза их, а призрачное молчание, беззвучный оскал ледяных губ наполнили ужасом его душу. Немые люди выхватили мечи. Металл заскрежетал о металл. Безжалостные воины наносили удар за ударом. Клинок Гвидиона вдруг вонзился прямо в сердце одного из нападавших. Бледный воин не издал ни звука. Ни капли крови не выкатилось из раны. Он лишь передернулся и с таким же застывшим лицом вновь бросился в бой.

Гвидион стоял как одинокий загнанный волк. Глаза его сверкали зеленым огнем, сжатые зубы влажно поблескивали. Мечи Детей Котла молотили по его мелькающему клинку. Тарен кинулся на одного из бледных воинов. Но неуловимый взмах меча, и из его окровавленной руки выпал охотничий нож.

По шее Гвидиона струилась кровь. Бледные воины усилили натиск.

Принц набылчился и, издав громкий клич, ринулся вперед; в отчаянном прыжке Гвидион ударился грудью в грудь с нападавшим и упал на одно колено. Он еще продолжал наносить удары, но быстро слабел. Меч выпал из его рук. Дети Котла отбросили свое оружие и схватили его. Они швырнули принца на землю лицом, заломили руки назад и крепко связали.

Тут появились еще два воина. Один схватил Тарена за шиворот. Юношу кинули на спину Мелингару

и накрепко привязали к седлу. Он теперь лежал поперек спины лошади бок о бок со связанным Гвидионом.

— Ты сильно ранен? — спросил Гвидион, пытаясь поднять голову.

— Нет, — сказал Тарен, — твоя рана серьезнее.

— Не рана меня беспокоит, — горько вздохнул Гвидион. — Были и похуже, но я выжил. Почему ты не убежал, как я приказывал? Я знал, что не одолеть нам Детей Котла, но я мог их задержать, пока ты не скроешься. Впрочем, ты бился неплохо, Тарен из Каер Даллбен.

— Ты больше, чем великий воин, — прошептал Тарен. — Я помню, как ты плел сеть из травы до того, как мы переплыли Аврен. Но в твоих руках это, как я видел, стало не просто травой. Почему ты не открылся мне?

— Я тот, кто я есть. А пучки травы — да, ты прав, — это немного больше, чем просто умение. Этому меня научил Даллбен.

— Значит, ты тоже чародей?

— Я же сказал, я тот, кто я есть. Но обладаю и еще кое-чем. Но, как видишь, сегодня этого было мало, чтобы защитить моего смелого товарища.

Один из Детей Котла прищпорил своего коня, вплотную подъехал к Мелингару и, выхватив кнут, со всего маху хлестнул одного и другого пленника.

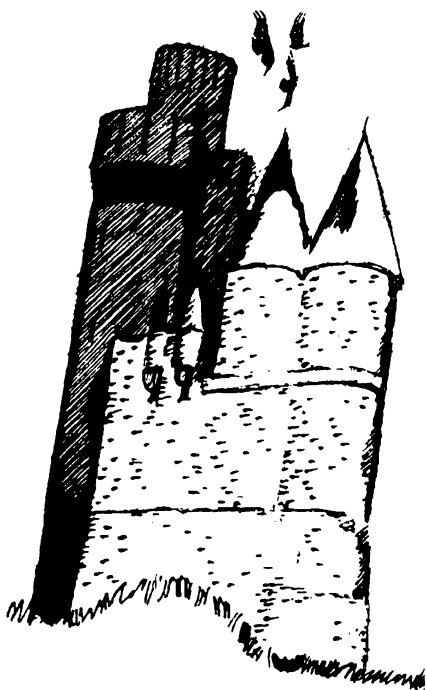
— Молчи, — шепнул Гвидион. — Они убьют тебя. Если мы никогда больше не увидимся, прощай.

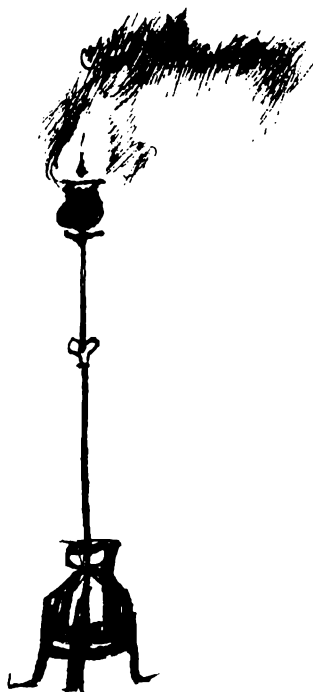
Отряд долго ехал без остановки. Перейдя вброд мелководную реку Истрад, кони Детей Котла сжали Мелингара с обоих боков. Тарен не раз пытался заговорить с Гвидионом, но жгучие удары хлыста заставляли его замолчать. В горле у Тарена пересохло, голова кружилась, накатывали волны тошноты. Он уже не понимал, сколько времени они едут, потому что

ежеминутно впадал в беспамятство, в лихорадочный сон. Солнце стояло все еще высоко. Ему померещился силуэт высокой, серой крепости, стоящей на холме. Или это было наяву?

Копыта Мелингара застучали по камням. Тарен увидел мостовую. Он поднял голову и догадался, что они въехали во двор крепости. Грубые руки стащили его со спины Мелингара и поволокли, обессиленного и спотыкающегося, в сводчатый коридор. Гвидион, поддерживаемый под руки, еле передвигал ноги. Тарен попытался присоединиться к своему другу, но хлыст Детей Котла свалил его на колени. Стражники заставили его подняться и толкнули вперед.

Наконец пленников ввели в просторный зал. Вдоль ярко-алых стен полыхали факелы. День был еще в разгаре, но здесь, в огромном зале без окон, стоял мрак, веял холод и ночная сырость сквозила по каменным плитам пола. В дальнем конце зала на троне, вырезанном из черного дерева, сидела женщина. Ее длинные волосы отливали серебром в сочном свете факелов. Лицо ее было молодым и красивым. Но мертвенно-бледная кожа казалась еще бледнее из-за темно-красного платья. Шею ее окружало тяжелое ожерелье из драгоценных камней, запястья обеих рук охватывали украшенные камнями браслеты, а круп-

ные кольца тускло мерцали в свете факелов. Меч Гвидиона лежал у ее ног.

Женщина резко поднялась.

— Позор моему дому! — вскричала она. — Раны этих людей свежи и не перевязаны! Кто-то мне ответит за это! — Она подошла к Тарену. — А этот юноша еле стоит на ногах. Принесите еды, вина и бальзам для ран! — Она громко хлопнула в ладоши и обратилась уже напрямую к Тарену, глядя на него с жалостью. — Бедный мальчик, тебя мучат твои раны.

Женщина протянула свою легкую бледную руку и нежно коснулась его окровавленного плеча. Под ее пальцами боль утихла, и приятное, мягкое тепло разлилось по всему телу. Все его существо охватило согревающее чувство покоя, словно нахлынувшее из давно забытых дней, когда в Каер Даллбен его укладывали в теплую кроватку и сонный летний полдень смыкал глаза.

— Как вы попали в наши места? — донесся до него мелодичный голос.

— Мы переплыли Великую Аврен, — начал Тарен. — Понимаете, произошло...

— Молчи! — Голос Гвидиона зазвенел в его ушах. — Это Ачрен! Она коварна и готовит нам ловушку.

Тарен осекся. Несколько мгновений он ошарашенно смотрел на ласковую женщину и никак не мог поверить, что за этой красотой и нежностью прячется

зло, о котором его не раз предупреждали. Может, Гвидион заблуждается? Тем не менее он плотно сжал губы и умолк.

Женщина удивленно повернулась к Гвидиону.

— Не очень-то вежливо так говорить обо мне. Ты ранен, и это извиняет тебя. Но не надо быть таким злым. Кто ты?

Глаза Гвидиона сверкнули.

— Ты знаешь меня так же хорошо, как я тебя, Ачрен! — Это имя он словно бы выплюнул сквозь кровоточащие губы.

— Я слышала, что лорд Гвидион путешествует по моей земле. Однако...

— Однако ты прекрасно знаешь и то, что Аровн послал своих воинов убить нас! — вскричал Гвидион. — И они здесь, в твоём замке! Может быть, ты этого не знаешь?

— Аровн послал воинов найти, а не убить вас, — спокойно сказала Ачрен. — Но ты, конечно, не веришь мне. Теперь, увидев тебя, я рада, что такой благородный человек не истек кровью где-нибудь в канаве. А нам есть о чем поговорить. Думаю, что и не без пользы для тебя.

— Прежде прикажи развязать меня и верни мой меч, — ответил Гвидион.

— Ты ставишь условия? — мягко спросила Ачрен. — Кажется, ты что-то недопонял. Я предлагаю тебе большее, чем свободу и меч. Твою жизнь, лорд Гвидион.

— В обмен на что?

— Поначалу я хотела к твоей жизни добавить и вторую,— Ачрен повернула голову к Тарену и оглядела его,— но я вижу, что это пустяковая, ничего не стоящая жизнь. Нет, я предлагаю другую сделку. Ты еще не знаешь меня по-настоящему, Гвидион. У тебя нет будущего за этими стенами. Только здесь я могу обещать тебе...

— Твои отравленные обещания пахнут Аннувином! — бросил ей в лицо Гвидион. — Я презираю их! Ты ошибаешься, я вижу тебя насквозь!

Лицо Ачрен стало мертвенно-бледным. Губы ее скривились. Она зашипела, как разгневанная кошка, неуловимым движением выкинула вперед руку, и ее кроваво-красные ногти разодрали щеку Гвидиона. В следующее мгновение королева выхватила из ножен меч Гвидиона и, держа его обеими руками, сделала выпад. Острые меча замерло на волосок от горла

пленника. Гвидион не шелохнулся. Голова его была по-прежнему гордо поднята, глаза сверкали презрением.

— Нет,— взвизгнула Ачрен,— я не убью тебя! Ты сам падешь к моим ногам и станешь умолять вернуть тебе меч и пощадить! Ты презираешь меня? Ты не веришь моим обещаниям? Так одно из них я сдержу!

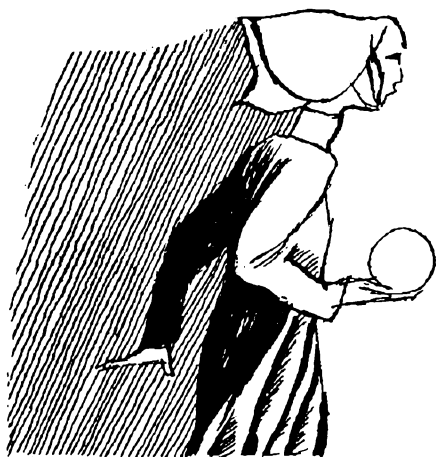
Ачрен подняла меч над головой и с силой грохнула им о каменный пол. Брызнули искры. Клинок тихо зазвенел, но не сломался.

С яростным воплем она отшвырнула меч. Он заскользил по полу. Ачрен тигрицей метнулась за ним и снова схватила, сжав в ладонях острый клинок в безумном порыве гнева. Ладони ее мгновенно заалели кровью. Губы ее кривились в змеином изгибе, глаза запали. Удар грома сотряс весь дворец, багровый свет озарил стены, и меч раскололся на куски.

— Вот так я и тебя сломаю! — пронзительно завопила Ачрен.

Она протянула руку к стоявшим поодаль Детям Котла, что-то приказала им на незнакомом гортанном языке.

Бледные воины шагнули вперед, схватили Тарена и Гвидиона и поволокли их из зала. В темном коридоре Тарен попытался вырваться, метнулся к Гвидиону. Но один из воинов наотмашь ударил его по голове рукояткой кнута.

Глава шестая

ЭЙЛОНВИ

Тарен очнулся на подстилке из грязной гнилой соломы, которая пахла так, будто на ней спал Гурджи и все его родичи и предки разом. Над его головой светился бледный квадрат зарешеченного окна. Слабый солнечный луч упирался в грубый влажный камень стены. Мелкие квадратики света лежали на полу. Но мертвенный, тусклый свет этот лишь подчеркивал мрачную полутьму камеры с тяжелым нависающим и давящим потолком. Когда глаза Тарена привыкли к этому желтому сумраку, он различил низкую, обитую гвоздями дверь с узкой щелью у самого пола. Вся камера была не больше трех шагов в поперечнике.

Голова раскалывалась от мучительной боли. Руки, стянутые за спиной крепким ремнем, опухли и ныли. Тарен лежал на вонючей подстилке и пытался вспомнить, что с ним произошло. Он не смел даже предположить, какая судьба постигла Гвидиона. После того как бледный воин ударил его рукояткой кнута, сознание возвращалось к Тарену лишь на отдельные мгно-

вения, и перед ним мелькали разрозненные клочки воспоминаний. В следующий момент он снова проваливался в тошнотворную кружащуюся тьму. Он неясно видел себя то бессильно висящим на плече охранника, то мелькал перед глазами бесконечный ряд железных дверей в темном коридоре, то смутно слышал голос Гвидиона. Друг что-то кричал ему, от чего-то предостерегал, но ни слова не мог вспомнить Тарен. А может быть, это была лишь часть его ночного кошмара? Он мог только догадываться, что Гвидиона бросили в другую подземную темницу. И значит, он жив? Тарен надеялся и страстно желал этого. Но не мог стереть из памяти мертвенно-бледное лицо Ачрен, ее пронзительный визг и понимал, что эта кровожадная тигрица в ярости могла приказать убить Гвидиона.

И все же у него были причины надеяться, что его товарищ и спутник жив. Ачрен ведь сразу могла про ткнуть его мечом, как только он бесстрашно отверг все посулы и обещания. Но что-то ведь удержало ее! Вероятнее всего, она оставила пока Гвидиона в живых, отложила его смерть. Он ей нужен. Но мысль о том, что гордый рыцарь распростерт на такой же гадкой соломе, беспомощный и окровавленный, мучила Тарена, наполняла тоской его сердце. Он сжал зубы и почувствовал, как эта мучительная тоска переплавляется в ярость. Шатаясь, он встал, сделал два шага до двери, ударил по ней ногой и затем стал бешено колотить, биться о нее всем телом. Все оставшиеся силы он вложил в этот яростный порыв. Ноги его подкосились, и Тарен в отчаянии опустился на холодный и влажный земляной пол, упершись лбом в дубовую доску двери. Через несколько мгновений он снова поднялся и опять заколотил ногами, плечом, грудью по двери, по каменным стенам, уже ничего не разбирая, не понимая. Он бился в узком пространстве камеры, как раненый загнанный зверек. Тарен надеялся, что кто-нибудь услышит его, откликнется. Но лишь глухой

звук ударов его тела разносился по камере. Слишком толсты и непроницаемы были ее стены, чтобы слабые толчки достигли чьих-то ушей снаружи.

Сознание его снова помутилось. Вдруг полузакрытые глаза резанула вспышка света. Какой-то сияющий шар пролетел между прутьями решетки и упал, мерцая, к его ногам. Тяжелый и как бы литой из золота, он светился изнутри. Сбитый с толку Тарен поднял взгляд к окну. Из-за решетки на него смотрели два сияющих голубых глаза.

— Простите,— донесся до него мелодичный девичий голос.— Меня зовут Эйлонви. Если вам не трудно, киньте, пожалуйста, мне мою игрушку. Я бы не хотела, право, чтобы вы подумали, будто я маленький ребенок, забавляющийся всякими глупыми безделушками. Но, поверьте, здесь иногда так скучно, что... Короче, я уронила ее, и, будьте добры, верните, если вас, конечно, это не затруднит.

— Малышка,— горько усмехнулся Тарен,— я не...

— Я не малышка! — перебила его Эйлонви.— Я же только что сказала тебе это. Ты что, слабоумный? Тогда мне жаль тебя. Я всегда жалею тупых и глупых. Как тебя зовут? — неожиданно перебила она сама себя.— Не правда ли, забавно разговаривать целую минуту с человеком и не знать его имени? Это все равно что ходить на голове или жить с трехпалой рукой, понятно? Неудобно это, вот.

— Я Тарен из Каер Даллбен,— выпалил он и тут же пожалел об этом: а вдруг это ловушка?

— Очень мило,— откликнулась Эйлонви.— Рада познакомиться. Наверное, ты лорд или воин, или даже военачальник. А может быть, ты бард? Или монстр? Хотя монстров у нас давно не бывало.

— Ни тот, ни другой и ни третий,— буркнул Тарен, впрочем польщенный тем, что Эйлонви принимает его за одну из таких значительных особ.

— Тогда кто же ты?

— Я — Помощник Сторожа Свиньи...

Тарен снова спохватился, прикусил губу, но поздно, слова сорвались с языка, и теперь оставалось только успокаивать себя, что девчонка выпытала у него не так уж много и слишком легкомысленна, чтобы использовать это немногое им во вред.

— Как очаровательно! — восхитилась Эйлонви. — Ты разговорился со мной! Может быть, и тот парень в соседней темнице тоже скажет мне несколько слов?

— Расскажи мне о нем, — быстро сказал Тарен. — Он, значит, жив?

— Не зна-аю, — протянула Эйлонви. — Я ведь только взглянула на него сквозь решетку. Он совсем не двигается. Но, думаю, жив. Иначе Ачрен уже давно скормила бы его воронам. А теперь, если не возражаешь, подай мне мою игрушку.

— Я не могу этого сделать, — сказал Тарен. — У меня связаны руки.

Голубые глаза расширились от удивления.

— Да? Это меняет дело. Придется мне самой зайти к тебе и взять ее.

— Не получится, — усмехнулся Тарен. — Разве ты не видишь, глупышка, что я заперт?

— Конечно, вижу, — спокойно ответила Эйлонви. — Но глуп ты, если полагаешь, что темницы бывают не заперты. И вообще, Тарен из Каер Даллбен, ты удивляешь меня некоторыми своими странными замечаниями. Не хотелось бы тебя обижать, но ответ, требует ли работа Помощника Сторожа Свиньи хоть каких-то умственных способностей?

Вдруг что-то там, за решеткой, грохнулось. Голубые глаза мгновенно исчезли. Тарен услышал нечто вроде глухой потасовки, вскрик, потом пронзительный визг и звук увесистого шлепка.

Голубые глаза больше не возникали. Тарен бросился ничком на солому. Мысли его путались снова. Мертвенная тишина одиночной камеры угнетала и давила. Он уже мечтал, чтобы Эйлонви вернулась. Это желание

смущало его. Несомненно, она так же коварна и зла, как и все обитатели этого замка. И все же чем-то не похожа на них. Может быть, ему просто хочется так думать о ней в его безысходном, безнадежном положении? Но полностью поверить в злодейство Эйлонви он все-таки не мог. Так или иначе, но он просто жаждал снова услышать ее мелодичный голосок.

Решетчатый квадрат окна над ним потемнел. Ночь хлынула в камеру темной, холодной и сырой волной. В щели под дверью камеры что-то грохнуло, звякнуло, и Тарен различил в темноте что-то проскользнувшее внутрь. Это была неглубокая миска. Он осторожно понюхал плескавшуюся в ней жидкость, боясь, что еда отравлена. Но это оказалась вовсе не еда, а всего лишь несколько глотков теплой и затхлой воды. В горле его так пересохло, что Тарен, будто зверек, приник ртом к миске и жадно вылакал вонючую воду.

Он свернулся на соломе калачиком и постарался заснуть, не прислушиваясь к боли во всем теле. Руки его так опухли, что жесткие ремни глубоко врезались в кожу. Вместе со сном навалились кошмары. И Тарен проснулся от собственного крика. Он попытался уснуть снова. Но теперь под соломой слышал приглушенную возню и царапание.

С трудом Тарен поднялся на ноги. Царапание перешло в скрежет.

— Отойди! — донесся до него приглушенный голос.

Тарен удивленно огляделся.

— Сойди с камня!

Он сделал шаг в сторону. Голос определенно долетал из-под соломенной подстилки.

— Ну не могу я поднять его, пока ты, глупый Помощник Сторожа Свины, стоишь на нем! — совсем близко раздался сердитый голос.

Испуганный и ошарашенный, Тарен отпрыгнул и прижался к стене. Соломенный тюфяк медленно поднялся. Под ним оказалась столь же осторожно

поднимающаяся каменная плита. В камеру проскользнула легкая грациозная тень.

— Кто ты? — вскрикнул Тарен.

— А кого, интересно, ты ожидал? — прозвенел в темноте голосок Эйлонви.— И, пожалуйста, не устраивай столько шума! Я же сказала, что приду. О, вот и моя игрушка! — Тень метнулась к мерцающему шару, про который Тарен вовсе и забыл.

Шар погас в ее руках. Еще более плотная тьма затопила камеру.

— Где ты? — закричал Тарен.— Я ничего не вижу...

— Только это тебя беспокоит? — спросила Эйлонви.— Так бы сразу и сказал.

Тотчас яркий свет ослепил его. Свет этот излучал золотой шар в руках Эйлонви. Тарен зажмурился.

— Что это такое? — прошептал он.

— Это? Моя игрушка,— просто сказала девушка.— Сколько раз мне еще повторять тебе?

— Но... но она светится!

— А что она, по-твоему, должна делать? Порхать пташкой под потолком? Блеть по-козлиному?

Теперь Тарен разглядел освещенную отблеском шара Эйлонви. Кроме огромных голубых глаз у нее были удивительно длинные, ниже талии, рыжевато-золотистые волосы. Лицо несколько надменное, но нежная кожа и чуть выступающие скулы делали его милым. Ее перепачканное глиной белое платье было перепоясано серебряной цепью с крупными звеньями. Серебряный полумесяц на тонкой цепочке по-сверкивал у нее на груди. По виду Эйлонви была на год или два моложе его, но ростом ему не уступала.

Эйлонви положила светящуюся сферу на пол, подошла к Тарену и развязала ремни, спутывающие его руки.

— Я собиралась прийти побыстрее,— сказала она.— Но Ачрен застала меня, когда мы с тобой разговари-

вали. Она пыталась отхлестать меня. Но я ее укусила. За это она заперла меня в одной из темных комнат под землей.— И Эйлонви указала рукой на приподнятую каменную плиту.— Таких темниц здесь, под Спиральным Замком, сотни. И целое переплетение всяких

галерей, коридоров, тупиков и спусков. Будто пчелиные соты. Строила все это не Ачрен. Говорят, этот замок принадлежал когда-то Верховному королю. Ачрен думает, что знает здесь все ходы-выходы, все тайные коридоры и переходы. На самом деле и в половине из них она никогда не бывала. Можешь себе вообразить Ачрен, шныряющую по узким и грязным тоннелям? Куда ей! Она же намного старше, чем выглядит,— хихикнула Эйлонви.— Но я-то знаю тут каждый закуток. Всю запутанную сеть коридоров. Но сейчас мне пришлось бродить в темноте. У меня же не было моей игрушки!

— Ты хочешь сказать, что постоянно живешь в этом страшном замке? — ужаснулся Тарен.

— Естественно,— сказала Эйлонви.— А ты полагаешь, что я прилетела на крылышках радости погостить сюда на недельку?

— Ачрен — твоя мать? — с опаской прошептал Тарен и в страхе отпрянул от девушки.

— Конечно, нет! — воскликнула девушка.— Я — Эйлонви, дочь Ангарад, дочери Регаты, дочери... Ой, мне так надоедает доводить этот список до конца! Мои предки,— она гордо подняла голову,— Народ Моря. Я из рода Ллира Молчаливого, Морского Царя. Ачрен — моя тетка, хотя иногда мне кажется, что она вовсе не тетя мне.

— Тогда что же ты тут делаешь?

— Я же сказала, живу! — нетерпеливо топнула ножкой Эйлонви.— Тебе все так долго надо втолковывать, чтобы ты понял? Мои родители умерли, и родичи послали меня сюда, чтобы Ачрен научила меня волшебству. Понимаешь, это семейная традиция. Так уж повелось, что все мальчики — военачальники, а девочки — волшебницы.

— Ачрен в союзе с Аровном из Аннувина! — вскричал Тарен.— Она злое, отвратительное существо!

— Подумаешь, это всем известно,— пожала плечами Эйлонви.— Иногда мне хочется, чтобы родичи взяли меня отсюда. Но, наверное, они обо мне просто забыли.

Она вдруг заметила глубокую рану на его плече.

— Откуда это у тебя? — спросила Эйлонви.— Да, ты, как я вижу, не великий воин, если позволил так побить себя. Конечно, Помощник Сторожа Свиньи не обязан совершать подвиги и бросаться в гущу сражения. И все же позволить ранить себя...

Она оторвала кайму от подола своего платья и принялась перевязывать рану юноши.

— Я и не позволял ранить себя! — сердито сказал Тарен.— Это Аровн или твоя тетка, не знаю, кто из них, да мне и все равно. Один не лучше другого.

— Я ненавижу Ачрен! — неожиданно воскликнула Эйлонви.— Она подлая и гадкая! Из всех, кто появлялся здесь, ты первый, с кем приятно поболтать. А она навредила тебе!

— Это еще не самое страшное,— мрачно сказал Тарен.— Она задумала убить моего друга.

— Если она это сделает,— сказала Эйлонви,— так и тебя не забудет. Ачрен не останавливается на полпути и полдела не вершит. Как будет жалко и стыдно, если тебя убьют. Мне бы не хотелось, чтобы это с тобой случилось...

— Эйлонви, послушай,— перебил ее Тарен,— если под замком такое переплетение ходов, то какой-нибудь ведет и в другую камеру? Ты можешь отсюда проникнуть туда?

— Ведет: И могу,— ответила Эйлонви.— Ты опять задаешь глупые вопросы. Если есть путь внутрь, то и наружу должен быть непременно. Не так ли?

— Ты поможешь нам? — рванулся к ней Тарен.— Нам очень важно вырваться отсюда. Ты выведешь нас?

— Устроить вам побег? — Эйлонви тихонько засмеялась.— Ачрен взбесится! — Она надменно посмотре-

ла на Тарена и важно проговорила: — И вынуждена будет отхлестать меня и запереть в темнице. — Глаза ее вдруг весело заблестели. — Да, это великолепная мысль! Забавно бы взглянуть на нее, когда она спустится вниз и увидит пустые темницы. Да ничего забавнее и придумать нельзя! Можешь себе представить...

— Послушай меня внимательно, — прервал ее болтовню Тарен. — Можешь ли ты... отвести меня... к моему другу? Поняла?

Эйлонви покачала головой.

— Это будет не так-то просто. Видишь ли, в камеры ведут просторные галереи, но переходы из одной в другую достаточно тесны и бежать по ним не очень-то удобно. Тем более втроем.

— Ладно, — согласился Тарен, — тогда я присоединюсь к вам в одной из галерей.

— Не понимаю, зачем тебе это? — пожала плечами девушка. — Будет гораздо проще, если я пойду и выпущу его, выведу за стены замка, а потом приду за тобой. Почему тебе так нравится все усложнять? Я же объяснила, что втроем ползать по переходам трудно. Намного труднее, чем ты думаешь. А сам ты отсюда никогда не выберешься.

— Хорошо, — в нетерпении воскликнул Тарен. — Освободи моего друга первым. Я надеюсь, что у него достаточно сил двигаться. Если же нет, вернись сюда, и я подумаю, как его вынести наружу. Кроме того, — вспомнил вдруг Тарен, — где-то здесь и наш конь Мелингар. Как быть с ним?

— Он, наверное, в конюшне, — сказала Эйлонви. — Надеюсь, ты знаешь, что лошадей обычно держат в конюшнях?

— Пожалуйста, — попросил ее Тарен, — послушай меня. Ты и его должна вывести. И еще достань нам оружие. Сделаешь это?

Эйлонви быстро кивнула.

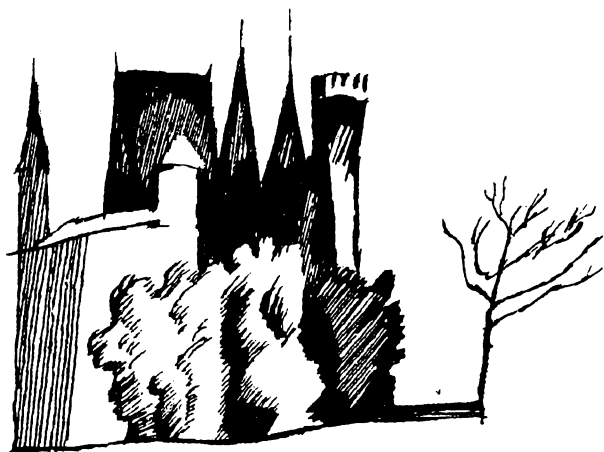
— Это будет страшно интересно! — Она хихикнула. — Уж-жасно весело!

Эйлонви подняла светящийся шар и спрятала его в ладошках. В камере снова стало темно. Стукнула опускающаяся плита, и серебристый смех Эйлонви постепенно растаял вдали.

Тарен метался по тесной камере взад-вперед. Впервые за эти два дня у него появилась какая-то надежда, хотя он и не был уверен, что можно положиться на эту легкомысленную эфемерную девушку. Она, казалось, могла тут же забыть обо всем, что только что обещала. И, хуже того, по неосмотрительности выдать их Ачрен. А вдруг это все же ловушка, устроенная лишь для того, чтобы навлечь на них новые мучения и пытки? О, потеря надежды еще мучительнее, чем полная безнадежность! И все же хуже, чем сейчас, быть не может!

Чтобы сохранить силы, он растянулся на соломе и постарался расслабиться. Перевязанная Эйлонви рана больше не беспокоила его. Он был голоден, но те несколько глотков воды, поданные под дверь в миске, убавили нестерпимую жажду.

Тарен и представить себе не мог, как долго придется им плутать по подземным галереям. Не знал он и сколько времени осталось до утра. Но время шло, и тревога не оставляла его. Тарен попытался сдвинуть с места каменную плиту, которой воспользовалась девушка. Но, как ни старался, разодрав руки в кровь, не смог даже и пошевелить ее. И он опять погрузился в бездействие, в томительное ожидание. Эйлонви все не возвращалась.

Глава седьмая

ЛОВУШКА

Из коридора донесся слабый звук. Он приближался, становясь все громче. Тарен бросился на пол и поспешно прижался ухом к щели под дверью. Он услышал гул марширующих ног и звяканье оружия. Юноша выпрямился и прислонился спиной к стене. Сомнений не было — девушка предала его! Он лихорадочно стал искать хоть что-нибудь, чем можно защищаться. Так просто он не сдастся! Ничего не найдя, Тарен схватил пучок соломы. Как бы он хотел сейчас иметь силу Гвидиона, чтобы превратить эти жалкие гнилые травинки в пылающую сеть!

Звук шагов нарастал. Они прошли мимо! Тарен испугался, что они направляются в соседнюю камеру, к Гвидиону. И с облегчением вздохнул, когда шаги стали затихать где-то в дальнем конце коридора. Возможно, это просто менялась стража.

Тарен без сил опустился на свою подстилку. Эйлонви, конечно, не вернется. Он злился на эту пустоголовую дурочку, на ее вероломные обещания, на себя, что

поверил им хоть на мгновение. Для нее все только забавы и развлечения. Наверное, будет хихикать, когда Дети Котла придут за ним, и воспримет их казнь как великую шутку, над которой можно вволю посмеяться. Он спрятал лицо в ладони и замер в тоске. Даже легкий шорох не оторвал его от тяжелых дум.

— Тебе всегда непременно нужно сидеть именно на этом камне? — донесся до него голосок, который он уж и не ожидал услышать. — Ты слишком тяжелый, я не могу поднять тебя.

Тарен вскочил и поспешно отшвырнул солому. Каменная плита приподнялась. Пучок света от золотого шара осветил довольное лицо Эйлонви.

— Твой друг свободен, — прошептала она. — Мелингара я вывела из конюшни, и теперь они оба прячутся в лесу за замком. Они ждут тебя, — радостно сообщила Эйлонви. — Поэтому, если ты не будешь стоять столбом и таращить глаза, будто забыл свое собственное имя, мы сможем отправиться к ним.

— Ты добыла оружие? — спросил опомнившийся Тарен.

— Нет. У меня не было времени искать его, — сказала Эйлонви. — Сознайся, — она лукаво улыбнулась, — ты не ожидал, что я все это сделаю, а?

Эйлонви опустила руку со светящимся шаром, и полоса света легла на пол.

— Иди первым, — сказала она. — Я спущусь за тобой и положу камень на прежнее место. Когда Ачрен придет за тобой Детей Котла, они не найдут никаких следов. Она подумает, что ты растворился в воздухе, и совсем лопнет от злости! Я знаю, что опасно злить человека, подсовывая ему вместо яблока жабу, но когда еще представится такой чудесный случай насолить ей?

— Ачрен узнает, что ты помогла нам бежать, — сказал Тарен.

— Нет, не узнает,— беспечно откликнулась Эйлонви.— Она же думает, что я по-прежнему заперта. А если она не знает, что я знаю способ выбраться из запертой комнаты, как же она узнает, что я выбралась? Но это слишком сложно для твоего умишка. Ты бесхитростен, как эта дверь. Но твоя наивность означает, что у тебя доброе сердце, а я думаю, что это гораздо важнее, чем слыть умником.

Пока Эйлонви продолжала болтать, Тарен протиснулся в узкое отверстие. Он попал в узкий и низкий тоннель. Пришлось стать чуть ли не на четвереньки.

Эйлонви уложила камень на место и двинулась впереди него. Свет ее шара освещал земляные стены хода. Тарен, сгорбившись, поспешал за Эйлонви. Справа и слева открывались боковые галереи.

— Не отставай,— позвала его Эйлонви.— И не сворачивай никуда. Некоторые из этих галерей так разветвляются, что недолго и заблудиться. А другие и вовсе не ведут никуда. Это тупики. Глупо будет затеряться под землей, когда хочешь выйти наружу.

Девушка шла так легко и быстро, что Тарен еле поспевал за ней. Дважды он спотыкался о камни, хватался за скользкие стены и снова устремлялся вслед за Эйлонви. Узкий лучик подпрыгивал впереди, а сзади к нему тянулись длинные руки темноты, словно стараясь удержать и утащить обратно. Теперь он понял, почему крепость Ачрен называлась Спиральным Замком. Узкие душные галереи вились бесконечным лабиринтом, кружили его. Тарен не был уверен, что они продвигаются вперед. Казалось, подземная карусель ведет их по собственным следам.

Земляной потолок задрожал и просыпался мелкой пылью им на головы. Где-то над ними слышался гул шагов.

— Мы сейчас как раз под комнатой стражи,— шепнула Эйлонви.— Наверху что-то случилось. Обычно Ачрен не меняет стражу среди ночи.

— Они, должно быть, обошли камеры,— сказал Тарен.— Незадолго до твоего прихода в коридоре слышалась какая-то суета. Наш побег обнаружен.

— Ты считаешь себя, должно быть, самым важным из Помощников Сторожей Свиньи,— усмехнулась Эйлонви.— Ачрен не станет заниматься такими пустяками ночью. Вот если...

— Хватит болтать, поторопись,— оборвал ее Тарен.— Если она поставит стражу вокруг замка, нам ни за что отсюда не выбраться.

— Я просто мечтаю, чтобы ты успокоился,— сказала Эйлонви.— У тебя такой расстроенный голос, будто ты растерял все пальцы на правой ноге. Ачрен может выставлять стражу сколько ей угодно и где угодно. Она же не знает, где находится выход из тоннеля. А он скрыт так хорошо, что и сова в самую темную ночь не разглядит. Или ты полагаешь, что я поташу тебя к главным воротам?

Несмотря на свою болтовню, Эйлонви шла быстро. Тарен согнулся в три погибели, продвигаясь наполовину ощупью и не спуская глаз со слабого лучика, скачущего впереди. Он скользил, ноги его разъезжались, плечи терлись об острые выступы поворотов, колени обдирались о камни, выступающие из утрамбованного земляного пола. Он терял Эйлонви из виду, торопился, хватаясь за грубые стены, задыхался, то отставал, а то утыкался Эйлонви в спину. На одном из поворотов свет шара заколебался и вовсе исчез. Надвинулась непроглядная тьма. И в ту же секунду Тарен оступился. Тоннель перед ним круто обрывался. Он упал и покатился. Не успев ничего понять, Тарен уже неудержимо скользил вниз в потоке камней и комков глины.

Мелкие камни засыпали его, обгоняли и с шуршанием и грохотом летели в пустоту. Неожиданно он перевернулся и уткнулся во что-то плотное. Падение прекратилось.

Тарен попытался встать на ноги. Но они оказались где-то высоко, намного выше головы. Он лежал на плоской наклонной плите вверх ногами. С трудом ему удалось подняться и сесть. Он встряхнулся, как собака, сбрасывая с себя мелкую гальку и комья земли. Эйлонви и ее светлого лучика не было видно. Тарен позвал девушку, стараясь приглушить голос.

Некоторое время спустя он услышал легкое царапанье. Над ним забрезжил зыбкий свет золотого шара.

— Где ты? — позвала Эйлонви. Голос ее казался далеким и слабым. — О, я вижу! Часть тоннеля обвалилась. Ты, должно быть, упал в расщелину.

— Это не расщелина, — прокричал Тарен, — а пропасть. Я долго падал. Здесь, кажется, очень глубоко. Ты не могла бы посветить сюда? Я не могу выбирать-ся в темноте.

Опять послышались скребущие звуки.

— Да, — сказала Эйлонви, — ты здорово влип. Земля вокруг изрыта, будто тут пробежал табун лошадей. А прямо над твоей головой большой камень, похожий на полку. Как это тебе удалось так ловко кувырнуться?

— Не знаю, как, — раздраженно ответил Тарен, — но можешь поверить, что я это не нарочно.

— Странно, — протянула Эйлонви. — Этого всего не было здесь, когда я шла к тебе. Все эти хождения по коридорам, наверное, сотрясают и разрушают почву. Боюсь, что эти тоннели и вполтину не так прочны, как кажутся. А ведь замок стоит над ними. То-то Ачрен всегда жалуется, что двери перекошены, стены трескаются, а полы вечно сырые...

— Прекрати болтовню! — закричал Тарен, зажимая уши ладонями. — Не хочу слышать о скрипучих дверях и отсыревших полах! Направь луч так, чтобы я видел, как отсюда выбраться.

— В том-то и штука, что тебе отсюда не выбраться,— задумчиво протянула Эйлонви.— Понимаешь, эта каменная полка над твоей головой нависает так круто и так далеко выступает вперед... Попытайся дотянуться до нее.

Тарен поднял руки и подпрыгнул насколько мог. Безнадежно. Массивная тень камня, заслонявшая от него Эйлонви и свет ее шара, оставалась недостижимой. Тарен застонал от отчаяния.

— Иди без меня,— сказал он.— Предупреди моего друга, что в замке начался переполох.

— А что ты собираешься делать? Не можешь же ты сидеть здесь, как муха в кувшине.

— Не думай сейчас обо мне,— откликнулся Тарен.— Потом ты найдешь веревку и вернешься назад, когда все успокоится.

— Кто знает, когда они утихомирятся? Если Ачрен увидит меня, это произойдет нескоро. А представь себе, что после встречи с ней я уже не смогу вернуться? Что станет с тобой? Ты, наверное, превратишься в скелет. Интересно, сколько времени требуется, чтобы человек стал скелетом? Немало, правда? Но тебе-то от этого не легче!

— А что же, по-твоему, делать? — вскричал Тарен.

Рассуждения Эйлонви о скелетах заставили его похолодеть. В ушах его зазвучал смертный рог Гвина, и воспоминание об этом мрачном всаднике привело его в отчаяние. Он припал лицом к шершавой стене.

— Очень благородно с твоей стороны забывать о себе,— сказала Эйлонви.— Но не думаю, чтобы это так уж было необходимо. Во всяком случае, до того момента, пока такой момент не наступит. Если войны Ачрен начнут прочесывать лес, не уверена, что твой воинственный друг станет их дожидаться. Он уйдет и спрячется, а потом вернется и найдет тебя. Или что-нибудь в этом роде. Конечно, если он тоже Помощник

Сторожа Свиньи и у него столько же ума, то мне трудно сообразить, что он сообразит.

— Он не Помощник Сторожа Свиньи,— обиделся Тарен.— Он... ладно, не твоего ума дело, кто он.

— Ты не очень-то вежлив. Но так и быть, прощаю тебя.— Эйлонви умолкла на мгновение.— Главное сейчас, как отсюда выбраться...

— Мы ничего не сможем сделать,— сказал Тарен.— Даже Ачрен не сумела бы запереть меня надежнее.

— Не отчаивайся. Я могу снять платье, сплести из него веревку... Хотя, сказать по правде, мне не очень нравится ползать по грязным тоннелям голышом. Только вот вряд ли она будет достаточно длинной и прочной. Можно бы отрезать волосы, будь у меня под рукой ножницы, вплести их в веревку из платья... Нет, не годится. Слушай, не мог бы ты помолчать немного и дать мне подумать? Подожди, я кину тебе мою игрушку. Лови!

Золотой шар перекатился через край выступа, и Тарен поймал его на лету.

— А теперь скажи, что там внизу? — спросила Эйлонви.— Это похоже на яму?

Тарен поднял шар над головой.

— Нет, это вовсе не яма! — закричал он.— Это похоже на темницу. И из нее идет тоннель.— Он прошел несколько шагов.— Не вижу, где кончается, но он длинный...

Камни загрохотали за его спиной. Мгновение, и Эйлонви свалилась к его ногам. Тарен уставился на нее с изумлением.

— Ты дура! — в сердцах закричал он.— Ты пусто-звонка... Что ты наделала? Теперь мы оба в ловушке! А разглагольствовала об уме и сообразительности. Да у тебя их не больше, чем у...

Эйлонви улыбалась и ждала, пока он выдохнется.

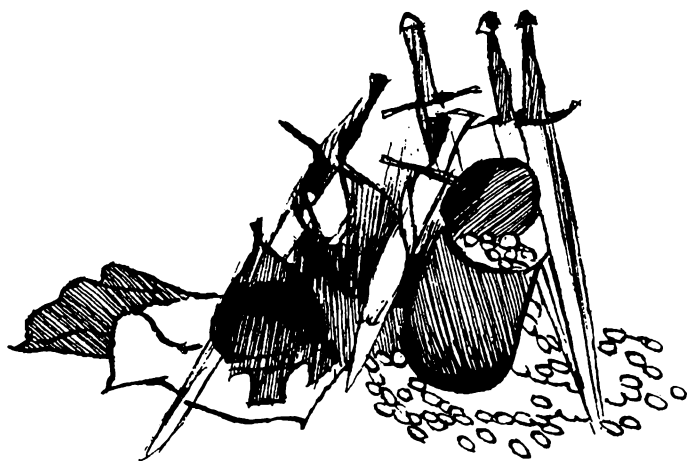
— А теперь,— сказала она спокойно,— если ты, конечно, закончил, позволь мне объяснить тебе очень

простую вещь. Если есть тоннель, то он должен куда-то вести. И куда бы он ни шел, у нас есть шанс оказаться в лучшем месте и лучшем положении, чем сейчас. Согласен?

— Я не хотел обижать тебя,— покраснел Тарен.— Но, сама посуди, нельзя быть такой легкомысленной и бросаться буквально вниз головой.

— Опять ты за свое,— отмахнулась Эйлонви.— Я обещала помочь тебе и как раз этим сейчас занимаюсь. Я не удивлюсь, если этот тоннель идет в ту же сторону, что и верхний. Это же не ответвление, а, значит, один из основных ходов. И потом, здесь гораздо просторнее и уютнее.

Эйлонви взяла из рук Тарена свой светящийся шар и шагнула в новый коридор. Покачивая в сомнении головой, Тарен, однако, двинулся следом за ней.

Глава восьмая

МОГИЛЬНИК

Эйлонви была права. Тоннель оказался намного удобнее и просторнее прежнего. Теперь они могли идти рядом, не сгибаться в три погибели и не семенить, оставаясь почти на одном месте, как кролики в кроличьем садке. В отличие от верхних галерей, стены здесь были облицованы огромными, плоскими камнями. Сводчатый потолок сложен был из крупных глыб, опиравшихся через каждые несколько шагов на толстые каменные колонны. Воздух, хоть затхлый, будто спрессованный столетиями, все же отличался от душной влажности верхних галерей.

Но это не утешало и не успокаивало Тарена. Эйлонви сама призналась в том, что попала сюда впервые. Ее жизнерадостная уверенность скорее отдавала беспечностью. Тарен не сомневался, что у нее довольно слабое представление о том, куда они идут и куда выйдут. Тем не менее девушка не сбавляла шага, ее сандалии весело шлепали по каменному полу и

отдавались звонким эхом. Свет золотого шара пронизывал тьму, разрывая ее, словно густую паутину.

Они миновали несколько боковых галерей, на которые Эйлонви не обратила никакого внимания.

— Будем идти прямо, пока эта галерея не кончится,— провозгласила она.

Раздраженный ее веселой уверенностью в том, чего быть не может, Тарен уже предпочел бы оказаться в камере.

— Сколько можно идти? — ворчал он, нахмутив брови.— Надо было остаться там, в яме, и постараться выбраться. По крайней мере, мы знали дорогу. А теперь ты даже не знаешь, какой длины этот тоннель. Мы можем бродить здесь всю жизнь.

Он ждал, что тоннель вот-вот станет подниматься. Ведь они стремились наверх!

— Проход должен вывести из-под земли,— сказал Тарен.— А мы продолжаем идти вниз. Так мы вообще не выйдем наружу. Наоборот, спускаемся все глубже и глубже.

Эйлонви не обращала внимания на его брюзжание. Но вскоре и она была озадачена. Коридор вдруг резко оборвался, перегороденный стеной из громадных валунов.

— Вот этого я и боялся,— застонал Тарен.— Мы дошли до конца твоего уютного тоннеля и вот, пожалуйста, пришли! Теперь мы можем спокойно возвращаться. Потеряли столько времени и все без толку! Мы еще дальше от выхода, чем были вначале.

Он отвернулся, а девушка удивленно смотрела на неожиданное препятствие.

— Ничего не могу понять,— бормотала она.— Зачем надо было строить тоннель, который никуда не ведет? Кто-то проделал колоссальную работу, вырыл, обложил стены камнями, устроил потолок и приволок тяжеленные опоры. И все попусту? Просто так? Как ты думаешь, что это был за глупец?

— Не знаю и знать не желаю! И хочу, чтобы ты перестала рассуждать о том, что не должно нас волновать сейчас! Я иду обратно,— решительно сказал Тарен.— Не знаю, как я взберусь на ту каменную полку, но уверен, что это легче, чем пробивать эту стену.

— И все же это странно,— не унималась Эйлонви.— И я никак теперь не могу сообразить, где же мы находимся.

— А я сообразил, что мы заблудились! И говорил тебе об этом раньше.

— Я не сказала, что мы заблудились,— запротестовала Эйлонви.— Я только говорила, что не знаю, где мы находимся. Это большая разница. Когда ты заблудился, ты совершенно не знаешь, где находишься. А когда просто не знаешь, где находишься сейчас, ты все же кое-что знаешь. Я, например, знаю, что нахожусь под Спиральным Замком. И это для начала неплохо.

— Ты споришь по пустякам,— огрызнулся Тарен.— Заблудился — значит заблудился. И ничего больше. Ты как Даллбен.

— Кто такой Даллбен? — тут же спросила Эйлонви.

— Даллбен — это мой... о, не обращай внимания! — Тарен наклонился и принялся затирать свои следы.

Эйлонви поспешила сделать то же самое.

— Надо заглянуть в один из боковых проходов,— позвала она.

Тарен не ответил. Однако, дойдя до первого же ответвления, он послушно нырнул во мрак.

— Иди вперед,— подтолкнула его Эйлонви.— Надо его обследовать. Он такой же просторный, как наш.

— Тише! — Тарен повернул голову и внимательно прислушался. Издалека слышался слабый шепот и шуршание.— Здесь кто-то есть...

— Тогда во что бы то ни стало узнаем кто,— сказала Эйлонви, толкая Тарена в спину.— Иди вперед, не стой!

Тарен сделал несколько осторожных шагов. Проход здесь был ниже и, казалось, сужался все больше и больше. Эйлонви шла следом. Он опасливо ставил одну ногу, останавливался, вытягивал другую, ощупывая пол. Тарен еще очень хорошо помнил о своем ужасном падении в бездну, что и привело его теперь сюда, в неизвестность. Шепот превратился сначала в монотонные завывания, а потом перешел в пронзительный вой. Казалось, чьи-то голоса сталкиваются, перевиваются, словно протягиваются издали к ним натянутые гудящие, стонущие струны. Холодная струя воздуха пронизала затхлую духоту тоннеля. На волне этой струи приплыл глухой глубокий вздох, потом нарастающее монотонное бормотание. Долетали и другие непонятные звуки. Скрежет и звон, будто волокут по камням лезвие меча. Тарен почувствовал, как у него задрожали руки. Он застыл и жестом приказал Эйлонви замереть.

— Дай мне свет,— шепнул он,— и жди здесь.

— Ты думаешь, это привидения? — спросила Эйлонви.— Но у меня нет ни одного боба, чтобы кинуть в них, а это единственное средство против привидений. Ты знаешь, я думаю, это все же не привидения. Правда, я еще ни с одним из них не встречалась и не знаю, какой шум они производят, и вполне может быть, что они могут и так шуметь. Но зачем им это нужно? Мы же их не тревожили. Нет, уверена, что весь этот шум делает ветер.

— Ветер? Откуда здесь ветер?.. Постой, постой,— задумался Тарен.— Может, ты и права. Ты ощутила тягу воздуха? Здесь где-то есть щель.— Не обращая внимания на жуткие звуки и предпочитая лучше считать их тягой воздуха, чем голосами привидений, Тарен поспешил вперед.

Эйлонви, не обратив внимания на его приказ ждать и не двигаться, шла следом.

Вскоре они достигли конца коридора. И снова громадные камни преградили им дорогу. Но на этот раз в каменной преграде был узкий зубчатый пролом. Отсюда вой слышался уже совсем отчетливо, и Тарен почувствовал на лице холодное дуновение свежего воздуха. Он просунул руку со светящимся шаром в пролом. Но даже золотые его лучи не могли рассеять плотную мглу. Тогда Тарен решился и осторожно проскользнул в узкую щель. Эйлонви последовала за ним.

Они оказались в комнате с низким потолком. Тьма словно бы съедала слабый луч шара, он начал мигать, то угасая, то натужно вспыхивая. Поначалу Тарен успел заметить лишь расплывчатые очертания фигур, окутанных тусклым зеленоватым сиянием. И в уши били пронзительные вопли, визг, яростный вой. Несмотря на холодный сквозной поток воздуха, овевавшего лицо Тарена, лоб его стал липким от пота. Он поднял над головой руку со светящимся шаром и сделал еще один шаг в темноту. Фигуры стали четче. Теперь он мог уже различить висящие на стенах щиты, мечи и пучки копий. Его нога споткнулась обо что-то. Он нагнулся, взгляделся и отпрянул назад, давась неммым криком.

Перед ним лежало иссушенное тело мужчины — вооруженного воина. Рядом лежал другой, а поодаль — третий. Они, эти древние мертвецы, образовывали круг около высоко поднятой каменной плиты, на которой покоилась еще одна фигура.

Эйлонви внимательно и с интересом разглядывала воинов.

— Уверена, что Ачрен и понятия не имеет обо всем этом, — прошептала она, указывая на груды мантий из меха выдры и большие глиняные кувшины, наполненные драгоценными камнями. Посреди всего этого богатства сверкало оружие, множество шлемов. В корзинах они тоже обнаружили драгоценности — броши,

ожерелья, золотые цепи.— Она бы давным-давно уволокла все это. Обожает драгоценности.

— Без сомнения, это могильник Верховного короля, построившего Спиральный Замок,— тихим голосом произнес Тарен.

Он прошел между лежащими воинами и приблизился к высокой плите, разглядывая лежащую на ней фигуру. Богатая одежда покрывала тело, всеми гра-

нями сверкали камни на широком поясе. Костлявые высохшие пальцы все еще сжимали украшенную драгоценными камнями рукоять меча, будто мертвец готов был сию минуту выхватить его из ножен. Тарен сжался от ужаса. Череп, казалось, гримасничает, угрожая тому, кто позарится на бесценные королевские сокровища.

Сильный порыв ветра хлестнул Тарена по лицу.

— Думаю, здесь есть проход,— сказал он.— Вон в той, дальней стене.

И он бросился туда, откуда просачивались призрачные голоса.

Проход открылся почти у самой земли. Тарен почувствовал аромат свежего воздуха и вдохнул полной грудью.

— Быстрее! — торопил он девушку.

Убегая, он с силой рванул меч из иссохшей руки какого-то воина и стал протискиваться в тоннель.

Тоннель был самым узким из всех, что им встречались. Пришлось ползти на животе, обдираясь о камни. За спиной он слышал сопение Эйлонви. Впереди возник новый звук — далекий гул и биение, словно стучало громадное сердце. Звук усилился, и земля содрогнулась. Внезапно проход стал сотрясаться. Зашевелились корни деревьев, взрывая почву. Стены узкого лаза задышали, зашевелились, вздымаясь и крошась. И вдруг земля под Тареном раскололась. В следующее мгновение его выбросило к подножию каменистого склона.

Ужасный грохот клокотал в чреве холма. Спиральный Замок на вершине его был объят голубым пламенем. Внезапно налетевший ураганный порыв ветра буквально вдавил Тарена в землю. Ветвистое дерево молнии выросло в небе. Позади Эйлонви звала на помощь.

Она высовывалась из разлома по пояс. Ноги ее зажало между камней. Тарен кинулся к ней. Он разбра-

сывал, расшвыривал, выдирал из земли камни. А стены Спирального Замка над ними дрожали и скрипели, как паруса во время бури. Башни кренились. Безумие вершилось вокруг. Тарен окровавленными ногтями скреб землю, рвал, переламывал скользкие корни.

— Это все меч,— пыхтела Эйлонви.— Ножны зацепились за что-то.

Тарен отворачивал последний камень.

— Что за меч? — спросил он, скрипя от натуги зубами.

Наконец он обнял Эйлонви и вытащил ее из затягивающей земляной воронки.

— Уфф! — тяжело вздохнула она.— Кажется, меня разобрали всю по косточкам, а потом собрали, но неправильно. Меч? Ты же сказал, что тебе нужно оружие, ведь верно? Ты взял один меч, а я другой.

Страшный взрыв, который, казалось, рвался из самого сердца земли, разметал Спиральный Замок. Мощные камни стен раскалывались, как орехи, их зазубренные осколки вонзались в небо. Затем наступила тишина. Ветер стих. Воздух застыл в тягостной неподвижности.

— Спасибо. Ты спас мне жизнь,— сказала Эйлонви.— Должна признать, что для Помощника Сторожа Свиньи ты достаточно отважен. Приятно, когда тебя удивляют таким образом. Интересно, что случилось с Ачрен? — продолжала она и добавила с ехидным смешком.— Вот уж небось разъярилась! И, конечно же, во всем обвинила меня. Она всегда наказывала меня за то, о чем я и понятия не имела.

— Если Ачрен погребена под этими камнями, она никогда и никого больше не накажет,— сказал Тарен.— Но не думаю, что нам следует оставаться здесь, чтобы выяснить это.

Он нагнулся за своим мечом и бросил взгляд на меч, взятый принцессой из могильника. Он был так длинен, что девушка не могла привязать его к поясу, поэтому ей пришлось повесить его через плечо.

Тарен с удивлением оглядел необычное оружие.

— Это же меч, который держал король! — воскликнул он.

— Естественно,— сказала Эйлонви.— Он должен быть лучшим, я права? — Она подняла сияющий золотой шар и посветила в сумеречную дымку, застилавшую склон холма.— Мы у задней стены замка, вернее, того, что было замком. Твой друг должен быть здесь, внизу, среди этих деревьев. Будем надеяться, что он ждет тебя. Хотя после того, что здесь произошло, я бы на его месте не очень дожидалась.

Они побежали к роще. Впереди Тарен различил фигуру, укутанную в темный плащ, и рядом с ней белую лошадь.

— Это он! — радостно закричал Тарен.— Гвидион! Гвидион!

Луна выкатилась из-за туч. Фигура медленно повернулась к ним. Тарен остолбенел, раскрыв рот от удивления.

Он никогда раньше не видел этого человека.

Глава девятая

ФФЛЕВДДУР

Тарен выхватил из ножен меч. Человек в плаще кинул поводья Мелингара и опрометью бросился бежать. В панике он попытался спрятаться за толстый ствол дуба. Тарен кинулся в атаку. Он кромсал и крошил дерево. Кора и ветки летели во все стороны. Незнакомец перебегал от дерева к дереву, увертывался от ударов. А Тарен рубил и колол, бешено размахивая мечом и дико кромсая кусты и ветки.

— Ты не Гвидион, самозванец! — в исступлении кричал он.

— Никогда и не говорил этого, — отвечал незнакомец. — Если ты думаешь, что я Гвидион, ты глубоко ошибаешься.

— Выходи, негодяй! — кричал Тарен, кидаясь на куст, за которым пытался укрыться бедняга.

— Выйду, выйду, — поспешно отвечал тот. — Только прекрати размахивать этой ужасной штуковиной. Клянусь Великим Белином, в темнице Ачрен я был в большей безопасности!

— Выходи немедленно, или не выйдешь уже никогда! — кричал Тарен, сокрушая куст.

— Перемирие! Перемирие! — завопил незнакомец. — Нельзя убивать безоружного человека!

Эйлонви подскочила к Тарену и схватила его за руку.

— Прекрати! — закричала она. — Неужто ты хочешь убить друга, которого я спасла с таким трудом?

Тарен оттолкнул Эйлонви.

— Ты не спасла, а предала его! — вскричал он. — Оставила его умирать в темнице. Ты заодно с Ачрен! Но ты хуже ее, коварнее!

И он с искаженным лицом занес над ней меч. Рыдающая Эйлонви метнулась в сторону и кинулась в гущу леса. Тарен уронил меч и стоял с опущенной головой. Незнакомец выглянул из-за куста и с опаской приблизился к нему.

— Перемирие? — неуверенно спросил он. — Поверь мне, если бы я знал, что это приведет к таким неприятностям, я бы и слушать не стал эту рыжую девчонку!

Тарен не поднял головы, не откликнулся. Незнакомец сделал еще два осторожных шага.

— Смирнейше прошу прощения за то, что огорчил тебя, — сказал он. — Мне очень приятно, что ты принял меня за принца Гвидиона. Увы, сходства в нас мало...

— Я не знаю, кто ты, — резко прервал его Тарен. — Знаю одно — великий и смелый человек принес себя в жертву ради тебя!

— Я Ффлевддур Пламенный, сын Годо, — сказал незнакомец, низко кланяясь, — бард, играющий на арфе, к твоим услугам.

— Я не нуждаюсь в бардах, — сказал Тарен. — Твоя арфа не вернет к жизни моего друга.

— Принц Гвидион мертв? — прошептал Ффлевддур Пламенный. — Очень печальная новость. Он мой родич, и я вступил в союз с Домом Доны. Но почему ты упрекаешь меня в его смерти? Если Гвидион действительно заплатил своей жизнью за мою, то скажи хотя бы, как это произошло. И я стану скорбеть вместе с тобой.

— Ступай своей дорогой, — хмуро ответил Тарен. — Это не твоя вина. Я доверился предательнице и лгунье и погубил Гвидиона. Расплатой за это будет моя собственная жизнь.

— Ты обращаешь эти суровые и обидные слова к той обаятельной девушке? — спросил бард. — К той, которую прогнал? Она не слышит твоих обвинений и не может оправдаться, защитит себя.

— Я не хочу слышать никаких ее оправданий и объяснений, — сказал Тарен. — Видеть ее не желаю, пусть пропадает в лесу!

— Может быть, ты и прав, — заметил Ффлевддур. — Но Гвидион, я уверен, не бросил бы ее с такой легкостью, не поговорив. Позволь мне дать тебе совет. Пойди и найди ее до того, как она заблудится и пропадет.

Тарен поднял глаза на барда и согласно кивнул головой.

— Да, — сказал он, — Гвидион поступил бы именно так. Ты разумен, бард. Пусть Гвидион, если он жив, судит ее.

Он резко повернулся на пятках и направился в чащу. Эйлонви не убежала далеко. Всего через несколько шагов он увидел пробивающиеся сквозь листву лучи ее золотого шара. Девушка сидела на валуне и казалась крошечной, тоненькой и беззащитной. Голова ее уткнулась в колени, плечи тряслись от глухих рыданий.

— Ты заставил меня плакать! — вскричала она при виде Тарена. — Я ненавижу, ненавижу это! Смотри, нос мой превратился в тающую сосульку! Глаза будто мокрая тряпка! Ты оскорбил меня! Ты, глупый Помощник Сторожа Свиньи! Ты, ты во всем виноват!

Тарен опешил. Он просто онемел от такого напора. А Эйлонви продолжала изливать на него поток гневных слов вперемежку со слезами и всхлипываниями.

— Да, — кричала она, — это твоя вина! Ты был так скрытен, не хотел и малости сказать про того человека, которого хотел спасти. Говорил мне что-то о друге в соседней камере, и все! Вот я и освободила узника этой камеры! Откуда мне знать, друг он тебе или враг?

— Я же не знал, что есть еще кто-то в подземелье. Ты не говорила мне об этом,— растерянно заикаясь, пробормотал Тарен.

— Там и не было никого,— настаивала Эйлонви.^{*}— Этот Ффлед... Пламенный... или как он там себя называет, был единственным.

— Тогда где же Гвидион? — вскричал Тарен.— Где он, мой спутник и друг?

— Я не знаю,— пожала плечами Эйлонви.— Его не было в темнице Ачрен. Это точно. Его никогда туда и не бросали, поверь мне.

Тарен понял, что девушка говорит правду. Он теперь вспомнил, что не видел, как и куда тащили Гвидиона. Ему просто казалось естественным, что с Гвидионом поступили так же, как с ним.

— Что же она могла с ним сделать?

— Что угодно,— ответила Эйлонви.— Она могла оставить его в одной из комнат замка, могла заточить в башню, могла упрятать еще в дюжине мест. В Спиральном Замке хватало темниц и тайников. А ты должен был не таиться, не молчать, а сказать мне просто: «Пойди и освободи человека по имени Гвидион». И я бы нашла его. Но нет, ты же умный и хитрый Помощник Сторожа Свины!..

Сердце Тарена упало.

— Я должен вернуться в замок и найти его. Ты покажешь мне, где Ачрен могла заточить его.

— Опомнись! — вскричала Эйлонви.— От замка ничего не осталось. И потом, я не уверена, что хочу впредь помогать тебе после тех гадостей, что ты наговорил. Я все слышала. Это все равно, что натолкать противных гусениц человеку в волосы, а потом гладить его по головке.

Она гордо вскинула голову, высоко подняв подбородок, и отвернулась.

— Прости, я ошибся,— покорно сказал Тарен.— Мой стыд равен твоей обиде.

Эйлонви, не поворачивая головы, косо взглянула на него.

— Надеюсь,— фыркнула она.

— Я отправлюсь на поиски сам,— так же смиренно продолжал Тарен.— Ты права, что отказываешься помогать мне. Да это и не твоя забота.

Он повернулся и понуро поплелся обратно.

— Эй, тебя, я вижу, легко уговорить! — крикнула Эйлонви, соскакивая с валуна.— Нельзя соглашаться так быстро!

И она поспешила за ним.

Ффлевддур Пламенный стоял на том же месте и ждал его. Теперь, при свете шара Эйлонви, Тарен смог получше рассмотреть барда. Он был высоким и худощавым, с острым носом. Большая копна желтых волос походила на стожок сена, нахлобученный на голову. Его куртка и штаны пестрели на локтях и коленях большими заплатами, прихваченными крупными неаккуратными стежками неумелой мужской рукой. Башмаки разбиты. Зато арфа, висевшая за его спиной, поражала изяществом закругленных линий. При всей бедности одежды, он не выглядел просто бродягой-бардом. Что-то благородное было в его лице и осанке. Да, этот бард не был похож на тех, о которых Тарен знал из «Книги Трех».

— Выходит, меня освободили по ошибке? — сказал Ффлевддур после того, как Тарен все объяснил ему.— Я должен был догадаться раньше. Еще когда меня тащили по этим ужасным тоннелям, я спрашивал себя, кому нужен несчастный бард, кого волнует, что он томится в тюрьме?

— Я возвращаюсь назад к замку,— твердо сказал Тарен.— Вдруг Гвидион там и еще жив?

— Прекрасно! — вскричал бард.— Пламенный с вами! На штурм! На приступ!

— Не много же осталось от того, что вы собираетесь штурмовать,— заметила Эйлонви.

— У-у,— разочарованно протянул Ффлевддур.— Ну ладно, мы сделаем все, что в наших силах.

На вершине холма в беспорядке лежали груды камней, будто разметанные ударом гигантского кулака. Только квадратная арка ворот высилась в сиянии луны, будто обглоданная кость чудовища. Облитые холодным лунным светом, свежие руины казались древними развалинами. Лоскутья тумана повисли на остатках башни, словно паруса на мачте после кораблекрушения. Среди камней и обломков валялись тела стражников. Вероятно, Ачрен перед самым крушением выслала их в погоню за беглецами. Воины успели только выскочить за ворота. Здесь их и настигла смерть.

С упорством и отчаянием Тарен карабкался по обломкам. Основание замка провалилось, и он ухнул в собственное подземелье. Стены упали внутрь. Бард и Эйлонви помогали Тарену сдвигать громадные каменные плиты. Но эта работа была им явно не по силам.

Наконец и Тарен выбился из сил. Изнуренный, он присел на камень и покачал головой.

— Больше мы ничего не сможем сделать,— сказал он упавшим голосом.— Все эти руины станут вечным могильным холмом над погребенным под ними Гвидионом.

Он немного постоял, безмолвно глядя на руины былого великолепия, и повернул назад.

Ффлевддур предложил взять оружие погибших стражников. Он снарядил себя кинжалом, мечом и копьем. Эйлонви вдобавок к мечу короля из могильника взяла лишь маленький кинжал и заткнула его за пояс. Тарен собрал целую охапку луков и колчанов со стрелами. Теперь они превратились в боевой отряд, отлично вооруженный.

С тяжелым сердцем спускались они с холма. Мелингар покорно шел за ними со склоненной головой,

будто понимая, что никогда уже не увидит своего хозяина.

— Скорей, скорей прочь отсюда! — вскричал Тарен. — Спиральный Замок принес мне столько горя! Не хочу больше никогда видеть эти руины!

— А мы? Что он принес нам? — спросила Эйлонви. — Ты так говоришь, будто мы сели в кружок и веселимся, а ты один, бедняжка, страдаешь, стоишь и расстраиваешься.

Тарен резко остановился, виновато улыбнулся.

— Простите меня, друзья, — сказал он. — Я ведь никого не упрекаю. Просто хочу поскорее уйти от этого страшного места.

— А я не тороплюсь, — упрямо заявила Эйлонви. — И ты ошибаешься, если думаешь, что я готова топтать без устали по лесу всю ночь. Я устала.

— И я, — откликнулся Ффлевддур, — кажется, я мог бы сейчас заснуть прямо на каменных ступенях, даже если здесь появится Ачрен.

— Нам всем необходим отдых, — согласился Тарен. — Но я не верю Ачрен, живой или мертвой. К тому же мы ничего не знаем о Детях Котла. Если они не погребены под развалинами, то сейчас рыщут повсюду, пытаясь напасть на наш след. Вот почему, несмотря на усталость, мы должны как можно скорей убраться отсюда.

Эйлонви и Ффлевддур послушно последовали за ним. Но сил их хватило ненадолго. Пришлось отыскать укромное местечко в гуще деревьев. Тарен расседлал Мелингара. В седельной сумке он нашел

плащ Гвидиона и протянул его Эйлонви. Бард закутался в свою собственную дырявую куртку и осторожно прислонил арфу к искривленному корню дерева. И они с Эйлонви блаженно растянулись на мягком дерне.

Тарен остался в дозоре. Мысль о мертвенно-бледных воинах не давала ему покоя. Они мерещились ему в каждом очертании куста, в каждой скользящей тени, в каждом звуке и шорохе. Ночь тянулась медленно. Тарен вздрагивал от любого дуновения ветерка, от крадущихся шагов мелкого лесного зверька. Вдруг кусты зашуршали. Нет, это не ветер! Он услышал слабый вздох, и рука его непроизвольно легла на рукоять меча.

— Чавки и хрумтявки,— захныкал знакомый голос,— будь другом.

— Кто? — вскочил бард.— Кто это? Твой друг?

— Странная у тебя компания, Помощник Сторожа Свины,— заметила Эйлонви.— Где ты его откопал? Ничего подобного в жизни не видела.

— Это не мой друг,— вскричал Тарен.— Он жалкий трус! Покинул нас в беде! Когда на нас напали Дети Котла!

— Нет, нет,— снова захныкал Гурджи, потряхивая своей лохматой головой.— Бедный робкий Гурджи всегда был предан могущественнейшим лордам. Он служил им не ради корысти, не ради корыта, не за чавки и хрумтявки!

— Не лукавь! — прикрикнул на него Тарен.— Ты сбежал как раз тогда, когда твоя помощь была нужна.

— Стучанье мечами для благородных лордов, а не для маленького слабого Гурджи. О, свистелки, колочки и стрелялки! — затащил свою песенку Гурджи.— О, страшенья и сраженья! Но Гурджи не сбежал, он побежал за подмогой, о, великий лорд!

— И, конечно, так никого и не нашел! — сердито сказал Тарен.

— О, печалки, стоналки! — канючил Гурджи. — Не было помощи для смелых воинов. Гурджи далеко ходил, очень далеко с громкими криками и кликами.

— Ну да, только визжать и пищать ты и умеешь, — с презрением сказал Тарен.

— Что еще мог сделать несчастный Гурджи? Он не может видеть великих воинов в горе! О, беда, о, страшенья и сраженья! Неужто Гурджи должен был отдаться в руки этим страшилкам и потрошилкам?

— Не очень смело, но не так уж и глупо, — сказала Эйлонви. — Не думаю, чтобы вы все выиграли оттого, что этого забавного болтушку порубили бы на куски. Тем более что не похож он на помощника в сражении.

— О, мудрость благородной леди! — вскричал Гурджи, кидаясь к ногам Эйлонви. — Если бы Гурджи погиб в сражение, не было бы его служенья тебе, о прекрасная леди! Но он здесь! Преданный Гурджи вернулся и готов получить колотушки и потрепушки от грозного воина!

— Замолчи и убирайся с моих глаз! — цыкнул на него Тарен. — Иначе ты действительно получишь, чего просишь.

— Гурджи просил чавки и хрумтявки, — загнусавил Гурджи. — Но он спешит повиноваться, могущественнейший лорд. Он не издаст больше ни стоналки, ни печалки, будут одни молчалки. Даже о том, что он слышал и видел. Нет-нет, он не потревожит больше сон великих героев. Гурджи уходит, не шумча и не ворча.

— Немедленно вернись! — закричал Тарен.

Гурджи просиял:

— Хрумки?

— Послушай меня, — примирительно сказал Тарен, — у нас мало еды, но я отдам тебе все. Только уж потом тебе самому придется искать себе чавки. А теперь говори!

Гурджи согласно кивнул.

— Много войск с острыми кольями маршировало в долине,— затынул он.— О, гораздо больше, чем прежде. Гурджи сидел и следил тихо и умно. Он не просил о помощи. Нет, они дали бы не помощь, а новые рубитки и убитки.

— Что это? — вскричал Ффлевддур.— Большое войско? Мне бы хотелось увидеть его. Я всегда обожал процессии такого рода, все эти военные походы и марши.

— Это были враги Дома Доны,— сказал Тарен.— Мы с Гвидионом видели их до того, как нас схватили. Теперь, если Гурджи не ошибается, они собирают подкрепление.

Бард вскочил на ноги:

— Пламенный никогда не бежал от опасности! Чем сильнее враг, тем громче слава! Мы найдем их, мы нападём на них! Барду будут петь хвалу в веках!

Увлеченный порывом Ффлевддура, Тарен выхватил меч, но тут же охладел. Он вспомнил предупреждение Гвидиона в лесу около Каер Даллбен.

— Нет-нет,— медленно произнес он,— глупо даже мечтать об этом.— Он улыбнулся Ффлевддуру.— Барды, может, и будут слагать гимны в нашу честь, но мы этого уже не услышим. Нам пока лучше оставаться в живых.

Ффлевддур, разочарованный, вновь опустился на траву.

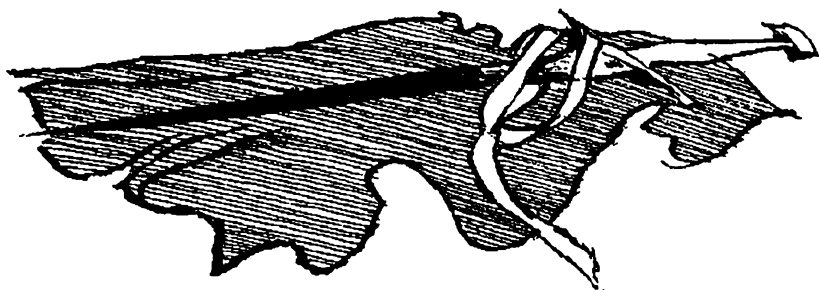
— Вы можете толковать о бардах сколько угодно,— сказала Эйлонви,— а я отправляюсь спать. Мне не до битв и подвигов.

С этими словами она натянула на голову плащ, свернулась под ним клубком и затихла.

Полусонный Ффлевддур уселся на корень дерева и потряс головой, стряхивая остатки сна, потому что наступила его очередь стоять на страже. Гурджи приутился в ногах у Эйлонви. Тарен, измученный собы-

тиями этой ночи, тут же погрузился в смутный тревожный сон. Перед ним проплывали видения Рогатого Короля, его воинов, он слышал крики из горящих корзин.

Вдруг сон ушел от него. Тарен сел. Горюя о потере Гвидиона, он начисто забыл о той главной цели, ради которой пришел сюда. Он позабыл о Хен Вен! Ради ее спасения Гвидион хотел предупредить и собрать Сыновей Доны. Голова у Тарена тяжелела и кружилась. Его друг, без сомнения, мертв. Значит, он, Тарен, должен вместо него идти в Каер Датил. Но что тогда будет с Хен Вен? Все так запуталось! Теперь он уже тосковал по безмятежной жизни в Каер Даллбен, готов был даже полоть огородные грядки или ковать бесконечные подковы. Тарен беспокойно вертелся с боку на бок, не находя ответа ни на один вопрос. Наконец усталость взяла свое, и он уснул, погружившись в ночные кошмары.

Глава десятая

МЕЧ ДИРНВИН

Тарен открыл глаза. День был в разгаре. Оголодавший Гурджи обнюхивал седельную сумку. Тарен быстро поднялся, отделил от припасов большую часть. Остальное он припрятал, не зная, сколько им придется блуждать и скрываться в лесу без пищи. Этой беспокойной ночью он принял решение, о котором пока не хотел говорить никому. Но он был уверен, что оно правильное. Сейчас надо было набраться сил, и Тарен сосредоточился на скудном завтраке.

Гурджи сидел, скрестив ноги, и жадно поглощал еду с такими ужимками, причмокиванием и громким чавканьем, что казалось, голодал целую вечность. Ффледдур тоже глотал свою долю торопливо и не пережевывая. Верно, тоже изголодался, бедняга. Эйлонви больше интересовал меч, который она вынесла из могильника. Он лежал у нее на коленях, и девушка, прикусив кончик языка от усердия, внимательно изучала усыпанные камнями ножны.

Когда Тарен подошел к ней, она вдруг быстро спрятала меч за спину.

— Ты ведешь себя так,— засмеялся Тарен,— будто я хочу украсть его у тебя.

Он присел рядом и тоже стал разглядывать это древнее оружие. Хотя драгоценные камни, украшавшие рукоять, сверкали по-прежнему, ножны потемнели, были расплющены, а рукоять почти почернела от времени. И все же от меча веяло какой-то древней силой. Тарену ужасно хотелось заполучить его.

— Послушай,— сказал он,— позволь мне глянуть на клинок.

— Я не осмеливаюсь вынуть его из ножен,— прошептала, к великому удивлению Тарена, Эйлонви.

Лицо ее вдруг стало торжественным и одновременно каким-то робким.

— На ножнах начертаны символы силы,— пояснила Эйлонви.— Я видела эти знаки раньше на некоторых вещах Ачрен. Они всегда означают что-то запретное и опасное. Конечно, все вещи Ачрен опасны, но некоторые запретны и опасны больше, чем другие.

Она помолчала и продолжала, нахмурившись:

— Видишь, здесь есть и другая надпись, но это древние письмена.— Она своенравно топнула ножкой.— О, почему я не успела постичь все, что знает Ачрен? Я могу разобрать эти древние письмена, но не до конца понимаю, что они значат. Это так раздражает меня! Будто прервали зевок и ты никак не можешь дозевать.

Как раз в этот момент к ним подошел Ффлевддур и тоже стал разглядывать странное оружие.

— Это из могильника, да? — Бард покачал своей лохматой желтоволосой головой и присвистнул. — Предлагаю отделаться от него поскорее. Никогда не доверяйте вещам, найденным в могильниках. Дурное это дело — возиться с ними. Вы же не знаете, в чьих руках они побывали и какую службу служили.

— Если это волшебный меч, — начал Тарен, все более возбуждаясь таинственностью попавшего в их руки оружия, — то не стоит ли, наоборот, оставить его у себя?..

— О, помолчи! — вскричала Эйлонви. — Я не могу услышать свои мысли. И вообще, с чего это вы оба обсуждаете, что делать с мечом? Он, в конце концов, не ваш, а мой. Я нашла его, вынесла, я почти застряла из-за него в грязном тоннеле.

— Считается, что барды понимают такие вещи, — сказал Тарен.

— Естественно, — сказал Ффлевддур, уверенно улыбаясь и почти уткнувшись острым своим носом в ножны. — Все надписи обычно похожи одна на другую. Такие выводят чаще всего на ножнах, а не на клинках. Пишут всегда почти одно и то же. Вроде «Опасайся моего гнева». Ничего не значащие слова...

В этот момент раздался резкий звон. Ффлевддур удивленно заморгал. Одна из струн его арфы лопнула.

— Извините меня, — сказал он и пошел осмотреть свой инструмент.

— Ничего подобного здесь не написано! — воскликнула Эйлонви. — Я могу прочесть кое-что. Видишь, надпись начинается около рукояти и идет, обвиваясь, как плющ, по всей длине ножен. Он не умеет их читать. В начале здесь написано «Дирнвин». Я не знаю, что это — имя меча или короля. О да, это название меча! Вот опять понятно:

ВЫТАСКИВАЙ ДИРНВИН ТОЛЬКО ТОТ,
КТО КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ,
ЧТОБЫ ПРАВИТЬ, БОРОТЬСЯ...

— Что-то в этом роде,— продолжала Эйлонви.— Надпись еле видна, не могу различить. Буквы стерлись... Нет, это странно. Они не стерлись, их соскребли! Они, должно быть, глубоко были врезаны в сталь, потому что след все равно остался. Но я могу прочесть сохранившееся... Ой, это слово выглядит так, будто оно умерло,— забормотала она что-то непонятное.— Не очень-то весело...— Она содрогнулась.

— Позволь мне вынуть его из ножен,— опять стал настаивать Тарен.— Ведь должно быть что-то написано на клинке.

— Нет,— отрезала Эйлонви,— я же сказала тебе, что на нем есть запретный знак силы, так же как и на колдовских вещах Ачрен.

— Но Ачрен больше не может повелевать тобой.

— Это не Ачрен,— ответила Эйлонви.— Я только сказала, что у нее были вещи с таким же знаком. А это более сильные чары, чем те, что могла сотворить она. Я в этом уверена. И не осмелюсь вытащить его. Тебе тоже не собираюсь позволять этого. Тем более что там сказано: «кто королевской крови», и вовсе не упоминается Помощник Сторожа Свиньи. Ни словечком.

— Откуда ты знаешь, что во мне нет королевской крови? — сердито спросил Тарен.— Я же не был рожден Помощником Сторожа Свиньи! Насколько мне известно, мой отец должен был быть королем. Так всегда случается в историях, описанных в «Книге Трех».

— Никогда не слышала о «Книге Трех»,— сказала Эйлонви.— Но, во-первых, я не думаю, что в надписи подразумевается именно король или королевская кровь. В Древних Письменах это значит нечто другое. Как бы тебе объяснить? Ну, не просто королевский титул или королевские родичи. Их любой может иметь. Это означает... о, не могу, не умею! Это нечто особенное. И мне кажется, если бы это было у тебя,

ты бы знал наверняка. Этого нельзя хотеть, знать или не знать. Оно существует само по себе, или же нет.

— Конечно,— сказал Тарен, обиженный и обозленный путанными объяснениями девушки,— ты точно знаешь, что у меня этого нет и быть не может!

— Я не хотела тебя обидеть,— быстро сказала Эйлонви.— Я уверена, что ты, Помощник Сторожа Свины, замечательный. Я даже думаю, что ты самый приятный человек из всех, кого я встречала в жизни. Именно поэтому мне запрещено давать тебе меч, и все тут.

— Тогда что ты с ним станешь делать?

— Хранить его, естественно. Я не собираюсь кидать его в колодец.

Тарен фыркнул.

— Ну и картинка — малышка висит на мече! Кто кого несет?

— Я не малышка,— обиделась Эйлонви.— В давние времена девушки бились бок о бок с мужчинами. Их так и называли — Девы Меча.

— Сейчас не давние времена,— сказал Тарен.— В нынешнее время девочки играют не с мечами, а с куклами.

Эйлонви с кулаками кинулась на Тарена. Но тут между ними ввернулся Ффлевддур Пламенный.

— Ну-ка,— прикрикнул бард,— прекратите перебранку! Не время сейчас.

Большим ключом он спокойно прокрутил деревянный колок, натягивая потуже только что приложенную к арфе струну.

Эйлонви, не остывшая от спора с Тареном, выплеснула свое раздражение на Ффлевддура:

— А надпись на мече вовсе не то обозначала. В ней ни слова не было о каком-то гневe. Хороший же ты бард, если не умеешь прочесть даже надпись на волшебном мече!

— Видишь ли,— замялся Ффлевддур,— на самом деле я не совсем бард.

— Не знала, что бывают невсамделишные барды! — подняла брови Эйлонви.

— Да, как видишь,— вздохнул Ффлевддур.— Перед тобой не бард, а король.

— Король? — опешил Тарен.— О сир...— Он стремительно преклонил перед Пламенным колено.

— Только не это,— вытянул обе ладони Ффлевддур.— Не надо. Я хотел бы все забыть.

Тарен и Эйлонви ничего не могли понять и растерянно умолкли.

— Где же ваше королевство? — спросила наконец Эйлонви.

— В нескольких днях пути на восток от Каер Дати,— сказал Ффлевддур.— Это было обширное владение...

Снова раздался звук лопнувшей струны.

— Что за напасть? — воскликнул бард.— Еще две струны оборвались. Так и знал. Да, о чем я?.. Вообще-то королевство мое незначительное, маленькое. К тому же унылое и мрачное. Поэтому я и отказался от него. Я всегда любил петь и сочинять песни и бродить по свету. Этим я и решил заняться, перестав быть всамделишным, как говорит Эйлонви, королем.

— Мне казалось, чтобы стать бардом, надо учиться,— сказала Эйлонви.— Не может человек просто решить, и все. У него ничего не получится.

— Да, в том-то и дело,— сказал бывший король.— Я учился, даже сдавал экзамены...

Блямс! — оборвалась с высоким звоном самая тонкая струна в верхнем углу арфы. Она свернулась, словно бобовый усик и мелко задрожала.

— Да, сдавал экзамены, но делал все плохо, если быть честным. И совет бардов не принял меня. Слишком много они требовали от меня. И целые тома поэтических сочинений, и песни, и музыку, вычисление

годовых колец, и историю, и алфавит разных народов, и тайные знаки. Нормальный человек просто не в состоянии удержать все это в голове. Тем более, если она у него одна-единственная.

Он вздохнул и продолжал:

— Я не жалуясь. Старцы совета были добры ко мне. Сам король бардов подарил мне свою арфу. Он сказал, что это древнейший инструмент. Я все пытаюсь понять, оказал ли он мне благосклонность или подшутил. Это очень милая арфа, но струны без конца рвутся. Я давно бы выбросил это старье, если бы не изумительно красивый тон звучания. Мне никогда не найти такой мелодичной арфы. Вот только струны...

— Да, они слишком часто рвутся,— согласилась Эйлонви.

— Именно,— вздохнул Ффлевддур.— И, удивительное дело, происходит это именно в тот момент, когда... ладно, оставим это. Мое воображение иногда заносит меня не туда. Я люблю все переиначивать, переворачивать. Моя поэтическая натура не дает мне покою.

— Если ты прекратишь фантазировать,— сказала Эйлонви,— может быть, и струны рваться перестанут.

— Да, наверно,— покачал головой бард.— Я пробовал, но это трудно. Королевская привычка своевольничать. Иногда мне кажется, что я больше времени трачу на струны, чем на саму музыку.

— Куда ты направлялся, когда Ачрен схватила тебя? — спросил Тарен.

— Никуда особенно,— сказал Ффлевддур.— Просто бродил по свету. Это же замечательно! Никуда не спешишь, никуда не стремишься. Идешь, куда глаза глядят, не ведая, в каком месте окажешься. К сожалению, местом этим оказалась темница Ачрен. Ее не интересовала моя игра. У этой женщины просто нет вкуса к музыке,— добавил он возмущенно.

— Сир,— почтительно сказал Тарен,— осмелюсь просить у вас благодеяния.

— Благодеяния? О, я давно не оказывал никому благодеяний. С восторгом исполню твою просьбу! — воскликнул Ффлевддур.— С тех пор как я оставил трон, ни один человек не обращался ко мне с нижайшей просьбой. Говори.

Ффлевддур Пламенный и Эйлонви уселись на траву, и Тарен рассказал королю-барду о своих поисках Хен Вен, о том, что поведал ему Гвидион о Рогатом Короле и его вассалах.

Гурджи, покончив с едой, забрался на взгорок, уселся на корточки и внимательно прислушивался к разговору.

— Я не сомневаюсь,— продолжал Тарен,— что Сыновья Доны ведают все о Рогатом Короле, о его намерениях. Если его не упредить, он вместе с Аровном задушит Прайден, схватит нас за горло. А я видел, что это значит.

Тарен почувствовал неловкость из-за того, что говорил как великий военачальник, вершащий судьбы страны. Но король-бард смотрел на него так серьезно и так уважительно слушал, что речь юноши снова полилась свободно. Он чувствовал, что говорит как бы за Гвидиона, которого сейчас заменяет.

— Я понял твой план,— помолчав, сказал Ффлевддур.— Ты намерен продолжить поиски своей свиньи. А меня просишь уведомить и предупредить воинов Доны. Превосходно! Я отправлюсь немедленно. А если воины Рогатого Короля попытаются захватить меня,— бард рубанул и пронзил рукой воздух,— они узнают, что такое сила и мужество Пламенного!

Тарен покачал головой:

— Нет, в Каер Датил я поеду сам. Прости, я не сомневаюсь в твоей доблести,— он поклонился королю-барду,— но опасность слишком велика. Я не имею права заставить кого-то искать ее вместо себя.

— А когда же ты станешь искать свинью? — спросил Ффлевддур.

— Это уже касается только меня, — жестко сказал Тарен. — Придется отложить поиски. Я примусь за это, если вернусь. А пока я обязан выполнить дело Гвидиона. Он погиб из-за меня, и будет справедливо, если я заменю его.

— Насколько я понимаю, — тихо сказал бард, — ты во всем винишь себя. Но ты же не мог знать, что Гвидиона нет в темнице. Не казись слишком сильно.

— Это ничего не меняет, — ответил Тарен. — Я уже решил.

Ффлевддур хотел что-то возразить, но неколебимая решимость в глазах Тарена остановила его.

— Какого же благодеяния ты просишь у меня? — спросил он, помолчав.

— Двойного, — с поклоном ответил Тарен. — Сначала скажи мне, как добраться до Каер Датил, укажи самую короткую дорогу. И второе. Прошу тебя благополучно довести девушку до ее родичей.

Прежде чем Ффлевддур успел открыть рот, Эйлонви вскочила на ноги и негодуя закричала:

— Довести? О, ты меня доведешь! Я иду, куда сама пожелаю! Меня нельзя отослать ни назад, ни куда бы то ни было еще помимо моей воли! Нет, я тоже иду в Каер Датил!

— Риск и так велик, — возразил Тарен, — а тут еще придется заботиться о слабой девочке.

Эйлонви уперла руки в бока. Глаза ее сверкали.

— Я не желаю, чтобы меня называли девочкой или, пуще того — слабой девочкой, будто у меня нет имени! Это все равно, как тебя засунут головой в мешок и станут называть «эти пятки из мешка»! Если ты сделал свой выбор, то и я сделала свой! А ты, — она повернулась к барду, — если ты посмеешь отвести меня к родичам, которые мне такие же родные, как этот гадкий парень, я нахлобучу твою арфу тебе на уши!

Ффлевддур растерянно заморгал и инстинктивно прижал арфу к груди, а Эйлонви продолжала:

— И если некоторые Помощники Сторожа Свиньи, я не желаю упоминать их имени, думают по-другому, они жестоко ошибаются.

Тарен вспыхнул.

— Прекрати! — гаркнул он. — Очень хорошо, — сказал он потише, когда Эйлонви удивленно умолкла. — Тебя, в конце концов, — он сверкнул глазами на Эйлонви, — я могу просто связать и кинуть на спину Мелингару. Но, — добавил он, останавливая жестом девушку, готовую заговорить, — но я не сделаю этого. Не потому, что ты устроила такой дикий скандал и испугала тут всех, а потому, что я согласен с тобой. — Он улыбнулся. — Так будет лучше.

Бард удивленно поднял брови. А Тарен продолжал:

— Для двоих опасность уменьшается вдвое. Да-да, не смотрите на меня так. Ведь если одного схватят, другой пойдет дальше вместо него. Шансы добраться до Каер Датил увеличиваются. Вот почему я считаю, что нам надо держаться вместе.

— И преданный Гурджи тоже! — завопил Гурджи. — Он пойдет следом. Слишком много врагов прячется в кустах и хотят устроить великим лордам печалки и пугалки.

— Если Ффлевддур изъявит свое согласие, — вежливо обратился к королю-барду Тарен, — он будет нашим проводником. Но предупреждаю вас, — глянул он на Эйлонви и Гурджи, — все свои желания вы должны посвятить одной цели — достичь Каер Датил!

— Обычно, — сказал Ффлевддур, — я предпочитаю быть предводителем в такого рода походах. Но, — повелительно продолжал он, останавливая желавшего что-то возразить Тарена, — поскольку ты действуешь за лорда Гвидиона, я подчиняюсь тебе, как подчинился бы ему. — Он склонил голову. — Пламенный ждет твоих приказаний.

И Тарен выступил вперед в знак согласия.

— Тогда вперед! — воскликнул бард.— И если нам придется принять бой, да будет так! Когда-то я проби-вал себе дорогу сквозь стены копьеносцев...

Шесть струн арфы лопнули разом, а остальные натя-нулись так, что вот-вот готовы были издать послед-ний звон. И, пока Тарен седлал Мелингара, бард уны-ло чинил свою арфу.

Глава одиннадцатая

БЕГСТВО ЧЕРЕЗ ХОЛМЫ

Поначалу Тарен предложил Эйлонви ехать верхом на Мелингаре, но девушка наотрез отказалась.

— Я могу идти пешком наравне со всеми,— задиристо сказала она и так сердито посмотрела на Тарена, что он больше не затевал этого разговора.

Он вообще теперь остерегался нарываться на острый язычок девушки.

Было решено, что на лошадь навьючат оружие, взятое в могильнике и у стен разрушенного Спирального Замка. Кроме меча Дирнвин, хранителем которого Эйлонви назначила себя.

Острием кинжала Ффлевддур нацарапал на земле схему дорог, по которым он собирался вести Тарена к Каер Датил.

— Войска Рогатого Короля непременно пройдут по долине реки Истрад. Это самый легкий и удобный путь для большой армии в походе. Спиральный Замок здесь, то есть был здесь,— поправился он, сердито ковырнув кинжалом землю,— к западу от реки Истрад.

Для нас самый короткий путь — через эти холмы, прямо на север.

— Так и пойдем,— сказал Тарен, с трудом разбираясь в этом пересечении начертанных кинжалом Ффлевддур линий.

— Не советовал бы, друг мой. Нам придется тогда идти слишком близко к владениям Аровна, к Аннувину. Они начинаются прямо здесь, у Спирального Замка. Я считаю, что нам надо держаться от них подальше. Нет, вот что нам нужно сделать: держаться западного высокого берега Истрад. Тогда мы почти не сделаем большого крюка и в то же время минуем саму долину. На этом пути мы не рискуем столкнуться с Рогатым Королем и обогнем земли Аннувина. Нас всего четверо, и мы можем двигаться намного быстрее тяжеловооруженных воинов огромного войска. Мы опередим их и раньше появимся вблизи Каер Датил. Устремимся к нему — и дело сделано! — Ффлевддур выпрямился, удовлетворенно улыбаясь. — Ну вот,— сказал он, отирая лезвие кинжала. — Превосходная стратегия. Даже мой военачальник не сделал бы лучше.

— Да,— неуверенно сказал Тарен, в голове которого все, что тут наговорил бард о высоких берегах, о западе, севере и долине, перепуталось и смешалось. — Да,— повторил он раздумчиво,— звучит очень разумно.

Они спустились на широкий, залитый солнцем луг. Утро становилось ясным и теплым. Роса еще не высохла и тяжелила стебельки травы. Во главе процессии на своих длинных прямых ногах быстро шагал Ффлевддур. Арфа подрагивала у него на плече, с другого плеча свисал старый поношенный плащ. За ним поспешала Эйлонви. Волосы ее растрепались от ветра, тяжелый черный меч, висевший у нее на боку, чертил по земле извилистую полосу. Рядом с Эйлонви бежал вприпрыжку Гурджи. В его лохматой

голове застряло так много сухих листьев, травинок и веточек, что казалось, будто на плечах у него громадное воронье гнездо. Гурджи подпрыгивал, размахивал руками, раскачивался, тряс головой, что-то бормотал, постанывал, побряхтывал и старался не отставать от девушки, которая ласково поглядывала на него.

Тарен шагал последним в этой растянувшейся цепочке, держа под уздцы Мелингара. Если бы не пучки стрел и копий, не мечи, навьюченные на лошадь, могло показаться, что беспечная компания отправилась на веселую прогулку. Эйлонви без конца болтала. Ффлевддур то и дело начинал петь. Гурджи, сытый и довольный, жался к Эйлонви. Только один Тарен выглядел озабоченным. Свежее светлое утро казалось ему обманчивым, облитые солнцем деревья, мерещилось, скрывают врагов. Даже само солнце не грело, а пронизывало дрожью беспокойства.

В Каер Даллбен Тарен мечтал войти героем. Но мечты мечтами, а действительность, как уже успел он понять, не так безоблачна и проста. Жизнь не зависела и не хотела подчиняться его решениям. Как ему сейчас доставало силы и уверенности Гвидиона! Своими силами, и он прекрасно понимал это, вряд ли ему удастся справиться с громадностью почти непосильной задачи. Тарен оглянулся, чтобы бросить последний взгляд на разрушенный Спиральный Замок, невольную могилу Гвидиона. На гребне холма, уходящего в облака, он увидел очертания двух всадников.

Тарен вскрикнул и жестом приказал спутникам скрыться в лесу. Мелингар понесся вперед. Через мгновение все они уже затаились в тени деревьев. Всадники медленно двигались по гребню холма. Они были так далеко, что Тарен не мог различить их лиц. Но, судя по их прямым, неподвижным силуэтам, это

могли быть только мертворожденные Дети Котла. Он представил их бледные лица и бессмысленные, почти белые глаза.

— Как давно они следуют за нами? — спросил Флевддур. — И видят ли они нас?

Тарен осторожно выглянул из гущи листвы.

— Вот и ответ, — указал он на склон холма.

Бледные Дети Котла повернули своих лошадей и устремились в сторону луга.

— Скорей, — приказал Тарен, — мы должны опередить их.

Он повел своих спутников в обход луга через лес. Появление Детей Котла заставило их изменить маршрут, который выбрал Ффлевддур. Но бард все же надеялся, что им удастся запутать бледных воинов, закружить их и вернуться на высокий берег реки, продолжая намеченный путь.

Держась близко друг к другу, они неслись по лесу. Ни на секунду не давали они себе передышки. В лесной тени было прохладно, но все же быстрый бег утомил их, дыхание стало хриплым и прерывистым, одежда промокла от пота. Только Гурджи вовсе не казался усталым. Он бежал то обгоняя их, то делая круг и снова вырываясь вперед. Рой мошкары вился над его головой не в силах проникнуть сквозь шапку густых спутанных волос. Остальные жестоко страдали от жалящих укусов преследующих их комаров. Эйлонви старалась не показать усталости и лишь изредка хваталась за стремя Мелингара.

Тарен не мог знать, близко или далеко бледные воины, но он был уверен, что упорные Дети Котла не потеряют их следа, не откажутся от погони. А следом для них служит все — и малейший звук, и сломанная ветка, и примятая трава. Времени на то, чтобы заметить свои следы или двигаться бесшумно, уже не оставалось. Они неслись напролом. Скорость была их единственной надеждой на спасение. И они не останавливали свой изнурительный бег до самого вечера.

Теперь они слепо продвигались вперед в темноте, которую изредка рассеивала выглянувшая из-за тяжелых облаков луна. Невидимые ветки хлестали по лицу. Стволы деревьев вырастали на пути внезапно. Пни и камни словно бы кидались им под ноги.

Эйлонви споткнулась. Тарен помог ей подняться. Она снова споткнулась, упала, голова ее бессильно откинулась назад. Тарен отстегнул от седла оружие, поделил ношу с Ффлевддуром и Гурджи и взгромоздил слабо протестующую Эйлонви на спину лошади. Она бессильно склонилась к лошадиной шее, и лицо ее утонуло в золотистой гриве.

Всю ночь они пробирались через лес, становившийся все гуще и непроходимей по мере того, как они приближались к долине Истрад. К тому времени,

когда скользнул по верхушкам деревьев первый утренний луч, даже Гурджи стал спотыкаться от усталости и с трудом переставлял свои короткие волосатые ноги. Эйлонви впала в такой почти бездыханный сон, что Тарен испугался, не заболела ли она. Волосы ее, влажные и перепутанные, прилипли ко лбу, лицо стало бледным, будто обескровленным. Вместе с Пламенным они осторожно сняли ее с седла и положили на мшистый склон берега. Но только лишь Тарен дотронулся до меча, намереваясь отстегнуть его от пояса, Эйлонви открыла глаза. Глаза ее сделались злыми, она рывком потянула меч к себе, отшатнувшись от удивленного Тарена.

— С первого раза ты не запоминаешь,— фыркнула Эйлонви, прижимая к себе меч.— Наверное, все Помощники Сторожа Свины такие непонятливые. Я же говорила тебе, что меча ты не получишь. Хочешь это услышать во второй раз? Или в третий? В четвертый? В пятый? Я уже счет потеряла своим словам.

Сказав это, она обняла меч обеими руками и тут же погрузилась в сон.

— Придется устроить привал,— сказал Тарен барду.— Но ненадолго.

— Мне сейчас наплевать, кто за нами гонится и кому в лапы я попаду,— пробормотал Ффлевддур. Он растянулся на траве, выставил к небу свой острый нос и широко раскинул длинные ноги.— Встреть я сию минуту даже самого Аровна, не двинулся бы с места.

— Дети Котла, должно быть, ночью потеряли наш след,— сказал Тарен, и в голосе его слышалась не уверенность, а лишь слабая надежда.— Хотелось бы знать, как далеко мы оставили их позади, если вообще сумели оторваться.

Гурджи оживился.

— Умный Гурджи узнает,— заволновался он.— Гурджи сделает подкраски и подглядки.

В следующее мгновение он взлетел на верхушку самой высокой сосны, повертелся там и стремительно соскользнул вниз, быстро поводя носом в предвкушении награды — чавки и хрумтявки.

— Перестань хотя бы на минуту думать о еде! — Прикрикнул на него Тарен. — Говори, что ты видел?

— Два воина далеко, но Гурджи видел их. Они едут полные злобной ярости. А теперь самое время для небольшой хрумки. О, совсем маленькой, для умного, доблестного Гурджи!

— Нет больше ни хрумки, ни чавки, — сказал Тарен. — Если Дети Котла наступают нам на пятки, тебе лучше поменьше заботиться о хрумке и побольше думать о собственной шкуре.

— Но Гурджи найдет хрумки! Очень быстро, о да, совсем быстро. Он очень умный и знает, где достать то, что утешит благородные животы великих лордов. Но они забудут бедного Гурджи и не бросят ему даже крошек от чавки.

— Он прав, — сказал бард. — Надо подкрепиться, пока Дети Котла не настигли нас. Я помогу тебе, Гурджи, поискать в лесу ягод и съедобных кореньев. Уж в этом я знаю толк. — Арфа загудела, и одна струна на ней натянулась так, что вот-вот готова была лопнуть. — Нет, — спохватился Ффлевддур, с опаской поглядев на арфу, — я, пожалуй, лучше останусь с Эйлонви. Если честно, то я не смогу отличить хороший гриб от поганки. А хотелось бы уметь, это сделало бы бродячую жизнь барда намного веселей и спокойней.

Взяв плащи, в которые они намеревались складывать все, что найдут, Тарен и Гурджи углубились в лес. У небольшого ручейка Тарен остановился, чтобы наполнить свежей водой кожаную флягу Гвидиона. Гурджи, жадно втянув носом воздух, ринулся вперед и исчез среди стволов рябины. Недалеко от берега реки

Тарен наткнулся на россыпь съедобных грибов и принялся быстро собирать их. Увлеченный этой работой, он совсем позабыл о Гурджи, когда вдруг услышал невдалеке за деревьями душераздирающий крик ужаса и боли. Подхватив набитый грибами плащ, Тарен устремился на крик. Он наткнулся на Гурджи, корчившегося от боли и хнычущего. Рядом с ним лежали медовые соты.

В первое мгновение Тарен решил, что Гурджи искусили лесные пчелы. Но, приглядевшись, понял, что бедняга попал в еще большую беду. Когда он лез на дерево за пчелиным медом, под ним обломилась сухая ветвь. Теперь Гурджи лежал на земле, а ногу его придавило тяжелой веткой. Тарен высвободил бедолагу.

Гурджи тяжело дышал и хныкал.

— Нога бедного Гурджи сломалась,— стонал он.— Гурджи не сможет больше делать ни прыги, ни дрыги бедной ножкой!

Тарен нагнулся и осмотрел рану. Нога не была сломана, но сильно разодрана острым суком и быстро распухла.

— Без ноги голова Гурджи никому не нужна,— верещал он.— Ее нужно отрубить. Сделай это, великий лорд, сделай быстро. Гурджи зажмурит глаза и зажмет уши, чтобы не видеть и не слышать страшного чик-чик!

Тарен внимательно поглядел на Гурджи. Тот был абсолютно серьезен, не лукавил и не хитрил. Его глаза умоляюще остановились на мече Тарена.

— Да, да,— кричал Гурджи,— пока не появились молчаливые воины со своими копьями, пусть лучше Гурджи умрет от твоего меча! Гурджи не может идти. Бледные воины схватят его и сделают из него чавки и хрумтявки! Лучше...

— Нет! — оборвал его Тарен. — Я не оставлю тебя в лесу одного, и тебе не отрубят голову ни я, ни кто-либо другой.

В глубине души Тарен понимал, что раненый Гурджи станет им обузой и в конце концов все они станут добычей Аровна. Может быть, действительно бедняге было бы лучше умереть, чем стать добычей кровожадных и безжалостных воинов. Но заставить себя вынуть меч и умертвить это славное существо Тарен не смог бы никогда.

— Ты поедешь вместе с Эйлонви на Мелингаре, — сказал Тарен, подняв Гурджи и положив его волосатую руку себе на плечо. — Теперь пошли. Один шаг, еще, еще...

Из последних сил Тарен дотащил Гурджи до их стоянки. Эйлонви уже оправилась и болтала даже больше обычного. Пока Гурджи со страдальческой физиономией лежал на траве, Тарен делил пчелиные соты. Порции оказались ничтожно малы.

Ффлевддур отозвал Тарена в сторонку.

— Твой волосатый друг осложнил наше положение, — прошептал он. — Если Мелингару придется везти двоих, не знаю, сколько времени он сможет выдержать.

— Ты, конечно, прав, — вздохнул Тарен. — Но другого выхода я не вижу. Ты решился бы оставить его? Ты смог бы отрубить ему голову?

— Безусловно! — вскричал бард. — В единый миг! Ффлевддур Пламенный никогда не колеблется! Главное, удача в бою и все такое прочее!.. О дьявол! Лопнула еще одна струна. И самая толстая.

Когда Тарен вернулся назад, чтобы собрать оружие, которое им теперь надо было нести на себе, он с удивлением увидел рядом со своим плащом дубовый листок с крохотной порцией меда — долей Гурджи.

— Для великого лорда,— пробормотал Гурджи.— Сегодня Гурджи не голоден, сегодня Гурджи не хочет ни хрумки, ни чавки.

Тарен посмотрел в мелко и печально моргающие глаза Гурджи. Впервые они улыбнулись друг другу.

— Твой дар неоценим,— мягко сказал Тарен.— Но ты должен пройти тот же путь, что и мы, и тебе потребуется не меньше сил. Бери свою долю. Она твоя по праву. И ты больше чем заслужил ее.

Он положил руку на плечо Гурджи и дружески сжал его. Влажный и терпкий запах волкодава уже не казался ему таким неприятным, как раньше.

Глава двенадцатая

ВОЛКИ

Иногда Тарену казалось, что они наконец оторвались от преследующих их Детей Котла. Но на исходе дня молчаливые воины вновь появлялись за дальним обрезом леса, на холме. Заходящее солнце светило им в спины, и длинные тени тянулись по долине, словно хищные руки, норовившие схватить беглецов.

— Нам придется столкнуться с ними лицом к лицу рано или поздно,— сказал Тарен, вытирая пот со лба.— Так пусть это случится раньше, теперь. Я понимаю, нам не победить Детей Котла, но хотя бы ненадолго задержать их мы сумеем. А Эйлонви и Гурджи тогда смогут спастись и достичь Каер Датил. Это наш последний шанс.

— Нет, нет, нет! — немедленно откликнулся трясущийся на спине Мелингара Гурджи.— Преданный Гурджи останется с могущественнейшим лордом, который пощадил его бедную слабую голову! Благодарный Гурджи будет сражаться рядом! Бить, зубить и когтить!

— Мы ценим твою храбрость,— сказал Ффлевддур,— но с такой ногой, как у тебя, ты вряд ли сможешь бить и когтить да и вообще что-нибудь делать.

— Но я тоже не собираюсь бежать,— вставила Эйлонви.— Мне надоело бегать зайцем, мне не нравится, что лицо мое исцарапано в кровь, что платье мое разорвано в клочья и что все это по вине тех бледных и молчаливых, как тень, всадников!

Она легко спрыгнула с седла и выхватила из сумки Тарена лук и пучок стрел.

— Эйлонви! Прекрати! — закричал Тарен.— Они же мертвые, вызванные к жизни! Второй раз их убить невозможно!

Эйлонви, несмотря на то что в ногах у нее путался длинный меч, бежала быстрее Тарена. К тому моменту, когда он настиг ее наконец, девушка уже взобралась на невысокий холмик и натянула лук. Дети Котла галопом неслись по долине. Солнце блистало на клинках их обнаженных мечей.

Тарен схватил Эйлонви за талию и постарался оттащить назад. Он получил резкий удар по ноге.

— Тебе непременно всегда и всему хочется помешать, Помощник Сторожа Свины! — с негодованием воскликнула Эйлонви.

Она вырвалась, нацелила стрелу в сторону заходящего солнца и пробормотала какие-то непонятные слова. Потом натянула тетиву и выстрелила в сторону скачущих им навстречу Детей Котла. Стрела полетела почему-то вверх и исчезла в бьющих в лицо лучах солнца.

Обескураженный, с открытым от удивления ртом следил Тарен за скользящей вдруг с неба стрелой. А та упала, воткнулась в землю и мелко задрожала. И тут же длинные серебристые лучи поднялись из ее оперения и светящимися столбами протянулись к небу. Через мгновение столбы расщепились, и вот уже огромная сияющая паутина медленно поползла навстречу всадникам.

Ффлевддур, бежавший к ним, остановился в изумлении.

— Клянусь Великим Белином! — воскликнул он. — Что это? Праздничный фейерверк?

Паутина окутала Детей Котла, но мертвенно-бледные всадники словно и не чувствовали ничего. Они пришпорили своих коней, и разорванная паутина осела на землю позади них.

Эйлонви схватила за голову.

— Не вышло! — со слезами в голосе воскликнула она. — Ачрен это делала по-другому. У нее паутина свивалась из больших липких веревок. О, все не так, не так! Я тогда старалась подслушать, стоя за дверью, но, наверное, пропустила самое важное.

Она в сердцах топнула ногой.

— Уведи ее отсюда! — крикнул барду Тарен.

Он выхватил из ножен меч и застыл, ожидая всадников. Еще мгновение, и они нависнут над ним! Он уже напрягся, готовый отразить удар. Но вдруг всадники дрогнули. Они на полном скаку остановили лошадей, а затем без единого жеста, молча поворотили их и устремились назад, в сторону холмов.

— Сработало! Неужели сработало? — вскричал изумленный Ффлевддур.

Эйлонви покачала головой.

— Нет, я тут ни при чем, — сказала она уныло. — Что-то остановило их. Но боюсь, что это не мое заклинание.

Она опустила лук и собрала рассыпанные стрелы.

— Мне кажется, я понял, что это,— сказал Тарен.— Они возвращаются к Аровну. Гвидион говорил мне, что они не могут долго оставаться вдали от Аннувина. Их сила постепенно уменьшалась, по мере того как они преследовали нас и удалялись от Спирального Замка и земли, питающей их силу. Наверно, они достигли той черты, за которую выйти не могут.

— Надеюсь, силы у них на исходе, и они не смогут вернуться назад в Аннувин,— сказала Эйлонви.— Мо-

жет быть, они рассыплются на кусочки или иссохнут, как дохлые летучие мыши?

— Не думаю,— тихо произнес Тарен, наблюдая, как всадники медленно исчезают за хребтом.— Они наверняка знают, как далеко могут зайти и рассчитывают свои силы. И каждый раз вовремя возвращаются к своему хозяину.— Он с восхищением взглянул на Эйлонви.— Но твоя колдовская сеть была одной из самых восхитительных вещей, которые я когда-либо видел. Гвидион делал сеть из травы, и она загоралась в воздухе. Но я не встречал никого, кто бы мог создать такую паутину, как твоя.

Эйлонви подняла на него глаза, и щеки ее стали цвета розового заката.

— Ну и ну, Тарен из Каер Даллбен,— сказала она,— вот не знала, что ты умеешь рассыпаться в любезностях.— Она вскинула голову и неожиданно сердито фыркнула.— На самом-то деле тебя больше интересовала паутина и собственная безопасность. Обо мне ты и не подумал.

И она, высокомерно вздернув подбородок, направилась к Гурджи и Мелингару.

— Но это неправда! — воскликнул Тарен.— Я... я был...

Но к этому моменту Эйлонви отошла так далеко, что не могла услышать его. Удрученный, Тарен полпелся за ней.

— Не могу понять этой девушки,— обратился он к барду,— а ты?

— Не обращай внимания,— сказал Ффлевддур.— Да от нас и не требуют понимания.

Этой ночью они снова, меняясь по очереди, стояли в дозоре, хотя с исчезновением Детей Котла исчезла и часть их страхов. Перед самым рассветом наступила очередь Тарена. Он хорошо выспался

и бодрым и отдохнувшим пришел сменить Эйлонви чуть пораньше.

— Иди поспи,— сказал ей Тарен.— Я достою за тебя.

— Я отлично могу справиться со своей долей обязанностей без услуг Помощника Сторожа Свиньи,— сухо ответила Эйлонви, не перестававшая злиться на него со вчерашнего дня.

Тарен знал уже, что настаивать бесполезно. Он молча поднял свой лук со стрелами, прислонился к темному стволу дуба в сторонке и стал смотреть на посеребренный луной луг. Рядом переливчато храпел Ффлевддур. Гурджи, чья нога все еще болела, беспокойно ворочался и стонал во сне.

— Ты знаешь,— смущенно проговорил Тарен,— эта паутина...

— Я ничего больше не хочу о ней слышать!— оборвала его Эйлонви.

— Я не о ней, а о тебе,— настойчиво продолжал Тарен,— я действительно очень беспокоился о тебе. Но паутина так меня поразила, что я... В общем, я хочу сказать, что ты мужественно вела себя перед страшными Детьми Котла. Я как раз об этом и хотел сказать тебе.

— Слишком много времени тебе понадобилось, чтобы сказать это,— бросила Эйлонви, но в голосе ее уже не чувствовалось сухости и обиды.— Впрочем, Помощнику Сторожа Свиньи это простительно. Твоя свинья, видно, не очень привередлива. Не подумай, однако, что я считаю твою работу пустяковой. Она, я верю, очень важна,— примирительно добавила Эйлонви.

— Сначала,— продолжал Тарен, стараясь не обращать внимания на колкости девушки,— я думал, что смогу добраться до Каер Датил сам. Но теперь вижу, не дойти бы мне и до этого места без чьей-либо

помощи. Я благодарен судьбе, что не один на этом пути.

— Вот-вот, ты опять за свое! — гневно воскликнула Эйлонви. Ффлевддур при этом испуганно всхрипнул во сне.— Чья-то помощь! Кто-то поможет тебе нести копья и мечи. Кто-то разведает дорогу. Тебе все равно, кто это сделает. Это может быть любой! И в любом случае ты будешь доволен. Твои помощники! Так знай, Тарен из Каер Даллбен, я не буду с тобой разговаривать ни-ког-да!

— Дома,— тихо сказал Тарен, ни к кому не обращаясь, потому что Эйлонви уже натянула плащ на голову и показывала всем своим видом, что спит,— дома все шло нормально, ничего никогда не случилось. Сейчас на каждом шагу случается что-нибудь непредвиденное и непонятное. И у меня не получается все и все время делать как надо.— Со вздохом он взял лук на изготовку и стал всматриваться в непонятную и настороженную тьму.

Утром Тарен заметил, что нога у Гурджи стала хуже, и отправился в лес поискать лечебные травы. Как хорошо, что Колл усердно учил его различать свойства трав! Теперь он отыскал нужную, сделал припарку и приложил ее к незаживающей ране Гурджи.

Ффлевддур тем временем принялся выцарапывать на земле кончиком кинжала новые направления их похода. Дети Котла, объяснил бард, вынудили их слишком далеко углубиться в долину Истрад. Возвращение на прежнюю тропу займет не менее двух дней тяжелого пути.

— Поскольку мы уже оказались здесь,— продолжал Ффлевддур,— разумнее будет перейти Истрад вброд и двинуться вдоль холмов, стараясь держаться подальше от Рогатого Короля. Это несколько дней пути. И если мы поспешим, то как раз вовремя прибудем в Каер Датил.

Тарен согласился с новым планом. Он понимал, что этот путь гораздо труднее, но, рассудил он, Меллинггар понесет на себе раненого Гурджи и девушку, а они с бардом разделят запас оружия и, отдохнувшие этой ночью, смогут идти быстрее. Эйлонви, позабыв, что не разговаривает с Тареном, вступила с ним в перепалку и отстояла свое право тоже идти пешком.

День пути привел их на берега Истрад.

Тарен осторожно, крадучись, двинулся вперед. Бросив взгляд на расстилавшуюся внизу долину, он увидел катящееся по ней длинное облако пыли. Он поспешил назад и рассказал о виденном Ффлевддур. Тот обрадованно воскликнул:

— Мы опередили их! Это отличная новость, мой мальчик! Я боялся, что они гораздо ближе к нам, и придется ждать наступления ночи, чтобы незамеченными перейти Истрад. Мы выиграли полдня! Теперь поспешим и будем у подножия Орлиных Гор еще до заката!

Подняв драгоценную свою арфу над головой, Ффлевддур ступил в реку. Остальные последовали за ним. Здесь Истрад была мелководной, вода едва доходила Эйлонви до пояса. Спутники легко перешли реку вброд. Тем не менее вышли они на противоположный берег промокшими и продрогшими, а низкое нежаркое солнце так и не высушило и не согрело их.

Оставив Истрад позади, путники стали карабкаться на каменистый горный склон. Он оказался гораздо круче, чем даже скалистый холм у подножия Спирального Замка. Правда, там воздух был тяжелым и гнетущим, и Тарен тогда задыхался. Теперь, приблизившись к Орлиным Горам, он дышал свободно, всей грудью. А вдохнув сухой и пряный запах сосны, и вовсе почувствовал, будто тяжелая ноша потеряла свой вес. Они собирались идти, не останавливаясь,

оставшуюся часть ночи. Но состояние Гурджи ухудшилось. Это заставило Тарена объявить привал. Травы помогли мало, нога Гурджи распухла еще сильнее и ужасно воспалилась. Его била лихорадка, он дрожал и постоянно впадал в полузабытье. Даже предложение хрумки и чавки больше не радовало его. Мелингар тоже выказывал явное беспокойство. Умная лошадь смотрела на лежащего у ее ног Гурджи, на его запекшиеся губы, на его полузакрытые глаза, тихо ржала и ласково терлась носом о всклокоченную шерсть несчастного больного, стараясь утешить его, как только умела.

Тарен рискнул развести костер. Вместе с Ффлевддуром они перенесли Гурджи поближе к огню. Пока Эйлонви, поддерживая бессильную голову Гурджи, поила его из кожаной фляжки, Тарен и бард отошли в сторонку и шептались между собой.

— Я сделал все, что знал и умел,— сказал Тарен.— Есть ли еще какой-нибудь способ спасти беднягу? — Он печально покачал головой.— Он так похудел, что мне кажется, я могу поднять его одной рукой.

— Каер Датил недалеко,— сказал Ффлевддур,— но боюсь, что наш друг не протянет долго и не доживет до конца пути.

Этой ночью в темноте вокруг костра жутко выли волки.

* * *

Весь следующий день их преследовали волки. Иногда тихо, крадучись и держась в тени деревьев, а большей частью открыто, воя и щелкая зубами, будто сзывая остальных на предстоящий пир. Они всегда держались от них на расстоянии полета стрелы. Но Тарен видел эти быстрые серые тени, тут и там скользившие среди деревьев.

— До тех пор пока они не осмелились приблизиться, нечего о них думать и тревожиться,— сказал он барду.

— О, они не нападут на нас,— спокойно ответил Ффлевддур.— Во всяком случае, не сейчас. Они чувствуют раненого и терпеливо будут ждать, когда он станет их легкой добычей.— Он повернулся и с тревогой посмотрел на Гурджи.

— Не могу сказать, что вы очень жизнерадостны,— заметила Эйлонви.— Говорите так, будто только и дожидаетесь, когда вас слопают. Или готовы откупиться жизнью Гурджи?

— Если они нападут,— спокойно сказал Тарен,— мы дадим им отпор. Гурджи готов был отдать свою жизнь за нас. Я готов сделать для него то же. И не надо падать духом, когда мы вот-вот достигнем цели нашего путешествия.

— Ффлевддур Пламенный никогда не падает духом! — провозгласил король-бард.— Подходите, эй вы, волки, или кто там еще!

Дзин-нь! — лопнула струна на арфе.

А серые тени все плотнее обступали их, и беспокойство путников усиливалось. Мелингар, до сих пор покорный и послушный, стал пугливым и нервно подрагивал. При каждой попытке утихомирить его Мелингар вздергивал голову и выкатывал крупные слезы глаз. Золотая грива его взметалась над шеей.

К тому же Ффлевддур объявил, что перевалить через холмы не удастся и прямая дорога для них закрыта.

— Если мы пойдем, как и прежде, прямо на восток,— сказал бард,— то упремся в высокие горы. Нам, с грузом оружия и с больным на руках, не перейти через них. Но и здесь мы обнесены стеной из скал и вынуждены петлять по прихоти тропинок. Эти скалы,— он повел рукой вдоль высящейся каменной преграды,— слишком суровы и неприступны, чтобы преодолеть их. Я думал найти тропу, ведущую сквозь них по

какому-нибудь ущелью. Но теперь вижу, что нам остается покорно идти на север, пока не найдем другого пути.

Он закончил свою длинную невеселую речь таким же длинным и невеселым вздохом.

— Волки, кажется, легче нас находят дорогу,— заметила Эйлонви.

— Моя дорогая девочка,— обиделся бард,— если бы у меня было четыре ноги и нос, чующий обед на милю вперед, не сомневаюсь, я бы тоже легко отыскал нужную дорогу.

Эйлонви хихикнула.

— Забавно было бы посмотреть на барда, скачущего на четвереньках! — сказала она.

— У нас есть тот, кто ходит на четырех ногах,— вдруг воскликнул Тарен.— Мелингар! Если кто-нибудь и сможет как можно быстрее найти дорогу в Каер Датил, так это он!

Бард прищелкнул пальцами.

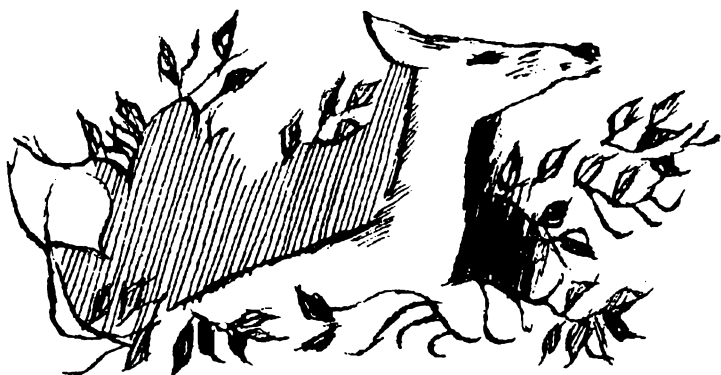
— Ай да Тарен! — обрадовался он.— Именно так! Каждая лошадь знает дорогу к своему дому. Стоит попробовать. Хуже, чем сейчас, нам все равно не будет.

— Для Помощника Сторожа Свиньи,— сказала Эйлонви,— ты, по-моему, до странности часто выдаешь хорошие идеи.

Они снова двинулись в путь. Тарен при этом отпустил поводья и слегка подтолкнул Мелингара вперед. Почуввав свободу, белый конь с привязанным к его седлу стонущим Гурджи ускорил шаг и рысью понесся по тропе. Путники еле поспевали за ним.

К полудню Мелингар нашел узкую расселину среди скал, которую проглядел Ффлевддур. День быстро иссякал. Мелингар вел путников через узкую каменистую теснину. Высокие, острые хребты нависали над их головами. В какой-то момент Мелингар ускорил бег и скрылся за поворотом. Тарен поспешил следом. Он видел, как конь вдруг резко дернулся и замер, словно превратившись в неподвижный белый камень.

Крикнув барду и Эйлонви, чтобы они поторопились, Тарен ринулся вперед. Внезапно он увидел на каменной плите прямо над собой огромного волка с желтыми глазами и вывалившимся из пасти алым влажным языком. Не успел Тарен выхватить из ножен меч, как тощее тело волка взвилось в воздух.

Глава тринадцатая

ТАЙНАЯ ДОЛИНА

Удар тела пришелся Тарену в грудь и опрокинул его навзничь. Уже падая, он краем глаза увидел, как Ффлевддур тоже прижали к земле сильные лапы другого волка. Эйлонви застыла в стороне, а перед ней напрягся готовый к прыжку волк.

Рука Тарена рванулась к мечу, но волк тут же впился в нее. Зубы зверя сомкнулись мертвой хваткой на запястье.

Внезапно в глубине ущелья возникла громадная фигура, закутанная в плащ. Чуть позади стоял Мелингар. Человек поднял руку и что-то повелительно крикнул. Волк, державший Тарена, моментально разжал челюсти и ослабил хватку. Он вдруг превратился в покорную собаку и трусливо отбежал в сторону. Человек крупно зашагал к Тарену, который с трудом поднялся на ноги.

— Ты спас нам жизнь,— сказал Тарен, тяжело дыша.— Мы благодарны тебе.

Человек опять что-то сказал волкам, и звери, припав к земле, поскуливая и виляя хвостами, поползли к его ногам. Высокий, широкий в плечах, мускулистый, человек этот походил на древнее крепкое дерево. Его белые волосы ниспадали ниже плеч, а борода покрывала пояс. Лоб его стягивала узкая золотая лента, в которой горел голубым пламенем драгоценный камень.

— Эти животные,— произнес он глубоким голосом, суровым, но неожиданно мелодичным,— не сделают вам никакого вреда. Но вы должны немедленно покинуть это место. Для людей оно запрещено и закрыто.

— Мы заблудились,— сказал Тарен,— и шли за нашей лошадью, доверившись ее чутью.

— Мелингар? — Старец повернулся и пронзил Тарена своими пронизательными серыми глазами. Под густыми нависшими бровями они сверкали, как льдинки.— Это Мелингар привел вас четверых сюда? Я-то думал, что бедняга Гурджи был единственным. Если вы друзья Мелингара... Вы ведь его друзья, не так ли? И это Мелингар, я не ошибся? Он так похож на свою мать. Да, стар я стал и часто забываю имена...

— Я знаю, кто ты,— догадался Тарен.— Ты Медвин!

— Неужто? — улыбнулся старец, и лицо его покрылось сетью добродушных морщин.— Да, меня называют Медвином. Но откуда тебе это известно?

— Я — Тарен из Каер Даллбен. Гвидион, принц Дома Доны, был моим спутником, и он говорил о тебе, когда еще был жив. Он спешил в Каер Датил, как и мы сейчас. Я и не надеялся встретить тебя.

— Это верно, ты и не мог встретить меня,— ответил Медвин.— Только звери знают дорогу в мою долину. Вас привел сюда Мелингар. Тарен — назвал ты себя? Из Каер Даллбен? — Он приложил огромную ладонь к драгоценному камню на лбу.— Дай-ка взглянуть. Да, вы гости из Каер Даллбен, теперь я уверен.

Сердце Тарена екнуло в груди от радости.

— Хен Вен! — вскричал он.

Медвин озадаченно глянул на него.

— Ты ищешь ее? Это становится любопытным. Ее нет здесь.

— Но я думал...

— Мы поговорим о Хен Вен позже,— сказал Медвин.— Твой друг сильно ранен, ты же знаешь. Пойдем,

я сделаю для него все, что смогу.— Он повелительным жестом позвал их за собой.

Волки безмолвной цепочкой растянулись позади Тарена, Эйлонви и барда. Мелингар ожидал их в глубине ущелья. Медвин снял Гурджи с седла так легко, будто тот весил не больше белки. Почти бездыханный, Гурджи тихо лежал на руках у Медвина.

Они спускались по узкой крутой тропе. Медвин шел впереди, ступая так размеренно и мощно, словно это шагало дерево. Старец был босым, но острые камни будто бы и не беспокоили его. Тропа резко свернула, сделала еще один поворот. Медвин прошел сквозь узкую щель в голой скале, и Тарен вдруг увидел перед собой тихую зеленую долину. Горы, казавшиеся неприступными, короной высились вокруг. Воздух здесь был мягкий, словно и ветер сменил свои злобные порывы на ласковое и нежное поглаживание. Среди пологих холмов стояли низкие белые хижины, очень похожие на те, что были в Каер Даллбен. При взгляде на них Тарен почувствовал острую боль от тоски по дому. Позади одной из хижин он заметил то, что поначалу показалось ему рядами стволов, старых и замшелых. Но, приглядевшись, с удивлением понял, что это были, скорее, источенные дождями и временем шпангоуты и мачты длинного корабля. Земля почти полностью укрыла их, трава и луговые цветы проросли между ними, превращая в неотделимую часть древнего холма.

— Должен заметить, старец здорово укрылся здесь,— прошептал Ффлевддур.— Никогда я не нашел бы дорожки сюда и не уверен, что отыщу обратную дорогу.

Тарен кивнул. Долина была самой красивой из всех, что встречались ему когда-либо. На лугу мирно паслись коровы. Небо и облака упали в крошечное озеро, и оно отсвечивало белым и голубым. Радужные очертания птиц мелькали в листве деревьев. Шагая по мягкой сочной траве, Тарен чувствовал, как усталость словно бы утекает в землю из его изнуренного тела.

— Смотрите, олень! — воскликнула восхищенная Эйлонви.

Из-за хижин появился пятнистый тонконогий олень, понюхал воздух и подлетел к Медвину. Грაციозное существо ни малейшего внимания не обращало на волков и весело резвилось около старца. И в то же время олень опасливо держался поодаль от незнакомцев. Но любопытство пересилило, и вот уж он осторожно обнюхивает протянутую ему руку Эйлонви.

— Я никогда так близко не видела оленя,— сказала девушка.— У Ачрен не было домашних животных, а лесные и подавно бежали от нее. Я не могу их винить в этом, ведь вряд ли найдешь такого, кто согласился бы жить рядом с ней. Но какой чудный олень! Ты весь трепещешь, красавец, будто дотрагиваешься до ветра.

Медвин жестом велел им подождать, а сам понес Гурджи в самую большую хижину. Волки сели в кру-

жок и сторожко наблюдали за путниками. Тарен расседлал Мелингара, который тут же принялся спокойно щипать свежую траву. Полдюжины кудахтавших кур клевало зерно у чистого белого курятника. Петух поднял голову, гордясь и хвастаясь своим резным высоким гребешком.

— Это куры Даллбена! — удивленно воскликнул Тарен. — Я узнаю их! Вот пестрая, вот белая. А уж этот гребешок мне знаком наверняка! — Он присел на корточки и весело кудахтал, очень точно подражая курам.

Впрочем, куры, увлеченные едой, мало обращали на него внимания.

Медвин возник в дверях хижины. Он держал огромную ивовую корзину, наполненную кувшинами с молоком, сыром, медом и фруктами, которые обычно к этому времени еще и не созревают.

— Мне надо немедленно заняться вашим другом, — сказал он. — Тем временем вы можете подкрепиться... О, ты узнал их, не так ли? — обратился он к Тарену. — Эти куры — мои гости из Каер Даллбен. Где-нибудь здесь должен быть и пчелиный рой, загнавший их ко мне.

— Пчелы улетели в тот день, когда убежала Хен Вен, — сказал Тарен.

— И направились прямым ходом сюда, — улыбнулся Медвин. — Куры просто потеряли голос от испуга. Я никак не мог у них выведать, что же произошло. Правда, они достаточно быстро пришли в себя, но, конечно, из их куриных голов уже все выветрилось, и они никак не могли объяснить, почему улетели. Ты же знаешь, куры, узнав о конце света, в следующее мгновение будут спокойно клевать зерно. Как только они окончательно успокоятся, я верну их обратно. Конечно, жаль, что до тех пор Колл и Даллбен не получают на завтрак куриные яйца.

Медвин поставил корзину на землю и распрямился.

— Я бы пригласил вас в дом,— продолжал он,— но там сейчас такой беспорядок. В гостях у меня утром были медведи, и вы сами можете вообразить, что там творится. Поэтому прошу вас самих позаботиться о себе. На сеновале есть солома, и, если вы хотите отдохнуть, надеюсь, там вам будет удобно.

Путники не стали терять времени. Они быстро расправились с припасами, принесенными Медвином, и разыскали сеновал. Там, устраиваясь поудобнее, всполошили одного из гостей Медвина — дремавшего лохматого мишку, который, ворча, убежал, и тут же погрузились в сон. Сладкий запах сена наполнял эту приземистую хижину. Флевддур, который еще долго ворчал, что даже медведи не желают есть бардов-неудачников, в конце концов тоже захрапел. Эйлонви сон сморил прямо посреди ее веселой трескотни, оборвав на полуфразе.

Тарен лишь сомкнул глаза, но сон не шел к нему. Долина Медвина освежила его больше, чем долгие часы сна. Он поворочался, а потом вышел из сеновала и отправился бродить по лугу. На дальнем берегу озера выдры, развлекаясь, ныряли в воду с небольшого выступа. При появлении Тарена они замерли на мгновение, покачали головами, будто сожалея, что он не может присоединиться к ним, и снова вернулись к своей игре. Рыба взорвала гладкую поверхность воды и сверкнула серебряной чешуей. Круги побежали по воде, и последний, охвативший почти всю окружность озера, выплеснулся крохотной волной на берег у ног Тарена.

Позади хижины Медвина Тарен увидел большой огород и обширный цветущий сад. К своему удивлению, Тарен понял, что тоскует по работе с Коллом на их огороде в Каер Даллбен. Прополка и окучивание овощей, которые он так ненавидел тогда, теперь, когда он вспоминал пережитые приключения и представлял, что еще им предстоит впереди, казались ему ми-

лыми, приятными и безмятежно счастливыми, как и все прошлые хозяйственные заботы.

Он сел на берегу озера и оглядел убегающие вдаль холмы. Солнце отдыхало на их вершинах, деревянный остов большого корабля резким силуэтом вырастал над низким холмом, который почти поглотил его. Рассмотреть получше этот корабль у Тарена не было времени, потому что появился Медвин. Он мягко

и почти неслышно шагал по лугу. Олень бежал рядом, по пятам за ним следовали три волка. В своем коричневом плаще и с шапкой седых волос Медвин казался могучей горой, увенчанной снежной короной.

— Гурджи уже получше, — сказал этот древний старец своим мелодичным глубоким голосом.

Олень легко и грациозно пританцовывал у берега. Медвин медленно сел рядом с Тареном и так же медленно и величественно обратился к нему:

— Он выздоровеет. И ничто ему не угрожает. Во всяком случае, пока он здесь.

— Я как раз сейчас думал о Гурджи, — сказал Тарен, глядя прямо в ледяные спокойные глаза старца.

И он поведал ему причину своего путешествия, все перипетии, происшествия и невзгоды последних дней, рассказал о несчастном случае с Гурджи. Медвин внимательно слушал. Большая голова его задумчиво склонилась, когда Тарен дошел до маленького подвига Гурджи, хотевшего пожертвовать жизнью ради спасения других.

— Сначала я не любил его,— признался Тарен.— Теперь я сильно привязался к нему и, думаю, полюбил, несмотря на все его хныканья и жалобы.

— Каждое живое существо заслуживает нашего уважения,— сказал Медвин, нахмурив свои густые лохматые брови.— Каждое, будь оно уродливым или красивым, гордым или жалким.

— Не сказал бы этого о гвитантах,— возразил Тарен.

— Я только жалею этих несчастных,— сказал Медвин.— Когда-то, очень давно, они были такими же свободными, как и все птицы. Смирными и доверчивыми, как любое не знавшее обиды и злобы существо. Коварный Аровн приманил их и подчинил своей воле. Он сделал железные клетки, которые стали их тюрьмой в Аннувине. Мученья, которым он подверг их, позорны и непереносимы. Теперь они служат ему из страха.

Медвин надолго умолк и превратился снова в могучую неподвижную гору. Потом глаза его сверкнули, и он продолжал медленно глухим голосом:

— Он стремится подчинить себе, приневолить всех животных в Прайдене, весь род человеческий. Вот почему я остаюсь в этой недоступной долине. Здесь Аровн не может навредить никому. Но если он станет правителем всей этой земли, не уверен, что я им всем смогу помочь. Те, кто попадут в его лапы, будут считать за счастье скорую смерть.

Тарен кивнул.

— Я теперь все больше и больше понимаю, почему мне надо скорей предупредить Сыновей Доны. А что касается Гурджи, я тоже считаю, что ему будет безопаснее оставаться здесь.

— Безопаснее?— переспросил Медвин.— О да, конечно! Но ты смертельно обидишь его, если сейчас, именно сейчас оттолкнешь от себя. Несчастье Гурджи в том, что он теперь ни то ни се. Не зверь и не чело-

век. Он потерял мудрость и силу животного, но не приобрел знаний и воли человека. Поэтому и те и другие избегают его. Если он будет иметь цель, это многое может в нем изменить.

Медвин пронизательно глянул на Тарена и твердо произнес:

— Он не задержит вас здесь надолго. Завтра же он сможет идти так же хорошо и легко, как вы. Я настаиваю, чтобы ты взял его с собой. Он не станет тебе обузой, а, может быть, чем-то и поможет. Гурджи должен найти свой путь служения важному и благородному делу. Никогда не отказывайся помочь тому, кто в этом нуждается.— Медвин снова помолчал и веско добавил: — И не отказывайся принимать помощь, когда ее предложили. Эту истину поведал еще хромой муравей Гуриру, сыну Грейдавла.

— Хромой муравей? — Тарен удивленно поднял брови.— Даллбен много рассказывал мне о муравьях. Но никогда не упоминал о хромом.

— Это длинная история,— сказал Медвин,— и, возможно, всю ее ты услышишь в другой раз. А сейчас ты только должен знать, что Килух... или, может, его отец... Нет, это был именно молодой Килух... Отлично! Так вот, когда молодой Килух добивался руки прекрасной Олвен, ее отец Испадadden дал ему несколько заданий. В то время он был Главным Великаном. О сути заданий сейчас говорить не станем. Это нас не касается, кроме разве того, что выполнить их было почти невозможно, и Килух не справился бы с ними без помощи своих товарищей.

Одно из заданий заключалось в том, чтобы за один день собрать девять мешков льняного семени, хотя вряд ли столько льна наберется во всей нашей земле. И ради своего друга Гурир, сын Грейдавла, взял это дело на себя. Пока он шел по холмам, обдумывая, как выполнить это задание, услышал он жалобный стон из муравейника. Жилище муравьев было охвачено

пламенем, и несчастным грозила смерть. Гурир,— да, я абсолютно уверен, что это был Гурир,— выхватил меч и расшвырял горящие веточки, загасив огонь.

В благодарность муравьи прочесали все поля и собрали девять мешков льняного семени. Но Главный Великан, неприятный, надо сказать, тип, взвесил на руке последний мешок и сказал, что он неполон. Не хватало одного льняного семени. До исхода дня, когда истекал срок задания, оставалось совсем немного.

Гурир понятия не имел, где отыскать это недостающее одно-единственное семя. И к тому моменту, когда край солнца уже готов был скрыться за горизонтом, приковылял хромой муравей, который нес на спине тяжелый груз. Это было одно льняное семя. Мера была полна.

Медвин передохнул и продолжал:

— Я изучал людской род. Я видел, как ты стоял одиноко, будто слабая камышинка у озера. Вы должны учиться помогать себе. Это верно. Но вы должны научиться помогать и другим. Разве все вы не хромые муравьи?

Тарен молчал. Медвин опустил руку в озеро и поболтал ею в воде. Через мгновение на поверхности появилась голова почтенного старого лосося. Медвин погладил жабры огромной рыбы.

— Что это за место? — шепотом спросил Тарен.— Кто ты, Медвин? Ты так говоришь о роде человеческого, будто ты не один из нас.

— Это место покоя,— сказал Медвин.— И потому не подходит людям. Во всяком случае, не всем и не всегда. До сих пор я держал эту долину лишь для жителей леса и воды. Когда к ним подступает опасность и остаются силы, чтобы передвигаться, они приходят ко мне. Ведь им больно и страшно. Ты разве не знаешь, что звери чувствуют горе, страх и боль? В мире людей им нелегко.

— Даллбен,— сказал Тарен,— рассказывал мне, что много веков назад, когда черные воды поглотили Прайден, Неввид Нав Нейвион построил корабль и взял с собой по паре всех живущих на земле существ. Воды ушли, корабль встал на покой, и ни один человек не знает, где. Но животные, которые невредимы вновь пришли в мир, помнили это. И потомство их никогда не забудет. А здесь,— Тарен протянул руку в сторону холмов,— я вижу корабль, стоящий далеко от воды. Гвидион говорил, что Медвин, если ты, конечно, и есть Медвин...

— Я Медвин, если тебя так заботит мое имя,— оборвал его седобородый старец.— Но не это важно сейчас. Меня беспокоит Хен Вен.

— Ты разве не видел ее? Она не здесь?

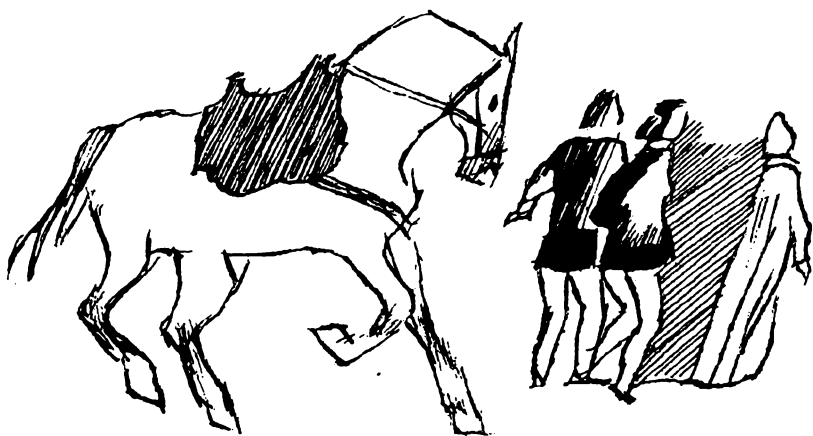
Медвин покачал головой.

— То, что сказал лорд Гвидион, правда. Из всех мест в Прайдене она первым делом отыщет это и придет сюда. В особенности, если чувствует, что ее жизнь в опасности. Но никакого знака, слуха или вести о ней не было. Хотя, конечно, она найдет дорогу сюда. Рано или поздно. Пока...

Медвин значительно замолчал, и Тарен почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

— ...пока ее не убили,— с содроганием закончил он мысль Медвина.— Ты думаешь, это могло случиться?

— Я не знаю,— ответил Медвин.— Хотя опасаясь этого.

Глава четырнадцатая

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Этим вечером Медвин устроил для путников пир. От беспорядка, устроенного гостившими в его доме медведями, не осталось и следа. Хижина была уютной и чистой, хотя и теснее, чем в Каер Даллбен. Тарен заметил, что Медвин и вправду не привык принимать у себя людей. Стола едва хватало, чтобы тесниться за ним всем сразу, а что касается стульев, так их просто не было. Пришлось придвигать скамейки и низкие табуреточки.

Медвин восседал во главе стола. Олень отправился спать. Но волки крутились у ног старца и приветливо скалились. На спинке его стула примостился громадный золотоперый орел, глядевший на всех своими зоркими немигающими глазами. Ффлевддур, все еще взволнованный всем происшедшим, однако, не потерял аппетита. Он ел за троих, и не похоже было, что скоро насытится. Но, когда он попросил вторую порцию оленины, Медвин с улыбкой объяснил ему, что

это не мясо, а овощи, приготовленные по его собственному рецепту.

— Естественно,— обратилась Эйлонви к барду,— не думаешь же ты, что он приготовил тебе на обед своих гостей. Это было бы похоже на то, как если бы ты пригласил меня отобедать, а на обед меня бы и зажарил. Неужто и барды так же бестолковы, как некоторые Помощники Сторожа Свиньи?

Тарен рад был возможности спокойно поест и отдохнуть. Весь обед он просидел молча и так же молча удалился на сеновал в свое соломенное гнездо. До сих пор ему ни разу не приходило в голову, что Хен Вен могла погибнуть. Он пытался найти утешение у Медвина, но старец не смог вселить в него полную уверенность, он и сам не знал ничего точно.

И снова сон бежал от него. Тарен вышел наружу. В чистом, прозрачном воздухе звезды казались холодными бело-голубыми льдинками и висели над самой головой. Он постарался не думать о Хен Вен. В конце концов, он должен был достичь Каер Датил, и ему еще предстоит выполнить это. Над головой пролетела сова, молчаливая, как недвижная ветка вяза. Бесшумной тенью появился Медвин.

— Не спишь? — спросил он.— Нельзя начинать путешествие с бессонной ночи.

— Я страстно мечтаю закончить это путешествие,— откликнулся Тарен.— Временами мне кажется, что я уж больше никогда не увижу родной Каер Даллбен.

— Людям не дано знать конца их путешествия,— загадочно сказал Медвин.— Может случиться, что ты никогда не вернешься в дорогие для тебя места. Но какое это имеет значение, если то, что ты должен сделать, находится здесь и теперь?

— Мне кажется,— тихо произнес Тарен,— знай я, что никогда не увижу свой дом, я хотел бы остаться здесь, в этой долине.

— Твое сердце молодо и не зачерствело,— сказал Медвин.— Да, если я правильно читаю в сердцах, ты из немногих, кого я бы принял здесь. Ты можешь остаться, если пожелаешь. И прямо сейчас. А свое дело поручить друзьям, тем, что пришли с тобой.

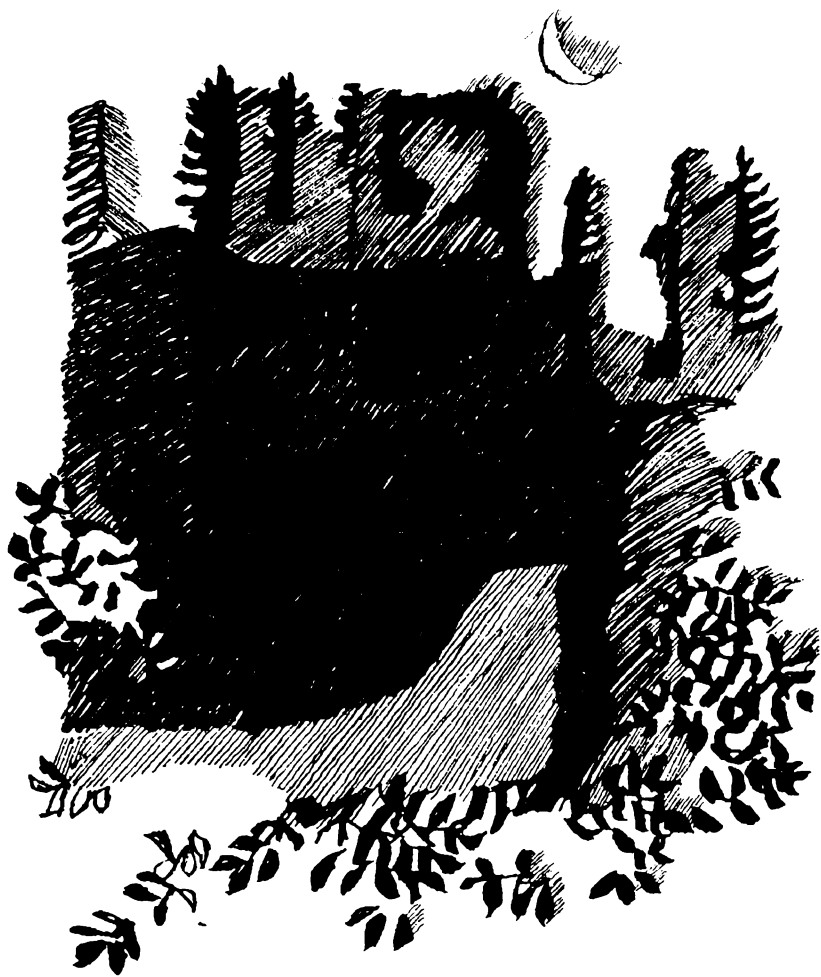
— Нет,— сказал Тарен после долгой паузы,— я взвалил его на себя по собственной воле и по своему выбору.

Тарену казалось, что вся долина шепчет на разные голоса, прося, призывая, умоляя его остаться. Холмы внушали мысль об отдыхе и покое. Озеро плеском своих вод говорило о солнечном свете, томящемся и дробящемся в его прозрачных и чистых глубинах, напоминало о радостных играх выдр, резвившихся на его берегу. Тарен закрыл свои уши и запер душу.

— Нет,— быстро сказал он,— я решил давно и не хочу менять своего решения.

— Пусть будет так,— мягко произнес Медвин, кладя руку на плечо Тарену.— Я дарю тебе самую малость: ночной отдых. Спи хорошо и спокойно.

Тарен не помнил, как он вернулся на сеновал, как уснул. Но проснулся он в сети солнечных лучей бодрый, освеженный глубоким и крепким сном, и с новыми силами. Эйлонви и бард уже позавтракали, и Тарен с удовольствием увидел, что Гурджи присоединился к ним, сидит и облизывается, сытый и веселый. Как только Тарен появился, Гурджи взвизгнул от радости и стал весело кувыраться у его ног.

— О радость! — верещал он. — Гурджи готов к новым шаганьям и скаканьям! К новым подкрадкам и подглядкам! Великие лорды были добры к счастливому, веселому Гурджи!

Тарен заметил, что Медвин не только подлечил ногу Гурджи, но и вымыл его и причесал. Правда, тот успел уже вывалиться в листьях и сухих соломинах, которые забавно торчали в его кудлатой голове, похожей на большой репей. И еще заметил Тарен, седельная

сумка Мелингара была набита битком, а через седло были перекинуты теплые плащи для всех них.

Старец собрал вокруг себя готовых отправляться в дорогу путников и сел на землю в середине круга.

— Армии Рогатого Короля сейчас опережают вас на день пути,— сказал он.— Но если вы пойдете по той тропе, которую я вам укажу, и будете двигаться быстро, то сумеете нагнать время, которое потеряли. Не удивлюсь, если вы доберетесь до Каер Даллбен на день или два раньше них. Тем не менее предупреждаю вас, что горные пути не так просты и легки. Коли вы желаете спокойной и легкой дороги, я могу провести вас опять на ту тропу, с которой вы сошли, к долине Истрад.

— Но тогда мы будем опять плестись вслед за Рогатым Королем! — воскликнул Тарен.— И будет меньше шансов обогнать его, а опасностей гораздо больше.

— Не надейся, что горы менее опасны,— предупредил его Медвин.— Хотя эта опасность, конечно, иного рода.

— Ффлевддур Пламенный расцветает от опасности! — заявил бард и с опаской глянул на свою задрожавшую арфу. Но струна лишь загудела, оставшись целой.— Пусть обрушатся на нас горы или все воины Рогатого Короля разом, я не дрогну!

И струна все же лопнула, что привело барда в некоторое смущение.

— Мы пойдем в горы,— просто и твердо сказал Тарен.

— Хоть раз ты, не колеблясь, принял правильное решение,— вставила Эйлонви.— Горы, конечно же, не станут стрелять в нас из лука и разить копьями. И посмотрим еще, так ли страшны их опасности. Ты, Помощник Сторожа Свины, растешь в моих глазах,— добавила она задиристо.

— Тогда внимательно слушайте, смотрите и запоминайте,— повелительно сказал Медвин. Пока он говорил, руки его проворно двигались, создавая из глины крохотное подобие холмов, тропинок между ними,

по которым Тарену было легче, чем по карте, нацарапанной Ффлевддуром, запомнить весь предстоящий им путь.

Медвин закончил. Вещи и оружие путников были навьючены на Мелингара. Старец повел их прочь из благословенной долины. С каждым шагом Тарен осознавал, что тропинка, уводящая их из долины, исчезнет навсегда, стоит лишь Медвину покинуть их. Назад нет возврата.

Спустя некоторое время Медвин остановился.

— Ваш путь теперь лежит на север,— сказал он,— а здесь мы расстанемся. Ты, Тарен из Каер Даллбен, слушай свое сердце, и оно подскажет тебе, правильное ли решение ты принял. Может быть, мы встретимся вновь. Тогда ты расскажешь мне обо всем. А до тех пор прощайте!

Прежде чем Тарен успел открыть рот и поблагодарить Медвина, белобородый старец исчез, будто холмы поглотили его. И путники остались одни на каменистом, продуваемом ветрами плато.

— Ладно,— сказал Ффлевддур, поправляя арфу за спиной,— зато уж если мы встретим волков, то теперь-то они будут знать, что мы друзья Медвина.

Первый день похода оказался не таким трудным, как предполагал Тарен. На этот раз он шел впереди. Бард согласился шагать следом, после того как он несколько раз перепутал наставления Медвина и упорствовал в своем заблуждении, пока струны на арфе не стали лопаться одна за другой.

Они без усталости взбирались по крутому склону, хотя солнце уже склонялось к западу, и пора было сделать передышку. Дорога, которую им указал Медвин, была трудной, каменистой, осыпающейся под ногами, но зато шла прямо и не терялась.

Горные ручьи, чья чистая и холодная вода бурлила и пенилась вокруг валунов, словно бы танцуя, неслись вниз, к долине, усеянные играющими блестками сол-

нечных бликов. Воздух был бодрящим, но стылым и обжигающим. И путники были благодарны Медвину за теплые плащи.

В расселине протяженного ущелья, защищенного от ветра, Тарен велел остановиться. Они прошли за день длинный путь, хорошо продвинулись вперед, гораздо дальше, чем он предполагал. И Тарен не видел причин продолжать изнурительный путь и ночью. Они привязали Мелингара к стволу одного из низких деревьев, росших прямо из скалы, и рядом, на ровной площадке, разбили свой лагерь. Дети Котла не могли здесь появиться, а войско Рогатого Короля осталось далеко внизу, и Тарен без всяких опасений развел костер. Пищу Медвина готовить не требовалось, но пламя согревало и веселило их. Когда ночные тени спустились с вершины горы и надвинулись на ущелье, Эйлонви вынула свой золотой шар и укрепила его в расщелине большого камня.

Гурджи, который, на удивление, не издал ни единого стоны или даже тяжелого вздоха за все время пути, уселся на валун и принялся с наслаждением расчесывать свою свалявшуюся шерсть. После мытья и причесывания у Медвина это, кажется, вошло у него в привычку. Бард, тощий, несмотря на огромное количество съеденного за ужином, как всегда, натягивал и надвязывал лопнувшие струны.

— Ты все время, с тех пор как повстречался нам, носишь эту арфу с собой,— сказала Эйлонви,— но ни разу так и не сыграл на ней. Словно хотел молвить что-то, а вместо этого показал всем язык.

— Не ожидала ли ты, что я стану брэнчать веселые мотивчики, когда Дети Котла наступали нам на пятки? — ответил Ффлевддур. — Не думаю, что это был подходящий момент. Но... Ффлевддур Пламенный всегда был любезен с дамами, поэтому, если тебе и впрямь хочется услышать мою игру... — добавил он, смущенный и довольный. Он умолк и закатил глаза к небу.

Потом стал словно бы убаюкивать свой инструмент в одной руке, в то время как пальцы второй нежно коснулись струн. И полилась нежная мелодия, почти такая же тонкая и изящная, как изгиб арфы. И голос, поющий без слов, вторил ей.

Тарен слушал мелодию, и свои собственные слова, повторяющие все изгибы и извивы звучащей невидимой нити, рождались в нем, в его душе.

Дон-н, дон-н! Дом-м, дом-м! Слова такие неуловимые, что нельзя было быть даже уверенным, что они существуют, невозможно было уловить, остановить их, оставить в памяти. Но они значили что-то очень радостное и почти видимое внутренним взором. Поля и сады Каер Даллбен, золотые дни осени и свежие зимние утра с розовым солнцем на снегу.

Вдруг арфа умолкла. Ффлевддур сидел, склонив голову к струнам, на его длинном лице застыло изумление.

— Ну и ну, вот так сюрприз,— наконец произнес он.— Я собирался сыграть что-нибудь живое, веселенькое, из того, что так любил мой военачальник. Чтобы вы стали посмелее, вы понимаете меня? А на самом деле,— он слегка обескураженно повертел в руках арфу,— на самом деле, я никогда не знаю, что ей вздумается сыграть. Вот такую шутку она со мной сыграла и сейчас. Мои пальцы двигались, но мне кажется, арфа играла сама по себе, не подчиняясь им.

Он несколько настороженно прикоснулся к струнам и замер, слушая тонкий, едва уловимый звук.

— Возможно,— продолжал Ффлевддур,— это имел в виду Талисин, который, вручая мне эту арфу, намекнул, что оказывает большую милость. Надо вам сказать, когда я шел в совет бардов на экзамен, у меня в руках был скорее печной горшок, чем настоящая арфа. Ее отдал мне за ненадобностью один из менестрелей. На этой печной арфе я грохнул, вернее, угрохал несколько песен. Вот она, та самая арфа. И надо же, как она распелась! Но учтите, что тогда я принял ее с благодарностью. Ффлевддур Пламенный никогда не смотрит в рот дареному коню. В данном

случае правильное было бы сказать в струны дареной арфе.

— Это была печальная мелодия,— сказала Эйлонви.— Но странно, что она не оставила в моем сердце печали. Это похоже на облегчение и очищение после того, как всласть поплачешь. Я почему-то видела море, которого никогда не видела. Или нет, видела в молодости.— При этих словах Тарен фыркнул, но Эйлонви не обратила на него никакого внимания.— Я видела волны. Они бились о камни, вспенивались, и все заслоняли высокие белые гребни. Белые Лошади Ллира, вот как они называются. На самом деле это всего лишь волны, бегущие чередой к скалам, спешащие разбиться о них.

— Странно,— сказал бард,— лично я думал о своем собственном замке. Он маленький и невзрачный, но мне хотелось бы увидеть его вновь. Вы знаете, человек может много бродить. Но его всегда поддерживает мысль о том, что он вернется туда, откуда ушел. Что-то заставляет и меня думать, что я вновь осяду в своем замке и постараюсь быть порядочным королем.

Гурджи, который слушал молча, вдруг издал протяжный тоскливый вой:

— Да, да, скоро великие воины вернутся в свои залы и замки, станут вести свои толки и веселки. А для бедного Гурджи опять будет страшный лес, и некому будет утешить его сладкой погладкой.

— Гурджи,— сказал Тарен,— я обещаю взять тебя в Каер Даллбен, если когда-нибудь сам доберусь туда. И, если тебе там понравится, а Даллбен согласится, ты сможешь оставаться там, сколько захочешь.

— О радость! — вскричал Гурджи.— Бедняжка трудяжка Гурджи заслужит улыбки и спасибо. О да, послушный Гурджи будет много работать...

— А сейчас послушный Гурджи ляжет спать,— посоветовал Тарен,— и все мы сделаем то же. Медвин указал нам верную дорогу, и осталось нам совсем не-

много пройти. Мы продолжим наш путь завтра на рассвете.

Ночью поднялся сильный ветер, ущелье заволокло тучами и хлынул дождь. Ветер не утихал, наоборот, набирал силу и уже завывал в узкой каменной теснине, как пойманный зверь. Он бился о камни, ударял в скалы громадным своим кулаком, и этот кулак был занесен над горами, над равниной, словно бы готовясь разметать все на его пути.

Но они, несмотря на бурю, двинулись дальше, закутавшись в плащи до самых глаз. Тропинки почти не было видно, крутые утесы неясно маячили у них над головой. Дождь промочил их насквозь и только тогда успокоился. Но теперь камни стали скользкими и коварными. Даже Мелингар, о четырех ногах, и то спотыкался. Однажды он так поскользнулся, что чуть не свалился в пропасть, и Тарен в ужасе мысленно простился с лошадей.

Горы тесным кругом высились над озером, черным и мрачным, отражающим в своих водах низкие темно-лиловые тучи. Тарен остановился у лежащих на берегу громадных камней и указал своим спутникам на цепь холмов на той стороне озера.

— Если следовать плану Медвина, — сказал он, — мы должны идти туда, на тот перевал. Но не вижу причин, почему нам нужно карабкаться по горам, когда мы можем пройти почти прямо. Берег озера хотя бы ровный и плоский, а по неровной гряде перевала почти невозможно пройти.

Ффлевддур потер свой острый нос и согласно кивнул.

— Даже считая время, необходимое нам, чтобы спуститься и подняться опять, я думаю, мы выиграем несколько часов. Да, я тоже считаю, что попытаться стоит.

— Медвин не сказал ни слова ни о каких долинах, — возразила Эйлонви.

— Но он не говорил ничего и о таких высоких скалах,— ответил Тарен.— Для него они, конечно, ничего не значат. Он могуч и жил здесь долгое время. А для нас это препятствие, и очень трудное.

— Если ты не станешь слушать, что тебе говорят,— рассердилась Эйлонви,— то будешь похож на человека, заткнувшего уши и закрывшего глаза на самом краешке бездонного колодца. Для Помощника Сторожа Свиньи, который из хлева почти не отлучался, ты неожиданно много обо всем знаешь и слишком много о себе понимаешь.

— А кто нашел выход из могильника? — парировал Тарен.— Решено. Мы пересечем долину.

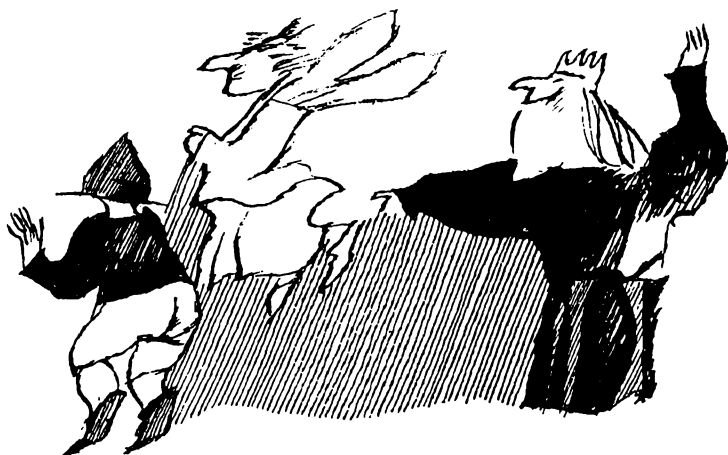
Спуск был трудным, но, как только они оказались внизу, в долине, Тарен совершенно уверился в своей правоте.

Держа Мелингара под уздцы, он уверенно вел свой маленький отряд вдоль узкого берега. Озеро местами так близко подходило к подножию холмов, что им приходилось шлепать по щиколотку в воде. Теперь было видно, что воды озера были черными сами по себе, а не из-за отраженных в них туч. Застывшая поверхность его отливала тяжелым, темным блеском, словно вороненое железо. Подножие холмов оказалось не менее коварным, чем их видимые скалистые вершины. Они шли со всей осторожностью, и все же Тарен не раз оскальзывался и плюхался в воду. Он оглянулся, чтобы предупредить остальных об опасности, и с удивлением увидел, что Гурджи зашел в озеро по пояс и продолжает идти к самой его середине. Ффлевддур и Эйлонви тоже удалялись от берега и уже шли в воде по колено.

— Не ходите по воде! — крикнул Тарен.— Держитесь берега!

— Мы и делаем это,— откликнулся бард,— нас просто затягивает в глубину. Здесь ужасно сильное течение.

Через мгновение и Тарен понял, что имел в виду бард. Неожиданно мощная подводная струя увела дно у него из-под ног. Он попытался подняться, вытянул руки, но черное озеро стало его неумолимо засасывать, тянуть в глубину. Позади него Мелингар усиленно молотил по воде ногами, тихо и испуганно ржал. Небо закружилось над головой. Его теперь несло, как веточку в бурном потоке. Эйлонви пронеслась мимо него. Он попытался встать на ноги и поймать ее. Но было слишком поздно. Тарена закрутило в водовороте. Ничего, мысленно утешал себя Тарен, их просто прибьет к дальнему берегу, вот и все. И он старался держать голову над водой, чтобы его не захлестнуло волнами. Грохот забил уши. Середина озера была настоящей воронкой, схватившей его, закрутившей и утянувшей в глубину. Черная вода сомкнулась над ним, и он понял, что тонет.

Глава пятнадцатая КОРОЛЬ ЭЙДИЛЕГ

Его закручивала, затягивала спиральная струя. Он пытался глотнуть воздуха, но вода обрушилась на него, как горный обвал. Все быстрее и быстрее увлекало его вниз, раскачивая вправо и влево. Тарен зацепился за что-то непонятное. Он хватался за него, держал мертвой хваткой даже тогда, когда силы покинули его. Неимоверный грохот оглушил его, будто земля раскололась пополам. Вода вдруг вспенилась, и Тарен почувствовал сильный удар о твердую стену. Больше он ничего не помнил.

Когда Тарен открыл глаза, он обнаружил, что лежит на гладкой поверхности камня, рука его крепко сжимала арфу Ффлевддура. Его оглушил грохот воды. Осторожно, еще ничего не соображая, он стал ощупывать все вокруг. Пальцы наткнулись на плоскую мокрую плиту. Бледный голубой свет мерцал над ним. Тарен решил, что его выбросило в пещеру или в грот. Он приподнялся, арфа в руке жалобно застонала.

— Эй, кто там играет на моей арфе? — эхом раздробился чей-то зов.

Тарен в этом слабом отзвуке узнал голос барда. Карабкаясь по скользкому камню, он поднялся и, с трудом переставляя ноги, направился на голос. На его пути вдруг возникла маленькая фигурка, неожиданно набросившаяся на него.

— Ты отлично все сделал, Помощник Сторожа Свиньи! Здорово тебе удалось сократить путь! Я промокла до нитки да вдобавок потеряла свою игрушку. Ой, вот она! Мокрая, наверное, никуда теперь не годится. Ну-ка!

Тускло засиял золотистый свет и упал на мокрое, с прилипшими ко лбу волосами лицо Эйлонви. Ее голубые глаза горели гневом.

Волосатая тень Гурджи подкатилась к ним. Он отряхивался, как мокрый пес, и брызги веером летели вокруг.

— О, бедная, слабая голова набита грязьками и мразьками! — жалобно причитал он.

Минуту спустя и Ффлевддур присоединился к ним. Мелингар тихо ржал позади него.

— Мне показалось, что я слышал мою арфу, — сказал он. — Поначалу я и поверить не мог. Уж и не надеялся увидеть ее. Но Ффлевддур Пламенный никогда не отчаивается! Однако такая удача!

— Я думал, что уже никогда не увижу не только арфы, но и вас, и ничего-ничего, — сказал Тарен, протягивая инструмент барду. — Нас вынесло в какую-то пещеру. Но она создана, по-моему, не природой, а руками человека. Взгляните на эти аккуратно вытесанные каменные плиты.

— Лучше взгляните на Мелингара, — бросила Эйлонви. — И вы увидите, что вся наша провизия потеряна. И все наше оружие тоже. И все благодаря твоей драгоценной идее сократить путь!

Увы, это была правда. Ремни развязались, и седло со всеми пристегнутыми к нему сумками унесло те-

чением. К счастью, у каждого из них были накрепко прицепленные к поясу мечи.

— Простите меня,— повинулся Тарен.— Признаю, что мы попали в эту переделку по моей вине. Не надо было мне вести вас этой дорогой. Но что сделано, то сделано. Я привел вас сюда, я и выведу.

Он огляделся вокруг. Грохот воды доносился из широкого, наполненного быстрой водой канала, обрамленного каменными плитами набережной. Она оказалась гораздо шире, чем он себе представлял поначалу. В высоких арках горел и переливался разными цветами яркий свет. Тарен обернулся к своим спутникам.

— Все это очень странно. Кажется, что мы глубоко под землей. И все же это не дно озера...

Прежде чем он успел произнести следующее слово, его схватили сзади чьи-то руки и нахлобучили на голову мешок, сильно пахнувший луком. Эйлонви завизжала, но тут же голос ее заглох. Тарена тащили и толкали в разные стороны одновременно, словно желали разорвать на две части. Гурджи стал яростно рычать и тявкать.

— Сюда! Хватайте этого! — раздался грубый голос.

— Сам хватай! Не видишь, у меня руки заняты! — откликнулся другой.

Тарена ударили. Чья-то голова, круглая и твердая, с силой ткнула его в живот. Сквозь луковую темноту он слышал какие-то шлепки и хлопки. Наверное, это отбивалась Эйлонви. Теперь его толкали в спину одновременно в четыре руки.

— На ту сторону! Скорее! Поторапливайтесь! — выкрикивали сердитые голоса.

— Эй, дурень, ты почему не отобрал у них мечи? — всполошенно выкрикнул кто-то.

Эйлонви опять завизжала, в ответ послышался звук удара и все смолкло.

— Ладно, пусть мечи останутся при них. Но вина будет на тебе, если они явятся пред королем Эйддиле-гом при оружии.

Слепой рысью неся Тарен, подталкиваемый сзади, как казалось ему, сразу целой толпой людей, тянущих к нему руки. Все говорили разом. Шум стоял оглушительный. После множества поворотов, остановок

и толчков его сильно пихнули в спину. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась позади него. С головы у него сорвали луковый мешок.

Тарен заморгал, привыкая к свету. Вместе с Ффледдуром и Эйлонви они стояли в центре зала с высокими сводчатыми потолками, освещенными мерцающими огнями. Гурджи с ними рядом не оказалось. Теперь можно разглядеть тех, кто захватил их. Это было полдюжины приземистых, круглых, коротконогих воинов.

С поясов у них свисали на длинных рукоятках топоры, на плечи были надеты луки, а за спиной торчали колчаны со стрелами. Тарен покосился и увидел черно-зеленый глаз коренастого парня, охранявшего Эйлонви.

Перед ними за длинным каменным столом восседала и взирала на воинов престранная уродливая личность, заросшая щетинистой рыжей бородой. Платье на этом человечке было кричащих красно-зеленых цветов. Кольца вспыхивали на его пухлых пальцах.

— Что это? — закричал он. — Что это за люди? Разве я не отдавал приказа не беспокоить меня?

— Но, ваше величество, — начал один из воинов, — мы поймали их...

— Я что, приказывал тебе надоедать мне с подробностями? — закричал король Эйддигег, а это был, несомненно, он. — Вы погубите меня! — вопил он, сжимая лоб ладонями. — Вы станете причиной моей преждевременной смерти! Вон! Вон! Нет, не пленники, а вы, идиоты! — Тряся головой, охая, вздыхая и отплеываясь, король рухнул на трон, выточенный из цельного камня.

Стража суетливо выбежала вон. Король Эйддигег взбешенно уставился на Тарена и его спутников.

— Что вам здесь надо? Чего хотите? И запомните, вы появились раньше времени, а значит, у вас его еще нет!

— Сир, — начал Тарен, — мы просим всего лишь разрешения на свободное следование через ваши земли. Четверо из нас...

— Здесь только трое, — перебил его король Эйддигег. — Ты не умеешь считать?

— Один из моих спутников потерялся, — опечаленно сказал Тарен. Он понимал, что Гурджи, напуганный страшным водоворотом, всей последующей суматохой, где-то спрятался, а, может, и сбежал, но винить его не мог и не хотел. — Я прошу ваших слуг, — продолжал Тарен, — помочь нам найти его. Кроме того, мы лишились всех запасов еды и оружия...

— Это чушь и чепуха, вместе взятые! — завопил король. — Не лги мне, я этого не выношу. — Он сорвал оранжевую косынку с рукава и вытер ею лоб. — Спрашиваю снова: почему вы пришли сюда? Именно сюда?

— Потому что Помощник Сторожа Свины завлек нас своей сумасбродной затеей! — сердито вмешалась Эйлонви. — Мы даже не знаем, где мы, не говоря уж о том, почему в это «где» попали. Это намного хуже, чем катиться вниз по крутому склону с завязанными глазами.

— Естественно,— сказал Эйддилег, и его голос прямо источал злорадство и иронию,— вы и знать не знали, что находитесь в самом сердце Королевства Тильвит Тэг, Народа Красавчиков, Счастливого Семейства, Маленького Народца, или как там еще вы в насмешку нас называете? О нет, конечно, вы просто случайно прогуливались неподалеку и завернули на минутку!

— Нас схватили на озере,— терпеливо объяснил Тарен.— А в озеро нас затянуло водоворотом.

— Неплохо, а? — вдруг гордо приосанился король.— Моя затея! Я тут добавил кое-какие мои собственные усовершенствования. Тяга великолепная.

— Если вы так озабочены, чтобы вас не тревожили и не являлись к вам в гости,— сказала Эйлонви,— то следовало бы сделать как раз наоборот. Постараться, чтобы никто не мог проникнуть к вам.

— Когда люди только приближаются,— продекларировал важно король,— они уже слишком близко. И тогда я не желаю, чтобы они держались подальше. Я хочу, чтобы они приблизились.

Ффлевддур в ответ на эту туманную речь склонил голову.

— Я всегда думал, что Народ Красавчи... то есть Красивый Народ — это жители всего Прайдена, а не только этого уголка.

— Конечно, не только в этом уголке,— заерзал на троне король,— в этом уголке помещается только мое королевское кресло. Вы устраиваете тоннели и рудники, всякие подкопы, где только пожелаете. Но настоящая подземная работа, настоящее подземное царство здесь. Оно и начинается прямо отсюда, из этой тронной комнаты. Оно на моих плечах! В прямом и переносном смысле! И оно обширно, говорю я вам, да, необозримо! Только мы умеем действовать точно и прямо. Если хотите прямо сейчас сделать что-то прямо, то...— Тут король внезапно оборвал себя и забарабанил по столу своими сверкающими

пальцами.— Впрочем, это не ваше дело. Дело ваше — труба! Вы в беде. И уж этого отрицать не станете!

— Не вижу особенной работы ни в прямом, ни в переносном смысле,— фыркнула Эйлонви прежде, чем Тарен успел остеречь ее от дерзостей.

Дверь тронного зала рывком распахнулась, и ввалилась толпа народу. Все они были карликами. Некоторые из карликов, правда, выглядели стройными и изящными, облачены они были в белые одежды. Других с ног до головы покрывала блестящая рыба чешуя, у третьих трепетали за спиной большие хрупкие крылья,

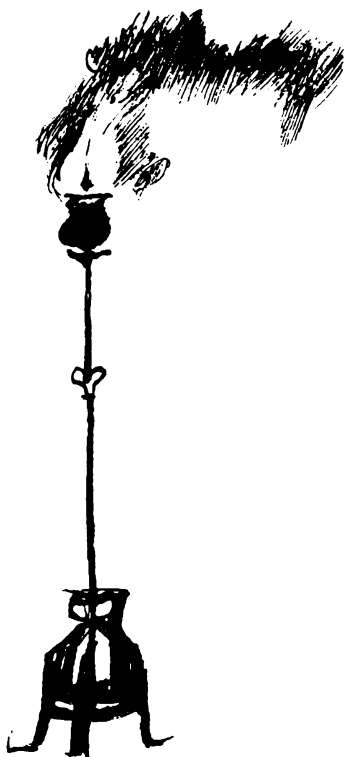
как у бабочек. Поначалу Тарен не мог разобрать ничего, кроме неясного гула, потом из этого гула прорезались злые выкрики, перешедшие в громкую перебранку. Эйдилиг пытался всех перекричать. Наконец королю удалось вытолкать всех за дверь.

— Не видишь никакой работы? — закричал он. — Вы ничего не цените и знать не желаете! «Дети Сумерек» — это еще одно нелепое имя, которое вы, люди, придумали для нас, — так вот, «Дети Сумерек» сегодня вечером будут петь в лесу Кантрэв Мовр. Они даже не упражнялись перед этим нисколько. Двое вдобавок заболели, а третьего найти не могут. Но петь они будут! Озерные Духи, видите ли, не в духе! Они весь день между собой спорили, волосы у них спутались, тень ложится

на кого? Кто должен веселить, забавлять, задабривать и защищать их? Ответ, надеюсь, ясен?— Эйддилег надулся и напыщенно продолжал: — И какую благодарность я получаю? Никакой! Разве кто-нибудь из вас, длинноногих остолопов, когда-либо взял на себя труд выдумать благодарность, достойную благодеяния? Вот такую хотя бы: «Спасибо вам, король Эйддилег, за те огромные усилия и неудобства, которые выпадают на вашу долю, за все, что вы претерпеваете, чтобы мы могли радоваться очарованию и красоте жизни там, наверху, в мире, который был бы невыразимо печальным без вас и без вашего несравненного Красивого Народа!» Видите, всего лишь несколько слов благодарности и искренней признательности!

Король вскочил со своего трона и забегал по залу, не умолкая ни на секунду.

— Ни в коей мере! — возмущался он. — Напротив! Если любой из вас, тупоголовых долгоногов, наткнется под землей на кого-либо из моего Красивого Народа, что вы делаете? Хватаете его! Сграбастываете его своими невероятными ручищами и пытаетесь выпытать у него тайну подземных сокровищ! Вы мучаете его, мытарите, пока не вытянете из него обещания исполнить три ваших желания. Вам мало одного, нет, вам подавай все три разом! — Он, отдуваясь, плюхнул

ся на трон.— Ладно, я не собирался вам этого говорить.— Лицо его побагровело от долгой и громкой речи.— Я положил конец всем этим желаниям и разбазариваниям сокровищ. Хватит! Покончено! И окончательно! Я просто удивлен, что вы до сих пор не разграбили мою страну до донышка!

И тут же из-за дверей донесся хор поющих голосов. Мелодичные звуки проникали даже сквозь дубовые двери и каменные стены тронной комнаты. Тарен еще никогда в жизни не слышал такого гармоничного, красивого пения. Он слушал, очарованный, забывший в эту минуту все, кроме парящей в воздухе мелодии. Сам Эйддилег затаил дыхание и даже прекратил пыхтеть, сопеть и отдуваться, пока звучала песня. Но вот голоса затихли.

— Я ни разу еще не слышал песен Красивого Народа,— сказал Тарен,— и представить себе не мог, что они так прекрасны.

— Не пытайся задобрить меня! — все еще раздраженно вскричал Эйддилег, но на лице его было написано довольство.

— Что удивляет меня,— проговорила Эйлонви, пока бард мечтательно перебирал струны своей арфы, стараясь подобрать только что услышанную мелодию,— что меня удивляет, так это ваше бесконечное желание работать. Если вы, живущие под землей, так ненавидите нас, тех, кто на земле, то зачем же вы выполняете работу нам на пользу?

— Гордость мастера, моя дорогая девочка,— возгласил король карликов, кладя свою пухлую руку на сердце и слегка кланяясь.— Когда мы, Красивый Народ, делаем что-то, то уж делаем это надлежащим образом, то есть образцово! О да,— повысил он голос,— мы жертвуем собой! Но не смотря! Да, да, мы не смотрим на жертвы, если есть дело, ради которого стоит пожертвовать!.. Для меня,— добавил он, размахивая сразу обеими руками,— это не важно. Я теряю сон, я теряю вес, но это не важно, если это важно!

Если король Эйддилег потерял вес, то каким же кругляшом был он прежде, мелькнуло в голове у Тарена. Но спрашивать не стал.

— Да, это просто удивительно, сколько вам удастся сделать, — сказала Эйлонви. — Вы, должно быть, очень умный. К сожалению, не всякий Помощник Сторожа Свиньи может по достоинству оценить это.

— Спасибо, дорогая девочка, — растроганно сказал король, склоняясь еще ниже. — Я вижу, что ты из тех людей, с которыми можно поговорить. Это неслыханно, чтобы один из вас, большеногих неумех, смог проникнуть в самую глубину нашей жизни, понять ее глубинную тайну и углубленность в настоящее дело. Но ты, кажется, проникла и прониклась.

— Сир, — перебил его Тарен, — мы понимаем, что ваше время драгоценно. Мы не станем вам больше мешать. Покажите нам безопасный путь в Каер Датил.

— Что? — возопил Эйддилег. — Уйти отсюда? Невозможно! Неслыханно! Если ты оказался здесь, среди Красивого Народа, мой дорогой мальчик, ты останешься, и не должно оставаться на этот счет никаких заблуждений. Но я сделаю исключение ради этой молодой и умной леди и отпущу вас. Но покинете нас вы только через пятьдесят лет и, скажем, в облике летучих мышей, а? И это будет настоящая милость со стороны моей милости.

— У нас срочное и важное дело! — вскричал Тарен. — И мы уже опаздываем!

— Дело? — пренебрежительно отмахнулся король. — Дело — это ваше дело.

— Тогда мы освободимся сами! — грозно сказал Тарен, выхватывая меч.

Клинок Ффлевддура выскользнул из ножен, казалось, сам по себе, и бард встал рядом с Тареном, готовый к бою.

— Ну, просто целый мешок чепухи! — презрительно поморщился король Эйддилег, равнодушно глядя на направленные на него мечи. — Здесь? Вы? Ну что ж,

попытайтесь двинуть руками.— Тарен напряг каждый мускул. Но тело его, казалось, окаменело.— Вложите в ножны свои мечи и давайте поговорим спокойно,— сказал король карликов, делая неуловимый жест рукой.— Если вы представите мне достойную причину, почему я должен вас отпустить, то, даю слово, я рассмотрю ее незамедлительно и скоро, очень скоро, скажем, через год или два, дам ответ.

Толку во всем этом, понял Тарен, не будет никакого, если скрыть настоящую причину их путешествия. И он спокойно и подробно рассказал Эйддилегу обо всем, что с ними случилось. Король карликов приутих при упоминании имени Аровна, а когда Тарен закончил, он озабоченно покачал головой.

— Избавляйтесь от вашего несчастья сами, долгоножки. Красивый Народ не станет присягать вам на верность,— сердито сказал он.— Прайден принадлежал нам до того, как пришел на землю род человеческий. Вы прогнали нас под землю. Вы растащили наши рудники. Вы похитили наши сокровища и продолжаете красть, вы, грубые, широко шагающие немехи!

— Сир,— ответил Тарен,— я не могу говорить ни за кого, кроме себя. Но я не грабил вас и никогда не хотел делать этого. Мое дело значит для меня больше, чем все ваши сокровища. Я не знаю, возникнет ли вражда между Красивым Народом и людьми. Но если победит Рогатый Король, если тень Аннувина падет на землю над вами, то рука Аровна дотянется и до ваших самых глубинных пещер.

— Для Помощника Сторожа Свиньи,— сказала Эйлонви,— ты необыкновенно красноречив. Но боюсь, что Красивый Народ спохватится слишком поздно, лишь тогда, когда настанет его время.

— Время пришло,— сказал Тарен.— Будем надеяться только, что оно уже не прошло.

— Вы не знаете всего, что происходит на земле, над вами! — неожиданно вспыхнула Эйлонви.— Вы говори-

те об очаровании и красоте, о том, что жертвуете собой, лишь бы сделать приятное людям. Я не верю, что вы хоть чуточку думаете об этом. Вы просто тщеславный, упрямый и самовлюбленный...

— Тщеславный! — задохнулся от возмущения Эйдилег, его глаза полезли из орбит.— Себялю-лю-любивый? Да ты не отыщешь более открытого и великодушного! Как же ты осмелилась сказать такое? Ты желаешь моей гибели, да? — С этими словами он сорвал с себя плащ и подкинул его в воздух, стащил с пальцев кольца и расшвырял их по полу.— Продолжай! Возьми все! Разори меня! Что ты желаешь еще — мое королевство? Хотите уйти? Скатертью дорожка! И чем быстрее, тем лучше! Упрямый? Да я слишком мягок! Это будет моей гибелью! Но вам-то и дела нет!

В это мгновение дверь вновь с грохотом распахнулась. Два карлика-воина повисли на руках Гурджи, который размахивал ими, будто это были два кролика.

— Здравки и поздравки! — заверещал он.— Преданный Гурджи вернулся к могущественным героям! На этот раз храбрый Гурджи не сбежал! О нет, нет! Смелый Гурджи раздавал колотушки и молотушки! И победил! Но потом могущественных лордов уволокли. Умный Гурджи устроил осторожные подкраски и подглядки, чтобы спасти их. И он нашел их!

Он приплясывал, потрясая повисшими на нем карликами.

— Но это еще не все,— радовался он.— О, преданный, честный и бесстрашный Гурджи нашел больше, чем искал! Загадки и прятки вам, о великие лорды! — Гурджи был так возбужден, что принялся приплясывать на одной ножке.— Великие воины шли искать поросюшку? Умный, мудрый Гурджи нашел ее!

— Хен Вен? — закричал Тарен.— Где она?

— Здесь, великий лорд,— восторженно верещал Гурджи,— поросюшка здесь!

Глава шестнадцатая

ДОЛИ

Тарен гневно повернулся к королю Эйддилегу.

— Вы ничего не сказали нам о Хен Вен!

— А ты и не спрашивал меня,— отпарировал Эйддилег.

— Это недопустимо! — возмутился Ффлевддур.— Даже для короля!

— Это хуже, чем ложь,— сердито сказал Тарен.— Мы могли бы уйти, так и не узнав, что с ней случилось.

— Вам должно быть стыдно,— вставила Эйлонви, грозя королю пальчиком, как провинившемуся дитяти. А тот, казалось, больше всего смутился оттого, что все открылось.— Это похоже на то,— добавила Эйлонви,— как если бы один вот-вот готов упасть в яму, а другой, стоя рядом, отвернулся и считает ворон.

— Вы растяпы, а не сторожа свиньи! — вспыхнул король карликов.— Воины Красивого Народа нашли ее у берегов Аврен. Она бежала через ущелье. Вы же ничего не знаете! За ней охотилось полдюжины воинов Рогатого Короля. А за ними стояло целое войско и на-

блюдало. Только мы можем обхитрить и провести вас, неуклюжих скороходов! Мои воины спасли свинью и привели ее сюда подземными тайными путями.

— Неудивительно, что Гвидион не мог отыскать ее следов,— пробормотал себе под нос Тарен.

— Да, Красивый Народ спас ее,— продолжал сердито Эйддилег, снова багровея от возмущения.— Вот вам еще один пример моего благородства. А получил я хоть слово благодарности? Конечно, нет.

На меня навешивают ужасные прозвища, кидают мне чудовищные обвинения. О, я читаю в ваших глазах: Эйддилег — вор, негодяй! Вот что вы думаете сейчас. Ладно, именно поэтому вы не получите ее назад. И останетесь здесь все до тех пор, пока я не пожелаю вас отпустить.

Эйлонви просто задохнулась от возмущения.

— Если ты сделаешь это,— закричала она,— тогда ты действительно вор и негодяй! — Она опомнилась и перешла на почтительный тон.— Вы дали мне слово, ваше величество. Красивый Народ не берет своих слов назад.

— О свинье и не говорилось. Ни слова! Вот мое последнее слово! — Эйддилег хлопнул себя руками по животу и прихлопнул ладонью рот.

— Нет,— не унимался Тарен,— это вопрос чести и честности.

Эйдилиг часто заморгал и отвел глаза. Он снова вытер взмокший лоб оранжевой косынкой.

— Честь,— пробормотал он,— так я и думал, что вы на это намекаете. Это верно, Красивый Народ слов на ветер не бросает и не берет их назад. Ладно,— вздохнул он,— вот каково быть открытым и благородным! Пусть будет так. Вы получите свою свинью.

— Нам потребуется оружие взамен потерянного,— уже уверенно потребовал Тарен.

— Что?! — затрясся Эйдилиг.— Ты пытаешься и вовсе разорить меня?

— И хрумки и чавки тоже,— выпалил Гурджи.

Тарен кивнул.

— И провизию тоже,— сказал он.

— Это уже заходит слишком далеко и переходит все границы,— опешил Эйдилиг.— Вы уморите меня своими вымогательствами. Оружие! Еда! Свинья!

— А еще мы просим дать нам провожатого, который покажет путь в Каер Датил.

При этом Эйдилиг чуть не взорвался. Успокоившись наконец, он согласно кивнул.

— Я дам вам Доли,— сказал он.— Я могу дать только одного,— поспешил предупредить он и хлопнул в ладоши.

Король отдал приказания появившимся вооруженным карликам и снова оборотился к путникам.

— Читайте, что с этим покончено. Пока я не переменял своего мнения.

Эйлонви подбежала к трону, наклонилась и поцеловала Эйдилига в макушку.

— Спасибо,— прошептала она.— Вы совершенно восхитительный король.

— Вон! Вон! — закричал карлик.

Уже закрывая за собой дверь тронного зала, Тарен заметил, что король Эйдилиг счастливо улыбается, ласково поглаживая себя по макушке.

Войско Красивого Народа вело маленький отряд вниз по сводчатым коридорам. Поначалу Тарен предполагал, что владение Эйддилега — это не более чем лабиринт подземных галерей. Но, к его удивлению, коридоры стали расширяться и вскоре превратились в просторные улицы. В больших куполах высоко над головой сверкали драгоценные камни, словно звезды, луна и солнце одновременно. Здесь не росла трава, но мягкие ковры зеленых лишайников приятно пружинили под ногами. Здесь были голубые озера, мерцающие, словно высеченные из самоцветов тонкие плиты. Повсюду были рассыпаны хижины и маленькие аккуратные домики. Тарен и его спутники никак не могли осознать, что все это, как и они сами, находится под землей.

— Я все думаю о том, что гораздо разумнее и безопаснее оставить Хен Вен здесь до той поры, пока мы за ней не вернемся,— шепнул Тарену Ффлевддур.

— Я тоже об этом думал,— ответил Тарен.— Не то чтобы я не верил в слово Эйддилега, но я не уверен, будет ли у нас возможность еще раз нырнуть в Черное озеро и выплыть прямо во владения подземного короля карликов. Нет уж, лучше забрать Хен Вен с собой. Если только она окажется снова со мной, я больше не упущу ее.

Неожиданно воины-карлики остановились около одной из хижин. И тут же из отлично выстроенного загона Тарен услышал громкое «хрю».

Он подбежал к загону. Хен Вен стояла на задних ногах, поставив передние на ограждение, и весело хрюкала во весь голос.

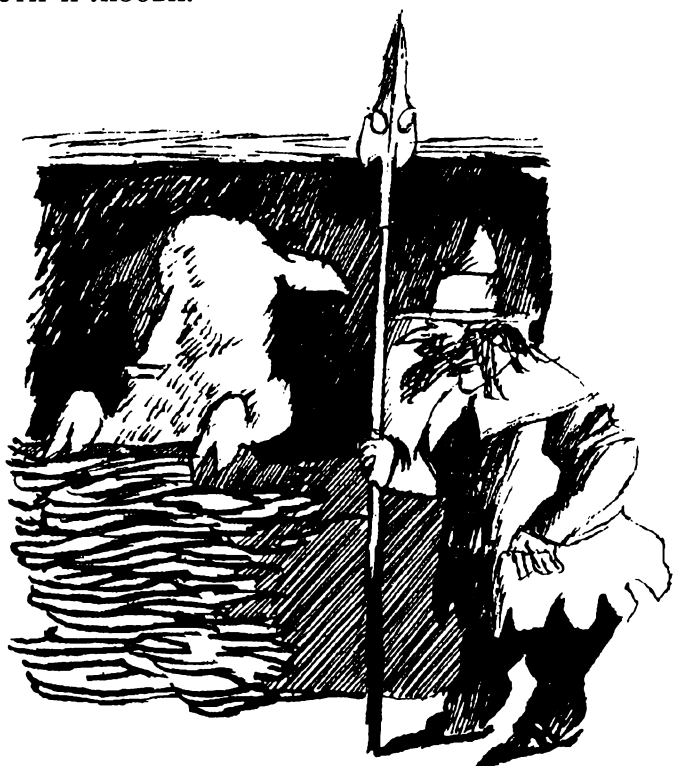
Один из карликов открыл воротца, и белая свинья с визгом опрометью кинулась вон из загона.

Тарен в порыве радости обвил руки вокруг шеи Хен Вен.

— О, Хен! — воскликнул он.— Даже Медвин думал, что ты погибла!

— Хр-ри! Хр-рю! — весело болтала свинья.

Ее глаза-бусинки блестели. Своим огромным розовым пяточком она нежно терлась о подбородок Тарена и готова уже была свалить его с ног от безумной радости и любви.

— Она действительно удивительная свинья,— приговаривала Эйлонви, почесывая Хен Вен за ухом.— Всегда приятно видеть, как вновь встречаются два друга. Это похоже на пробуждение с рассветом.

— Она, конечно, в значительной степени свинья,— размышлял бард,— но и в не меньшей степени красива.

— И умный, прекрасный, смелый, мудрый Гурджи нашел ее!

— Не бойся, Гурджи,— улыбнулся Тарен,— не волнуйся, мы не забудем этого никогда.

Перекаtywаясь, переваливаясь, покачиваясь на коротких ножках, Хен Вен весело поспешала за Тареном. А воины Красивого Народа все вели и вели их через поля, где у самого горизонта маячила, поджидая их, коренастая фигурка. Предводитель карликов сообщил, что это и есть Доли, провожатый, которого обещал им Эйддилег.

Доли, низенький, широкоплечий, почти такой же в ширину, что и в высоту, был одет в кожаную куртку ржавого цвета и прочные ботинки до колен. Голову

его покрывала круглая шапочка, из-под которой выбивались непокорные пряди пылающих рыжих волос. Топор и короткий меч висели у его пояса, а на плече — небольшой лук воина Красивого Народа.

Тарен вежливо поклонился. Карлик зыркнул по нему своими ярко-красными глазками и фыркнул, то ли удовлетворенно, то ли насмешливо. Затем, к удивлению Тарена, Доли глубоко вдохнул воздух и так надолго задержал его в груди, что лицо его стало багровым и казалось, что он сейчас лопнет. Через минуту карлик с шумом выдохнул и фыркнул опять.

— Что случилось? — спросил Тарен.

— Вы все еще видите меня, не так ли? — недовольно сказал Доли.

— Конечно,— пожал плечами Тарен,— а почему я не должен вас видеть?

Доли презрительно глянул на него и не ответил.

Два воина-карлика подвели Мелингара. У короля Эйддилега, как с облегчением заметил Тарен, слова не расходились с делом. Седельные сумки распухли от провизии, и белая лошадь буквально прогибалась под тяжестью множества копий, луков и стрел, коротких, почти миниатюрных, но сработанных аккуратно и прочно, как и все, что делалось руками Красивого Народа.

Не сказав ни слова, Доли кивком позвал путников за собой и жестом велел следовать за ним через луг. Что-то беспрестанно ворча и бормоча себе под нос, карлик вел их по направлению к крутой и, казалось, непреодолимой скале. Только после того, как они приблизились к этому месту, Тарен заметил длинную вереницу ступеней, выбитых прямо в камне. Доли кивнул головой в сторону лестницы, и они начали взбираться на скалу.

Этот подъем оказался труднее и круче всех, которые им приходилось преодолевать. Мелингар рвался вперед. Хрипло дышащая и спотыкающаяся Хен Вен буквально тянула сама себя со ступеньки на ступеньку.

Лестница вилась, делала повороты, уходила в тень, а в одном месте спустилась такая тьма, что путники потеряли друг друга из виду. Спустя некоторое время ступени кончились, и отряд вышел на узкую, плотно утрамбованную каменистую тропу. Пронизанная светом прозрачная лента с грохотом рушилась со скалы. Путники поняли, что находятся как раз под громадным водопадом, низвергающимся с горы над головой. Один за другим они спрыгнули с мокрых блестящих камней, проплыли сквозь искрящийся поток, образованный струей водопада, и, с облегчением вдохнув холодный свежий воздух, оказались на поверхности земли среди холмов.

Доли искоса глянул на солнце.

— От дневного света остается совсем немного, — резко проговорил он, и тон его был таким же нарочито грубым, как и у его короля. — И не думайте, что я всю ночь проведу на ногах. Так мы не уговаривались. И так уже на меня навалилась какая-то ерундовая чепуха, а вернее, чепуховая ерунда. Еще бы! Предводительствовать таким сбродом! Помощник Сторожа Свины. Остроносый болван с арфой. Девчонка с мечом больше ее. Лохматый — вообще черт-те что! Хорошо еще, если не наскочим на настоящий военный отряд. Они одним криком с вами справятся. Похоже, ни один из вас не знает, с какой стороны у меча клинок. Гм-м!

Это была, пожалуй, самая длинная речь Доли с тех пор, как они покинули королевство Эйддилега. Тарен не обиделся, он надеялся еще убедить сердитого карлика делом и добиться его уважения. Доли тем не менее считал, что сказал все. Он умолк. И когда Тарен некоторое время спустя попытался с ним заговорить, тот отвернулся и опять набрал полную грудь воздуха.

— Ради всего святого! — воскликнула Эйлонви. — Прекрати это! Я начинаю себя чувствовать так, будто и сама лопну.

— Меня это не касается, — прорычал Доли.

— Но зачем ты это делаешь? — спросил Тарен.

Даже Хен Вен с любопытством уставилась на карлика, словно ждала ответа.

— Стараюсь сделаться невидимым, — проворчал Доли, — вот что это такое.

— Глупо даже пытаться сделать это, — заметил Ффлевддур.

— А я должен суметь! — упрямо сказал Доли. — Вся моя семья это делала. Таким же способом. Это как будто задуваешь свечу. Набираешь побольше воздуха и дуешь. Но у меня пока не получается. У меня все не так. Вечно надо мной издеваются. Вот и Эйддилег послал меня с компанией дураков. Если нужно сделать что-то неприятное или, того хуже, противное, всегда находят «доброго старину Доли». Тьфу! Но если надо сделать что-нибудь трудное — камни там гранить или украшать резьбой клинки, то и тут бегут к «старине Доли». Всем и все Доли да Доли!

Карлик опять задержал дыхание, на этот раз так надолго, что лицо его стало синим и задрожали уши.

— Кажется, на этот раз у тебя получилось, — вкрадчиво сказал бард с приветливой улыбкой. — Я тебя совсем не вижу.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как струна разорвалась пополам и слетела с арфы. Ффлевддур с сожалением поглядел на инструмент.

— Испортил вещь, — пробормотал он. — Конечно, я чуть преувеличил, но я же хотел подбодрить его. Мне и на самом деле показалось, что он начал исчезать по краям.

— Если бы я умел шлифовать драгоценные камни и делать все остальное, — заметил Тарен, глядя на Доли с симпатией, — я бы не обращал внимания на то, что не могу стать невидимкой. Все, что знаю я — это огородные овощи да кривые подковы, ну и кое-какие другие мелочи.

— Глупо,— добавила Эйлонви,— переживать из-за того, что не можешь сделать того, чего и сделать-то не можешь. Это все равно, как стараться залезть себе на голову.

Но, как они ни старались, развеселить карлика им не удавалось. Он сердито шагал впереди, и топор мерно раскачивался у его пояса. Несмотря на свой дурной ворчливый характер, Доли был отличным проводником. Большую часть времени карлик ворчал себе под нос и пыхтел. При этом не удосуживался объяснять, по какой дороге и почему он их ведет и сколько еще времени потребуется, чтобы достичь Каер Датил. И тем не менее из его отрывочных замечаний Тарен много узнал о лесе и следах животных или людей. Он заметил, что карлик повел их к подножию холмов, на запад. За день они прошли больше, чем ожидал Тарен. И он дивился неустойчивости Доли. Когда он попытался похвалить его за это, карлик лишь хмыкнул и снова задержал дыхание.

Этой ночью они разбили лагерь на защищенном от ветра склоне горы, последней из длинной цепи. Гурджи, которого Тарен научил разводить огонь, старательно собирал ветки, рыл яму для костра, подогревал и распределял поровну еду, не пытаясь припрятать для себя часть из общей хрумки и чавки. Он был горд и счастлив, ощущая себя полезным и важным.

Доли отказался есть что-либо из их припасов. Он вытащил из своей кожаной сумки, висевшей на боку, какую-то еду, уселся на камень поодаль и, пыхтя, принялся набивать рот. Время от времени он надувался и задерживал дыхание.

— Не унывай, старина! — подбадривал его Ффлевддур.— В следующий раз получится наверняка! Ты определенно затуманиваешься у меня в глазах.

И Ффлевддур сонно тарасился на Доли.

— Прекрати! — прикрикнула Эйлонви на барда. — Не обнадеживай его. Не то он как-нибудь задержит дыхание навсегда.

— Я всего лишь подбадриваю его, — обиделся бард. — Ффлевддур Пламенный никогда не сдастся, и не понимаю, почему должен отступить карлик?

Хен Вен весь день не отходила от Тарена, и, когда он расстелил на земле свой плащ, белая свинья захрюкала от удовольствия, приковыляла к нему и улеглась рядом. Ее сложенные фунтиком уши замерли. Она положила свою голову на грудь Тарену и тихо хрюкнула. Заснув, она так отяжелела и навалилась на него, что Тарен не мог и пошевелиться. Хен Вен роскошно храпела, а Тарен так и не мог сомкнуть глаз из-за пошвистывания и постанывания над самым его ухом.

— Я рад видеть тебя, Хен, — прошептал он, — и рад, что ты рада меня видеть. Но хотелось бы, чтобы ты выражала это не так громко.

На следующее утро они повернулись спиной к Орлиным Горам и начали продвигаться в ту сторону, где, как предполагал Тарен, и находился Каер Датил. Войдя в лес, Тарен в последний раз оглянулся на горы. Он был рад, что дорога их теперь уже не шла по горным хребтам и перевалам, но в сердце лелеял надежду вернуться сюда и взобраться на самую высокую вершину к блестящему на солнце льду, покрывающему черные скалы. Раньше никогда он не видел гор и теперь понимал, почему Гвидион так тосковал по Каер Датил.

Размышляя, он снова вспомнил Гвидиона и задумался о том, что же хотел тот спросить у Хен Вен? На первом же привале он заговорил об этом с Ффлевддуром.

— Может, в Каер Датил есть кто-нибудь, кто понимает ее? — предположил Тарен. — Но если бы нам удалось заставить ее пророчествовать прямо сейчас, мы наверняка узнали бы от нее что-нибудь важное и полезное.

Бард согласился, но только развел руками: у них не было прутьев с таинственными письменами.

— Я могла бы попробовать одно из своих заклинаний,— предложила Эйлонви.— Ачрен научила меня некоторым из них. Но я не знаю, получится ли что-нибудь. Я не имела дела со свиньями-прорицательницами. Знаю, например, заклинание, призывающее жаб. Ачрен научила меня заклинанию, открывающему заколдованные замки, но я не уверена, что вспомню его сейчас полностью. Даже если и вспомню, замки,

по-моему, не имеют никакого отношения к свиньям-прорицательницам.

Эйлонви опустилась на колено перед Хен Вен и быстро зашептала ей на ухо. Хен Вен, казалось, вежливо слушала некоторое время, хрюкая и принюхиваясь. Но и виду не подавала, что хоть словечко понимает из того, что нашептывала ей девушка. Вдруг свинья с радостным визгом рванулась к Тарену и запрыгала вокруг него, похрюкивая.

— Бесполезно, — вздохнул Тарен. — Нет смысла терять время. Надеюсь, что у них в Каер Дати́л есть прутки с письменами. Хотя и очень сомневаюсь в этом. То, что есть у Даллбена, вряд ли отыщется еще где-нибудь в Прайдене.

Они двинулись дальше. Гурджи, теперь постоянный, как он приговаривал, приготовитель чавки и разводитель огнявки, важно шагал в первых рядах следом за карликом. Доли вел путников через расчищенный под пашню участок леса мимо ольховой рощицы. Вдруг он остановился, задрал голову и прислушался.

В это же мгновение Тарен услышал неясный звук: слабый, тонкий вскрик. Казалось, он возник из ближнего колючего куста. Вытащив меч, Тарен поспешно опередил карлика. Сначала в темноте зарослей он не видел ничего. Он подошел поближе, затем резко остановился и отшатнулся.

Это был гвитант.

Глава семнадцатая

ПТЕНЕЦ

Гвитант висел на ветке, как мятая черная тряпица. Одно крыло у него было поднято, другое неуклюже вывернулось к самой груди. Размером не больше ворона, он, видимо, был еще птенцом с клочьями пуха между редкими перышками и непомерно большой головой. Но отдельные перья уже были красивы — тонкие и словно бы гофрированные. Стоило Тарену осторожно приблизиться, как гвитант судорожно замахал одним, как видно здоровым, крылом, пытаясь освободиться от колючих лап кустарника. Но тщетно. Тогда птица раскрыла свой загнутый клюв и угрожающе зашипела. Но глаза ее при этом были тусклыми и полужакрытыми.

Спутники последовали за Тареном. Как только Гурджи увидел, кто это, он сжался, повернулся и пополз в укромное местечко, со страхом оглядываясь назад. Мелингар нервно заржал. Лишь невозмутимая белая свинья присела на задние ноги и весело захрюкала.

Ффлевддур, увидев птицу, тихо присвистнул.

— Нам повезло, что рядом нет родителей этого птенчика,— сказал он.— Эти существа способны разорвать человека в клочки, если их дитя в опасности.

— Она напоминает мне Ачрен,— сказала Эйлонви.— В особенности эти темные обводки вокруг глаз. Такие появлялись у нее, когда она была в дурном настроении.

Доли выхватил из-за пояса топор.

— Что ты собираешься делать? — спросил Тарен.

Карлик посмотрел на него с удивлением.

— Собираюсь делать? Не собираюсь, а сделаю,— буркнул он.— У тебя есть еще какие-нибудь глупые вопросы? Не воображаешь же ты, что я оставлю ее сидеть здесь? Я собираюсь отрубить ей голову.

— Нет! — закричал Тарен, хватая карлика за руку.— Она же ранена!

— Радуйся этому,— набросился на Тарена Доли.— Если бы эта птичка не была ранена, никто — ни я, ни ты, ни они не стояли бы уже здесь живыми.

— Не стоит убивать ее,— отстранил карлика Тарен.— Ей больно. Она нуждается в помощи.

— И верно,— сказала Эйлонви,— выглядит она не очень-то здоровой. Вид у нее, пожалуй, похуже, чем у Ачрен в самом плохом настроении.

Карлик швырнул свой топор на землю и упер руки в бока.

— Я не могу сделаться невидимым,— запыхтел он,— но из этого не следует, что я глуп. Давайте, давайте, лечите злобное маленькое существо. Дайте ему попить, погладьте по головке. А потом посмотрите, что будет. Как только она наберется сил, первое, что она сделает, разорвет вас на кусочки. А потом полетит напрямик к Аровну. Тогда мы получим сполна за свою глупую доброту.

— Доли прав,— поддержал его Ффлевддур.— Если честно, то и мне не нравится рубить головы направо и налево. Но, кажется, мы слишком долго не имели не-

приятностей от гвитантов. Птичка нам это устроит. Не вижу смысла в том, чтобы пригревать на груди одного из посланцев Аровна. Ффлевддур Пламенный добр, но не до такой же степени!

— Медвин так бы не сказал,— ответил Тарен.— Он говорил о доброте ко всем существам и много рассказывал мне о гвитантах. Мне кажется, очень важно принести одного из них в Каер Датил. Насколько я знаю, никто еще не захватывал в плен живого гвитанта. Кто может сказать, какую пользу мы извлечем из этого?

Бард почесал в затылке.

— Ладно. Хотя кто может предвидеть, от какого — живого или мертвого — гвитанта больше пользы? И все же затея рискованная.

Тарен жестом показал остальным держаться подальше от куста. Гвитант был не только поранен колючками куста, но и, возможно, его потрепал орел. Спина его была в пятнах крови и перья с боков вырваны пучками. Тарен осторожно приблизился. Гвитант зашипел снова и злобно вскрикнул. Горло его затрепетало от протяжного дребезжащего треска. Тарен опасался, что птица вот-вот умрет. Он положил руку на ее вздрагивающее тело. Гвитант попытался ударить клювом, полоснуть когтями, но у него не было сил. Тарен бережно выпутал его из переплетения колючих веток.

— Если я найду нужные травы,— сказал он Эйлонви,— то смогу сделать лечебную припарку. Но мне нужна горячая вода, чтобы настоять травы.

Пока девушка устраивала из травы и листьев гнездо, Тарен попросил Гурджи развести костер и нагреть на огне несколько камней, которые можно будет кинуть в чашу с водой. Затем с Хен Вен, которая не отставала от него ни на шаг, он отправился искать нужные травы.

— И сколько же ты собираешься толочься здесь? — сердито крикнул ему вслед Доли.— Не то чтобы очень меня это занимало. Ведь торопитесь-то вы, а не я.

Хм-м! — Он сунул топор за пояс, нахлобучил поглубже на свои вихры шапочку и с остервенением стал набирать в грудь воздух.

Тарен опять с благодарностью вспомнил уроки Колла, научившего его разбираться в травах. Он нашел неподалеку почти все, что было необходимо. Хен Вен с энтузиазмом помогала ему. Она первой и нашла самые нужные травы.

Гвитант не отбивался и не шипел, пока Тарен накладывал припарку, намочив в горячем отваре лоскут от своей куртки.

Другой лекарственный настой он капля за каплей влил в раскрытый клюв птицы.

— Все это чудесно, — сказал Доли, чье любопытство взяло верх над недовольством. Он проследил всю процедуру от начала до конца и проворчал: — Интересно, а как ты собираешься тащить эту гадость? На собственной спине?

— Я не думал еще, — просто ответил Тарен. — Может быть, завернуть его в мой плащ?

Доли фыркнул:

— В том-то и беда с вами, большеногими увальнями. Вы не видите дальше собственного носа. Но если ты думаешь, что я стану мастерить для него клетку, то жестоко ошибаешься.

— Клетка — это то, что нужно! — оживился Тарен. — Но я не стану беспокоить тебя своей просьбой. Постараюсь сделать сам.

Карлик презрительно глядел, как Тарен подламывал стволы молодых деревцов и пытался их переплести.

— Ох, прекрати! — взорвался наконец Доли. — Не могу смотреть на дурную работу! Давай сюда, а сам отдохни.

Он оттолкнул Тарена, сел на корточки и принялся вязать гибкие прутья. Он искусно подрезал их ножом, ловко связывал тонкими плетями вьющихся растений,

и почти мгновенно в руках его оказалась прочная плетеная клетка.

— Это у тебя выходит намного лучше, чем попытки стать невидимым,— сказала Эйлонви.

Карлик не ответил, а только сердито глянул на нее.

Тарен выложил дно клетки листьями, осторожно положил на них гвитанта, и они двинулись вперед. Доли шагал теперь намного быстрее, стараясь наверстать потерянное время. Он упорно топал вниз по склону холма, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на поспевающих за ним спутников.

Тарен видел, что спешка приводит только к тому, что они быстрее устают и чаще останавливаются передохнуть. Но не хотел обижать карлика.

Гвитант постепенно поправлялся. На каждой остановке Тарен кормил птицу и давал ей лекарство. Гурджи все еще страшился подойти поближе к клетке. Только Тарену птица позволяла приближаться к себе. Когда Ффлевддур шутя попытался сунуть палец в клетку, гвитант ощерился и нацелил на него свой страшный клюв.

— Я предупреждаю,— продолжал настаивать Доли,— что ничего хорошего из твоей затеи не выйдет. Но ничего, не обращай внимания на слова Доли, продолжай в том же духе. Сами себя губите, потом не жалуйтесь. Я всего лишь проводник и делаю то, что мне приказано. Ничего больше.

С наступлением ночи они разбили лагерь и обсудили планы на завтра. Гвитант совсем выздоровел, и у него появился огромный аппетит. Он яростно и пронзительно кричал и стучал клювом о прутья клетки, когда Тарен не был расторопен и недостаточно быстро приносил ему пищу. Он мгновенно глотал куски, которые кидал ему Тарен, и тут же требовал еще. Насытившись, гвитант нахохливался на дне клетки и внимательно прислушивался к их разговорам. Глаза его внимательно следили за каждым движением людей. Наконец Тарен осмелился просунуть руку в клетку и погладить птицу по голове. Гвитант больше не шипел и не пытался укусить его. Но все попытки барда подружиться с ним провалились.

— Он отлично помнит, что ты готов был отрубить ему голову,— сказала Эйлонви Ффлевддуру.— Потому ты не можешь обижаться на него за нелюбезный прием. Если бы кто-нибудь пожелал отрубить мою голову, а после совался со своей дружбой, я бы тоже клевала его.

— Гвидион говорил мне, что птиц дрессируют, пока они молодые,— сказал Тарен.— Как мне хотелось бы, чтобы он сейчас был с нами. Он хорошо знает, как обращаться с этими существами. Должно быть, в Каер Датил есть хороший сокольник. Посмотрим, что сможет он.

Но на следующее утро клетка оказалась пустой.

Доли, который проснулся задолго до остальных, первым заметил это. Взбешенный карлик размахивал клеткой перед лицом Тарена. Решетка из молодых побегов была измочалена и разорвана клювом гвитанта.

— Вот ты и получил! — вопил Доли.— Я это предвидел! Не говори, что я не предупреждал! Теперь уже коварная тварь на полпути к Аннувину, подслушав и прознав все, о чем мы толковали. Если Аровн не знал, где мы, то теперь он достаточно быстро узнает. Ты хорошо поступил, о, ты просто замечательно посту-

пил! — фыркал Доли.— Избавьте меня впредь от дураков и добреньких Помощников Сторожа Свиньи!

Тарен понурился, не в силах скрыть своего разочарования и страха. Ффлевддур не сказал ни слова, но лицо его было мрачным.

— Я опять совершил ошибку, как всегда,— уныло сказал Тарен.— Доли прав. Нет никакой разницы между дураком и Помощником Сторожа Свиньи.

— В этом ты, возможно, и прав,— хихикнула Эйлонви.— Но я терпеть не могу людей, которые тычут другим в нос: «Я про это говорил, я предупреждал...» Это хуже, чем если бы съели твой обед, а потом рассказывали тебе, какой он был вкусный.— Она не глядела на Доли и сердито продолжала: — Я уверена, что Доли все это выложил потому, что беспокоится о нас, а не из-за своего дурного ворчливого характера. Он похож на дикобраза, у которого мягкое брюшко, стоит только перевернуть его. Если бы он только не очень старался стать невидимым, это сразу улучшило бы его характер.

Времени на сожаления и перепалку не оставалось. Доли повел еще быстрее. Они почти бежали. Но все еще продолжали следовать вдоль долины Истрад. После полудня карлик вдруг резко повернул на запад и снова принялся спускаться вниз, на равнину. Небо стало серо-свинцовым и тяжелым. Сильные порывы ветра хлестали им в лицо. Бледное солнце, словно растворенное за пеленой облаков, не грело. Мелингар беспокойно ржал. Хен Вен, до сего момента спокойная и безмятежная, начала выкатывать глаза и что-то бормотать.

Пока путники делали короткий привал, Доли пошел вперед осмотреться и разведать предстоящую дорогу. Спустя короткое время, он вернулся и повел их вверх на самый хребет высокого холма. Там беззвучно приказал лечь на землю и показал вниз, в сторону Истрад.

Равнина была усеяна воинами, пешими и конными. Черные знамена трещали на ветру. Даже на таком

расстоянии Тарен мог слышать лязг оружия, мерный тяжелый грохот марширующих ног. Во главе извивающихся колонн ехал верхом Рогатый Король.

Гигантская его фигура возвышалась над вооруженными всадниками, галопирующими следом. Ветвистые рога тянулись к небу, как хищные когтистые лапы.

Пока Тарен, как замороженный, смотрел на текущее по долине войско, голова Рогатого Короля вдруг

медленно повернулась в сторону вершины холма, на котором они притаились. Тарен распластался на земле. Он был уверен, что защитники Аровна не могут видеть его. Это всего лишь призрак страха, гнездящегося в его сердце, бросает его в дрожь. И все же ему казалось, что глаза Рогатого Короля отыскивали его и вонзились двумя холодными кинжалами.

— Они догнали нас,— прошептал Тарен обреченно.

— Быстрее,— твердо сказал карлик.— Давайте потопливаться, вместо того чтобы терять время на стоны и причитания. Мы не более чем в одном дне пути от Каер Датил. И они тоже, кстати. И все же мы можем двигаться быстрее. Если бы вы не теряли время на этого неблагодарного посланца Аннувина, мы бы теперь были далеко впереди. Не говорите, что я не предупреждал вас.

— Надо бы вооружиться получше,— сказал бард.— У Рогатого Короля дозоры, идущие с обеих сторон долины и впереди.

Тарен снял оружие со спины Мелингара и каждому вручил лук, стрелы и короткое копье. Король Эйддилег дал им круглые бронзовые щиты, но они были карликового размера, а после внушительного вида воинов Рогатого Короля и вовсе показались игрушечными. Гурджи опоясался коротким мечом. Из всего отряда он был больше других возбужден и взбудоражен.

— Да, да! — приговаривал он.— Теперь и Гурджи смелый, мужественный и могущественный воин. У него есть и колкое, и стрелкое. Он может и крушить, и потрошить!

— Верно, Гурджи! — вторил ему бард.— Ничто не устоит перед Ффлевддуром Пламенным!

Карлик застучал кулачками по груди и заскрежетал зубами.

— Прекратите болтать и замрите! — зашипел он. Карлик был слишком взбешен, чтобы надуваться воздухом.

Тарен повесил щит на грудь. Хен Вен жалась к его ногам и беспокойно хрюкала.

— Я знаю, что тебе страшно,— прошептал Тарен, поглаживая свинью,— но ты будешь в Каер Датил в полной безопасности. Вот увидишь.

Свинья пошла за ним неохотно. Она тащилась сзади, и Тарен без конца подгонял ее. Розовый пятачок

Хен Вен трясся, глаза ее бегали, поглядывая то в одну сторону, то в другую.

После очередной задержки Доли подозвал к себе Тарена.

— Если и дальше так будет продолжаться, — рыкнул он, — у нас вообще не останется шансов живыми добраться до Каер Датил. Сначала гвигант задержал нас. Теперь эта свинья.

— Она испугана, — постарался объяснить Тарен рассерженному карлику. — Она чувствует, что Рогатый Король рядом.

— Тогда свяжи ее, — посоветовал Доли, — и положи на лошадь.

Тарен согласно кивнул.

— Это ей, конечно, не понравится. Но ничего больше не остается делать.

Несколько мгновений назад свинья была здесь, притаившись у корней дерева. Теперь она исчезла.

— Хен! — вполголоса позвал Тарен. — Куда она пропала? — спросил он с тревогой у барда.

Бард покачал головой. Ни он, ни Эйлонви ничего не заметили. Гурджи поил Мелингара и вообще не обращал на свинью никакого внимания.

— Не могла же она опять убежать! — вскричал Тарен.

Он кинулся назад, в лес. Когда он вернулся, лицо его было бледным и растерянным.

— Она исчезла, — выдохнул он. — Она где-то прячется, я уверен.

Он бросился на землю и закрыл голову руками.

— Я не должен был спускать с нее глаз даже на секунду,— причитал он.— Второй раз я теряю ее.

— Давай двигаться вперед,— сказала Эйлонви.— Мы найдем ее или нагоним.

Прежде чем Тарен успел ответить, до ушей его донесся звук, от которого застыла кровь в жилах. С холмов слышался протяжный лай своры охотничьих собак и высокий голос рога.

Путники застыли в оцепенении. Похолодев от страха, Тарен оглядел помертвевшие лица друзей. Ужасающая музыка дрожала в воздухе. Мрачная тень скользила по низкому небу.

— Там, где едет Гвин Охотник,— пробормотал Ффлевддур,— следом спешит смерть.

Глава восемнадцатая

ПЛАМЯ ДИРНВИНА

Стихли звуки рога Гвина Охотника. Тарен будто бы очнулся от кошмарного сна. Он сделал шаг и тут же услышал глухой стук копыт на лугу.

— Дозор Рогатого Короля! — крикнул Ффлевддур, указывая на всадников, галопом устремившихся к ним. — Они заметили нас!

Всадники приникли к шеям лошадей, подгоняя их. Они быстро приближались. Вот уже сверкают острия их копий, словно каждое ищет свою жертву.

— Я могу попробовать сделать паутину, — предложила Эйлонви и добавила: — Думаю, она принесет больше пользы, чем та, первая.

Блеснул в лучах меч Тарена.

— Их всего четверо, — сказал он. — В конце концов, нас больше.

— Вложи меч в ножны, — остановил его Ффлевддур. — Сначала стрелы. Для мечей еще будет достаточно работы, но попозже.

Они сняли с плеч свои луки. По приказу Ффлевддур построились в ряд и опустили на одно колено плечом к плечу. Желтые волосы барда развевались на ветру, словно расшитый золотом штандарт. Лицо его преобразилось и сияло возбуждением.

— Ах, как давно уже я не был в настоящем бою! — сказал он. — Став бардом, я лишился этой радости. Они увидят, что значит нападать на Ффлевддур Пламенного!

Тарен приложил стрелу. По знаку короля-барда они подняли луки и прицелились.

— Выпустили! — крикнул Ффлевддур.

Тарен видел, как его стрела пролетела мимо главного всадника. Он вскрикнул с досады и выхватил из колчана другую стрелу. Рядом с ним победно верещал Гурджи. Лишь его стрела угодила в цель. Воин свалился с лошади, в горле его торчала короткая стрела.

— Теперь они знают, что и мы можем жалить! — воскликнул Ффлевддур. — Ну-ка, еще разок!

Всадники осадил коней и помчались в обход. Теперь, более осторожные, они прикрылись щитами. Двое заходили с одной стороны, а третий подбирался сзади.

— Теперь, друзья, — скомандовал бард, — спина к спине!

Тарен услышал за своей спиной ворчание Доли, пускавшего стрелу за стрелой. Гурджи снова угодил в

цель. Теперь стрелы свистели в воздухе беспрерывно и отскакивали со звоном от легких щитов нападавших.

Позади Тарена раздавалось ржание Мелингара. Он яростно бил копытом, высекая из камня искры и разбрасывая комья земли. Тарен вспомнил, как храбро дрался Мелингар, защищая Гвидиона. Но теперь лошадь была привязана к дереву, а он не осмелился покинуть ряды защитников, чтобы отвязать ее.

Всадники тем временем окружили его. Один осторожно повернулся открытой грудью к Доли, и стрела карлика мгновенно рванулась от зазвеневшей тетивы и впилась в тело воина. Остальные вдруг повернули своих коней и поскакали обратно через луг.

— Мы победили их! — радостно закричала Эйлонви. — Пчелки прогнали орлов!

Тяжело дышащий Ффлевддур покачал головой.

— Они больше не станут рисковать отдельными солдатами. А просто придут сюда огромным войском. Великое мужество — сразиться с целой армией, но, думаю, нам все же не стоит их дожидаться. Ффлевддур Пламенный знает, когда надо смело сражаться, а когда отступить. Сейчас нам лучше бежать. И это не будет уроном для нашей чести.

— Я не могу оставить Хен Вен! — вскричал Тарен.

— Иди поищи ее, — прорычал Доли, — и потеряешь голову так же, как и свою свинью.

— Ловкий Гурджи пойдет, — предложил Гурджи. — Осторожно с подкрадками и подглядками.

— Не сомневаюсь, — сказал бард, — они нападут на нас снова. Мы не можем позволить себе потерять хоть одного бойца. Ффлевддур Пламенный никогда не пасует перед врагом, превосходящим его силой, но потеря хоть одного меча для нас в нашем положении может оказаться роковой. Я уверен, что такая необычная свинья сумеет позаботиться о себе сама. Во всяком случае, где бы она сейчас ни была, она в меньшей опасности, чем мы.

Тарен покорно кивнул.

— Твоя правда. Но меня огорчает, что я второй раз теряю ее. Хорошо, я отказываюсь от поисков и иду в Каер Датил. Когда Гурджи нашел Хен Вен, я обрадовался, что сразу получу все, к чему стремился. Но теперь надо выбирать: одно или другое.

— Боюсь только, что и выбора у нас не осталось,— сказал Ффлевддур.— Не знаю, остался ли у нас шанс добраться до Каер Датил и предупредить Сыновей Доны до того, как Рогатый Король нападет на нас? Доли, вот кто может ответить на этот вопрос.

Карлик нахмурился и несколько мгновений усиленно дышал.

— Возможно, удастся,— проворчал он,— но для этого нам нужно будет пересечь долину. Если мы это сделаем, то окажемся впереди войска Рогатого Короля.

— А мы сможем пройти? — спросил Тарен.

— Не узнаешь, пока не попробуешь,— отрезал Доли.

— Решение за тобой,— сказал бард, глядя на Тарена.

— Мы попробуем,— решительно сказал Тарен.

До вечера они шли без остановки. С наступлением ночи Тарен хотел устроить для своих спутников небольшой привал, но карлик не позволил. И они снова — усталые, в полном молчании — продвигались вперед. Нападения они избежали. Но колонна всадников с чадящими факелами преследовала их на расстоянии полета стрелы. Беглецы притаились в гуще деревьев, пока огни факелов не удалились в сторону холмов и не исчезли. Вскоре Доли привел свой маленький отряд в долину, где они нашли убежище в небольшой рощице.

Но рассвет принес Тарену новые огорчения. Он пришел в отчаяние, увидев кишящих в долине воинов. Повсюду, куда бы он ни кинул взор, роились люди и лошади, сверкали щиты и мечи, хлопали на ветру черные знамена. Войско Рогатого Короля шевелилось в

долине, словно тело громадного великана, с ног до головы увешанного оружием.

Несколько мгновений Тарен в растерянности ози-
рал все это. Потом отвернулся.

— Слишком поздно,— прошептал он.— Слишком поздно. Мы проиграли.

Пока карлик из укрытия наблюдал за движущимися колоннами, Ффлевддур вдруг встал в полный рост и шагнул вперед.

— Есть одна-единственная вещь, которую мы можем сделать,— воинственно воскликнул он.— Каер Дати находится прямо впереди. Давайте выйдем и попытаемся прорваться.

Тарен радостно кивнул.

— Да! Гвидион сделал бы то же самое, если бы он был с нами! Доли отведет Эйлонви и Гурджи в безопасное место.— Он расправил плечи и застегнул пояс, на котором висел меч.— Ты хорошо вел нас,— сказал он карлику.— А теперь возвращайся к своему ролю с нашей благодарностью. Твоя работа завершена.

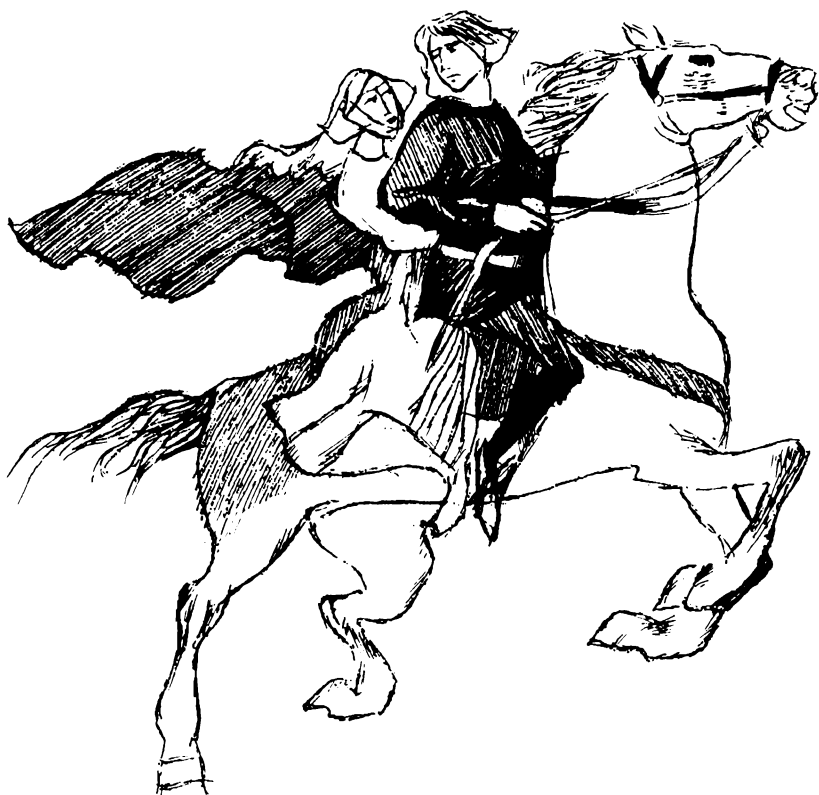
Карлик возмущенно поглядел на него.

— Завершена! — проворчал он.— Широколапые остолопы! Не то чтобы меня очень волновала ваша судьба, но неохота глядеть, как вас изрубят на куски. Нет, не терплю плохой и неоконченной работы. Нравится вам или нет, я иду с вами.

С его последними словами в воздухе прозвенела стрела, пролетев совсем рядом с головой карлика. Мелингар вскинулся на дыбы. Из леса за спиной у путников выскочили пешие солдаты.

— Спасайся! — крикнул бард Тарену.— Седлай Мелингара и скачи прочь как можно быстрее, как сможешь, или мы погибнем здесь все!

Тарен не двинулся с места. Тогда бард схватил его за плечи, буквально кинул к лошади и подтолкнул следом за ним Эйлонви. А сам обнажил свой меч.

— Делай, как я сказал! — повелительно крикнул король-бард, сверкая глазами.

Тарен вскочил в седло и втащил за собой Эйлонви. Белая лошадь понеслась вперед, прямо к передовым отрядам Рогатого Короля. Эйлонви крепко обхватила Тарена за пояс. Тарен не делал никаких попыток погнать или направлять бег лошади. Мелингар выбирал дорогу сам. Внезапно он врзался в гущу воинов, встал на дыбы и кинулся вперед. Тарен выхватил меч и рубил направо и налево. Чья-то рука ухватилась за стремя, и оно оборвалось. Враги на мгновение раступились, и в этот живой проход кинулся Мелингар.

Он стремительно неся к вершине холма. Теперь только один всадник преследовал их. Тарен обернулся и с ужасом увидел качающиеся над головой всадника оленьи рога. Рогатый Король!

Черный конь настигал их. Мелингар резко повернул и устремился в сторону леса. Рогатый Король не отставал и, когда они ринулись в мелкий кустарник, достигли первых деревьев леса, рогатый великан был уже совсем близко. И вот уже обе лошади несутся бок о бок! Мощным рывком черный конь вырвался вперед, сильно толкнув Мелингара крепкой грудью. Белая лошадь остервенело била копытами, скалила зубы. Тарена и Эйлонви выбросило из седла. Рогатый Король повернул своего коня, стараясь затоптать их.

Тарен с трудом поднялся на ноги и слепо размахивал мечом. Затем, схватив Эйлонви за руку, он потащил ее в чащу, под защиту деревьев. Рогатый Король тяжело прыгнул на землю и нагнал их в несколько широких шагов.

Эйлонви закричала. Тарен повернулся лицом к рогатому великану. Темный страх затопил Тарена, будто сам хозяин Аннувина разверз бездну у его ног, и он уже стремительно падает в бесконечную тьму. Тарен с усилием встряхнулся, мучительно вздохнул и почувствовал такую боль, словно открылась его старая рана. Бессильное отчаяние, такое же, как в темнице Ачрен, охватило его и унесло последние силы.

Сквозь маску белого черепа пылали глаза Рогатого Короля. Медленно поднималась темно-красная рука.

Ничего уже не видя и не соображая, Тарен вскинул меч над головой. Клинок Рогатого Короля обрушился на меч Тарена и разбил его вдребезги.

Тарен отбросил ненужный обломок меча и замер. Рогатый Король нависал над ним, гортанные звуки дикой радости клокотали у него в горле. Великан снова занес свой страшный меч. Горячий страх подбросил Тарена,— он словно очнулся. Юноша отпрянул, увернулся и стремительно бросился к Эйлонви.

— Дирвин! — крикнул он. — Дай мне его!

Эйлонви и шевельнуться не успела, как Тарен сорвал с ее плеча тяжелые ножны. Рогатый Король уви-

дел черные ножны Дирнвина и на мгновение заколебался, словно страшился чего-то.

Тарен потянул за рукоять. Клинок не вынимался. Он рванул изо всех сил. Меч высунулся из ножен чуть-чуть. Рогатый Король поднял свое страшное оружие. В последней отчаянной попытке Тарен дернул меч. Ножны выскользнули из его рук. Ослепительная вспышка рассекла воздух между ним и рогатым великаном. Молния опалила ему руку, и он упал.

Меч Дирнвин, полыхающий белым пламенем, выпал из его рук и отлетел в сторону так, что Тарен не мог дотянуться. Рогатый Король стоял над ним. С безумным воплем Эйлонви прыгнула на воина с оленьими рогами. Великан отшвырнул ее в сторону.

Позади Рогатого Короля прозвучал грозный голос. Затуманенными болью глазами Тарен с трудом различил высокую фигуру среди деревьев. До него донеслись непонятные слова, произносимые неизвестным медленно и весомо. Рогатый Король стоял без движения. Рука его была занесена над Тареном. Но вдоль его меча голубой змеей извивалась молния. Языки пламени лизали великана, и он загорелся, как сухое дерево. Оленьи рога превратились в обугленные суковатые ветки. Маска-череп растеклась, словно расплавленный металл. Рев боли и ярости вырвался из горла Короля с оленьими рогами.

Тарен закрыл лицо руками. Земля грохотала, стояла, рушилась и, казалось, вот-вот разверзнется под ним. И все исчезло в его затуманенном сознании.

Глава девятнадцатая

ТАЙНА

Солнечный свет потоком лился сквозь высокое окно комнаты. Воздух здесь был приятно прохладный и благоухающий. Тарен заморгал и попытался подняться с низкого и узкого ложа. Голова у него кружилась. Рука была забинтована белой льняной тряпицей. Под повязкой она болезненно пульсировала. Циновка из сухого тростника устилала пол. Яркие лучи золотили его. Рядом на полу зашевелилась белая, испещренная желтыми солнечными бликами фигура.

— Хрю! — весело приветствовала она Тарена.

Хен Вен, повизгивающая и пыхтящая, выставила свой большой розовый пяточок и с громким хрюканьем кинулась к Тарену. Тарен от удивления потерял дар речи. В дальнем углу комнаты прозвенел серебристый смех.

— Видел бы ты себя сейчас. Выглядишь, как рыба, которая по ошибке попала в птичье гнездо.— Эйлонви поднялась с плетеного стула.— Я не могла дождаться, когда ты придешь в себя. Не представляешь, как скучно

сидеть и глядеть на преспокойно спящего человека. Скучнее только разве считать песчинки в пустыне.

— Как они нас взяли? Это Аннувин?

Эйлонви засмеялась и отрицательно покачала головой.

— Вопросы умнее я и не ожидала от Помощника Сторожа Свиньи. Аннувин? Не-ет, не хотелось бы мне там оказаться. Почему тебе в голову всегда приходят всякие гадости? Наверное, рана в плечо повлияла на твою голову. Сейчас ты выглядишь гораздо лучше, хотя по-прежнему серо-зеленого цвета, как лук-порей.

— Перестань болтать и скажи, где мы? — Тарен попытался сползти с кушетки, на которой все еще лежал, но бессильно откинулся на спину. И положил руку под голову.

— Вставать тебе еще не полагается, — заметила Эйлонви, — но думаю, ты и сам уже это понял.

Громко хрюкая, Хен Вен стала тереться боком о ложе. Эйлонви щелкнула пальцами.

— Прекрати, Хен Вен, — прикрикнула она на свинью. — Ты же знаешь, что его нельзя тревожить, дергать и тем более влезать верхом. — Девушка опять повернулась к Тарену. — Мы в Каер Датил, — сказала она, — очень милое местечко. Гораздо приятнее, чем Спиральный Замок.

Тарен дернулся, снова пытаясь вскочить. Голова его закружилась, и воспоминания видениями промелькнули перед ним.

— Рогатый Король! — вскричал он. — Что же произошло? Где он?

— В могильнике, скорее всего. Во всяком случае, надеюсь.

— Он мертв?

— Естественно, — пожала плечами Эйлонви. — Неужто ты думаешь, что он согласился бы живым отправиться в могильник? От него не очень-то много осталось, но все, что осталось, похоронили в могильнике. — Эйлонви передернуло. — Думаю, он был самым

ужасным из всех, кого я когда-либо видела, включая и Ачрен. Он меня отшвырнул, словно паршивого котенка, как раз в тот момент, когда и тебя собирался разорубить.— Она потрогала голову и болезненно поморщилась.— Но ты хорош! Надо же было так грубо рвать меч из ножен! Я предупреждала тебя: не трогай его, если не умеешь с ним обращаться. Но ты все делаешь по-своему. Вот и опалил руку.

Только сейчас Тарен обратил внимание на то, что на плече у Эйлонви больше не висит Дирнвин в черных своих ножнах.

— Но что тогда...

— Ты вовремя потерял сознание,— продолжала Эйлонви,— и самого худшего не видел. Началось землетрясение, и Рогатый Король горел до тех пор, пока не превратился в гору обугленных кусков. Малоприятное зрелище. По правде сказать, мне и вспоминать-то это не очень приятно. До сих пор вижу кошмарные сны, даже наяву.

Тарен стиснул зубы.

— Эйлонви,— сказал он тихо и размеренно,— ты должна рассказать мне все по порядку, ничего не утаивая. Если ты этого не сделаешь, я рассержусь, а ты пожалеешь!

— Как... я могу... рассказать... тебе что-либо,— отделяя каждое слово и делая при этом забавные гримасы, начала Эйлонви,— как... я могу... если тебе еще нельзя волноваться. Ну, ладно.— Она вдруг затараторила, как обычно, не переводя дыхания: — Как только воины Рогатого Короля увидели, что их предводитель мертв, армия его рассыпалась и превратилась в толпу убегающих кроликов. Просто жалко было смотреть на громадных здоровяков, улепетывающих во весь дух. Правда, как раз в этот момент появились со своими воинами Сыновья Доны. Надо было бы тебе видеть их сияющие золотые знамена! А какие красивые воины...— Эйлонви вздохнула.— Это было... это было по-

хоже...— Она впервые не могла подобрать сравнение.— Даже не знаю, на что это было похоже.

— А Хен Вен?..

— Она не отходила от тебя с тех пор, как тебя, полумертвого, принесли сюда,— сказала Эйлонви и, опустив глаза, добавила: — Так же, как и я. Она очень умная свинья,— продолжала девушка,— хотя все еще чего-то боится и начинает волноваться. Не успокоилась. И очень упрямая. Это наводит меня на мысль, что не много разницы между свиньями и теми людьми, которые их сторожат. Никого из знакомых, как ты понимаешь, я не имею в виду.— И она лукаво взглянула на Тарена.

Дверь в комнату приоткрылась, и в нее просунулась рыжая голова и острый нос Ффлевддура Пламенного.

— Ура! Ты опять с нами! — вскричал он.— Впрочем, ты можешь сказать, что это мы с тобой.

Гурджи и карлик высунулись из-за спины барда и ввалились в комнату. Не обращая внимания на протесты Эйлонви, они столпились вокруг лежащего Тарена и стали тормозить его. Ффлевддур и Доли были целыми и невредимыми. Зато на голове Гурджи красовалась повязка, и передвигался он, прихрамывая.

— Да! Да! — закричал он.— Гурджи дрался рядом со своими друзьями, он бумкал кулаками, он хрумкал зубами, он кидался на врагов прыгами и лягал их дрыгами. Свирепые воины ударили его по бедной, слабой голове, но храбрый Гурджи не убежал! О нет! О да!

Тарен растроганно и нежно улыбался ему.

— Я сочувствую твоей бедной, слабой голове,— сказал он, кладя руку на плечо Гурджи,— и сожалею, что мой друг ранен, защищая меня.

— Какая радость! — возопил Гурджи.— Какой бой и убой! Сильный Гурджи наполнил кровожадных врагов тряской и ужаской.

— Это правда,— сказал бард,— он был самым смелым среди нас. Хотя и мой крепкий друг Доли своим топором совершал чудеса.

Доли в первый раз растянул губы в улыбке.

— Никогда бы не подумал, что кто-либо из вас умеет махать мечом,— сказал он, стараясь выглядеть хмурым.— Сначала я принял вас за длинноногих недотеп. Мои глубокие извинения,— добавил он, низко поклонившись.

— Мы задержали войско Рогатого Короля,— пояснил Ффлевддур,— и сдерживали напор до тех пор, пока не уверились, что ты в безопасности. У некоторых из них,— бард хитро улыбнулся,— был повод здорово обижаться на нас. Вот что значит мы! — вдруг вспламенился бард.— Дрались, как сумасшедшие! Нас было безнадежно мало против тучи врагов! Но Ффлевддур Пламенный никогда не сдастся! Я бился с тремя одновременно. Рубил! Колол! Один из них, жалкий трус, напал на меня сзади. Но я отшвырнул его. Мы отбились от них и двинулись в Каер Датил, кроша всех на своем пути...

Тарен покосился на арфу барда, ожидая, что вот-вот лопнут все струны разом. К его удивлению, ни одна даже не зазвенела.

— Итак,— перевел дыхание Ффлевддур,— мы победили. И хоть ты был ранен, победа досталась нам легко, уверяю тебя. Я ни на секунду не сомневался в этом. Я просто знал, что мы победим!

С глубоким долгим звоном оборвалась струна.

Ффлевддур смущенно замолчал и склонился к Тарену.

— Совершенно зеленый,— сказал он озабоченно,— абсолютно зеленого цвета.

Эйлонви набросилась на барда и стала подталкивать его к двери.

— Уходи! — закричала она.— Все убирайтесь! Вы изнуряете его своей болтовней.— Девушка вытолкала вслед за Ффлевддуром карлика и Гурджи.— Там и оставайтесь! Никто не войдет, пока я не позволю!

— Даже я?

Тарен встрепнулся, заслышав знакомый глубокий голос.

В дверном проеме высился Гвидион.

В первый момент Тарен не узнал его — вместо потрепанной куртки и изношенного плаща на Гвидионе сияли драгоценные одежды принца. Глубокими тяжелыми складками ниспадала с плеч богатая мантия. На

груди сверкала золотая цепь с круглым диском с выбитым на нем изображением солнца. И зеленые глаза его сияли такой глубиной и силой, что Тарен наконец увидел Гвидиона в том обличье, каким он всегда представлялся ему в воображении.

Забыв о своей раненой руке, Тарен вскочил на ноги. Принц шагнул к нему. Памятуя о высоком происхождении посетителя, Тарен преклонил колено.

— Лорд Гвидион...— пробормотал он.

— Это не приветствие между друзьями,— мягко сказал Гвидион, поднимая Тарена с колен.— Мне гораздо

приятнее вспоминать, как Помощник Сторожа Свиньи в лесу неподалеку от Каер Даллбен боялся, что запыленный незнакомец отравит его глотком воды.

— После исчезновения Спирального Замка,— запинаясь, сказал Тарен,— я уже не чаял увидеть тебя.

Он крепко сжал руку Гвидиона и, не стыдясь своих слез, громко зарыдал.

— Как видишь, я перед тобой, живой и невредимый, и даже немного живее и целее, чем ты,— улыбнулся Гвидион, помогая Тарену сесть.

— Но как ты...— начал Тарен, как вдруг заметил черные ножны на боку у Гвидиона.

Тот заметил взгляд юноши.

— Подарок,— ответил он,— королевский подарок от молодой леди.

— Я сама подвесила его к поясу Гвидиона,— встала Эйлонви и добавила, кивнув в сторону Тарена: — Я уговаривала его не трогать меч! Не вытаскивать его из ножен! Но он невероятно упрямый.

— К счастью, ты не успел вытащить его из ножен полностью,— сказал Гвидион.— Боюсь, что пламя Дирнвина было бы слишком сильным даже для Помощника Сторожа Свиньи. Это оружие власти, как правильно поняла Эйлонви,— добавил он.— Он такой древний, что я даже считал его не более чем легендой. Тайна Дирнвина до конца еще не раскрыта, его свойства до конца не известны и самым мудрым старцам. Спиральный Замок держался на его колдовской силе и рухнул, как только Дирнвина не стало в подземелье. Исчезновение этого меча и подкосило Аровна.

Одним резким уверенным движением Гвидион выхватил меч из ножен и поднял его над головой. Клинок ослепительно сверкал. В испуге Тарен отпрянул назад, рана его снова заныла. Гвидион быстро вернул клинок в черные ножны.

— Как только я увидела лорда Гвидиона,— сказала Эйлонви, восхищенно глядя на принца,— я тут же по-

няла, что он тот, кому должен принадлежать меч Дирнвин. Признаюсь, я рада была освободиться наконец от этой тяжелой штуки.

— Перестань без конца перебивать,— вспыхнул Тарен,— и дай мне узнать, что случилось с моим другом!

— Не стану утомлять тебя длинным рассказом,— сказал Гвидион.— Ты уже знаешь, что мы отогнали Аровна. Сегодня он больше нам не угрожает. Может, конечно, внезапно где-нибудь объявиться. Но в ближайшее время бояться его нечего.

— А что с Ачрен? — спросил Тарен.— И Спиральный Замок...

— Меня не было в Спиральном Замке, когда он стал рушиться,— сказал Гвидион.— Ачрен еще до этого вывела меня из темницы. Связанный и прикрученный к седлу, я ехал в сопровождении Детей Котла к замку От-Аноэт.

— От-Аноэт? — переспросил Тарен.

— Это главная крепость Аннувина,— пояснил Гвидион,— неподалеку от Спирального Замка. Аровн возвел ее в то время, когда владел всем Прайдемом. Это место смерти. Его стены замешены на человеческой крови и костях. И я уже предвидел мучения, которые уготовила мне Ачрен. Она, прежде чем бросить меня в темницу, спрашивала: «Почему ты выбираешь смерть, лорд Гвидион, когда я могу предложить тебе вечную жизнь и власть над смертными? Я правила Прайдемом задолго до Аровна,— говорила она,— и это я сделала его властителем Аннувина. Я дала ему власть, а он предал меня. Помоги мне, и я посажу тебя на трон Аровна и поставлю править вместо него».

Гвидион устало улыбнулся, словно снова переживая разговор с жестокой Ачрен.

— Я ответил ей,— тихо продолжал он,— что с радостью сверг бы Аровна. Но вместе с ним хотел бы разрушить и ее чары. Вот тогда она разъярилась по-настоящему и велела бросить меня в самую глубокую

темницу. Никогда еще я не был так близок к смерти, как в замке От-Аноэт.

В потемневших глазах его словно бы проплывали видения тех ужасных дней.

— Я не знаю, как долго я лежал там,— продолжал он.— Время в От-Аноэт движется не так, как здесь. Лучше не буду я говорить о тех мучениях, которые уготовила мне Ачрен. Худшие из них терзали не тело, а душу, и наиболее страшным было отчаяние. Хотя даже в самые мрачные моменты надежда не оставляла меня. Вот вам и весь рассказ об От-Аноэт. Если человек выжил там, то, значит, и сама смерть раскрыла перед ним свои тайны. И я выдержал это,— тихо произнес Гвидион,— и в конце концов мне открылось то, что скрыто от нас туманом неведения. Но и об этом тоже я говорить не стану. Достаточно того, что я теперь понимаю движение жизни и холод смерти, печаль смеха и радость слез, начало начал и начало конца. Я видел правду мира и знаю, что никакими цепями не сковать меня. Мои оковы были легкими, как мечты. В момент прозрения стены моей тюрьмы разошлись.

— Что же стало с Ачрен? — спросила Эйлонви.

— Не знаю,— ответил Гвидион.— С тех пор я ее не видел. Несколько дней я скрывался в лесу, чтобы подлечить свои раны. Спиральный Замок был в руинах, когда я вернулся за вами. И там, на этих обломках, я оплакал вашу смерть.

— Как мы оплакивали твою,— сказал Тарен.

— Я вновь отправился в Каер Датил,— продолжал Гвидион.— Некоторое время я шел как раз по той дороге, что выбрал Ффлевддур, хотя пересек долину гораздо позже вас. Но в конце концов я вас немного обогнал. И в тот день с неба на меня спустился гвигитант. К моему удивлению, он не напал на меня и не испугался, а кружил надо мной, бил крыльями и странно, призывно кричал. Язык гвигитантов тоже перестал быть тайной для меня, как и язык любого живого

существа. И я понял, что он говорит об отряде путников, идущих в холмах, и бегущей за ними белой свинье.— Гвидион погладил Хен Вен по щетинистой спине.— Я поспешил следом. В этот момент Хен Вен и почуяла мое приближение. Помнишь, как она заволновалась. Ты решил, что она обуяна страхом. На самом деле свинья бросилась искать меня. То, что я узнал от нее, было важно и для Аровна. Именно поэтому он упорно разыскивал свинью. Она знала то, что могло его уничтожить.

— Что же это было? — нетерпеливо спросил Тарен.

— Она знала тайное имя Рогатого Короля.

— Его имя? — удивленно закричал Тарен.— Никогда не думал, что имя может иметь такую роковую силу, обладать таким могуществом.

— Да,— подтвердил Гвидион.— Если ты имеешь мужество взглянуть в лицо злу и назвать его настоящим именем, оно бессильно против тебя, а ты в силах разрушить его. Несмотря на открывшиеся мне тайны мира, я не смог бы без помощи Хен Вен открыть это имя.— Он нагнулся и ласково почесал свинью за ухом.— Хен Вен открыла мне этот секрет в лесу. И нам не потребовались для этого прутики с письменами. Мы понимали друг друга сердцем. Гвитант, круживший надо мной, повел меня к Рогатому Королю. Остальное вы знаете.

— Где гвитант сейчас? — с беспокойством спросил Тарен.

Гвидион покачал головой.

— Я не знаю. Но не думаю, чтобы он когда-нибудь возвратился к Аровну. Тот разорвал бы его на куски, поняв, что он сделал. Я знаю только, что он отплатил за твою доброту полной мерой. А теперь отдыхай,— сказал Тарену Гвидион,— позже мы поговорим о чем-нибудь повеселей.

— Лорд Гвидион,— окликнула его Эйлонви, когда он собирался уйти,— какое же тайное имя было у Рогатого Короля?

Морщины на лице Гвидиона расправились в улыбке.

— Это должно остаться тайной,— сказал он и нежно потрепал девушку по щеке.— Но уверяю тебя, что оно и вполовину не так красиво и звучно, как твое.

Через несколько дней, когда силы Тарена восстановились настолько, чтобы он мог идти без посторонней помощи, Гвидион провел его по Каер Датил. Крепость, высившаяся на крутом холме, могла бы вместить в себя несколько Каер Даллбен. Тарен увидел оружейные мастерские, конюшни с множеством лошадей, пивоварни, ткацкие мастерские. Хижины толпились внизу, в долине, и чистые ручьи переливались в золотом солнечном свете. Позже Гвидион собрал всех друзей в большом зале Каер Датил и здесь, среди знамен и леса копий они удостоились благодарности самого короля Матха, сына Матонви, правителя Дома Доны. Белобородый монарх, который выглядел таким же древним старцем, как Даллбен, и был, кажется, таким же ворчливым и раздражительным, на этот раз показался им даже более разговорчивым, чем Эйлонви. Но, когда он, к счастью, закончил одну из длиннейших речей, какие когда-либо в своей жизни слышал Тарен, друзья низко поклонились, и почетный караул вынес короля Матха из зала на носилках, покрытых золотой тканью. Тарен и его друзья уже собирались уходить, когда Гвидион позвал их.

— У меня есть небольшие подарки для вас. И дарю эти вещи я с самой большой радостью, в надежде, что вы будете дорожить ими не столько из-за их ценности, сколько ради памяти обо мне.

Он повернулся к барду.

— Ффлевддуру Пламенному будет дарована струна. И пусть все другие будут лопаться при малейшем полете его неудержимой фантазии, эта останется целой

навсегда. И тон ее будет самым верным и самым красивым.

— Доли из Красивого Народа,— склонился над карликом Гвидион,— будет подарена сила становиться невидимым на столько времени, на сколько он пожелает.

— Для верного и доблестного Гурджи у меня приготовлена котомка с едой, которая всегда будет полной.

Храни ее, дружище, это одно из сокровищ Прайде-на,— улыбнулся Гвидион.

— Эйлонви из Дома Ллиров будет дано золотое кольцо с драгоценным камнем, сделанное великими мастерами подземного Красивого Народа. Оно драгоценное, но дружба ее для каждого будет еще драгоценней.

— И Тарену из Каер Даллбен...— Гвидион вдруг остановился.— Выбрать награду для него было всего труднее.

— Я не прошу награды,— сказал Тарен.— Я не хочу, чтобы друзья платили мне за то, что я сделал из любви и чести.

Гвидион широко улыбнулся.

— Тарен из Каер Даллбен,— сказал он,— ты, как всегда, гордый, обидчивый и независимый. И упрямый тоже. Поверь, я знаю, о чем ты мечтаешь в глубине души: о героизме, о подвигах, о титуле, который достоин тебя. Но ты, а не я, должен добиться этого. Сам, своими силами. Проси меня о чем-нибудь другом. Я исполню твою просьбу немедленно.

Тарен склонил голову.

— После того что со мной произошло, я полюбил долины и горы вашей северной земли. Но мысли мои все больше устремляются в Каер Даллбен. Я хочу быть дома.

Гвидион кивнул.

— Быть по-твоему.

Глава двадцатая ПРИВЕТСТВИЯ

Путешествие в Каер Даллбен было быстрым и спокойным, потому что сила южных властителей рухнула, они кинулись каждый к своему собственному престолу и затаились. Тарен и его спутники, которых вел сам Гвидион, двигались на юг через долину Истрад. Эйлонви, которая слышала от Тарена так много о Колле и Даллбене, не отказалась посетить их дом. Она ехала вместе со всеми. Гвидион дал каждому по красивому статному коню. Тарену достался самый прекрасный — серый, с серебряной гривой жеребец Мелинлас из рода Мелингара. Он был так же быстр и неутомим. Хен Вен восседала на носилках, прилаженных к седлу, и выглядела необыкновенно важной и довольной собой.

Каер Даллбен никогда не видел такого великого пира, какой закатали нашим друзьям Колл и Даллбен. Впрочем, Тарен не был уверен, что Даллбен не знал в своей долгой жизни пиров роскошнее. Но в этот раз все были счастливы и довольны. Даже Гурджи впер-

вые наелся досыта. Колл крепко обнял Тарена, который был и удивлен, и польщен, что такой великий герой соизволил обнять скромного Помощника Сторожа Свины. А Колл по очереди обнимал всех — и Эйлонви, и Хен Вен, и Гурджи. Круглое лицо его сияло, а по лысине пробегали светло-розовые блики, как от зимнего согревающего костра.

Даллбен оторвался от своих глубоких размышлений, чтобы тоже поприсутствовать на празднике. Однако быстро удалился к себе в комнату и снова погрузился в себя. Позже, правда, он уединился с Гвидионом, и они долго обсуждали какие-то важные вещи, о которых Гвидион мог рассказать только этому старому волшебнику.

Гурджи, который тут же почувствовал себя как дома, сладко похрапывал под копной сена на конюшне. Пока Ффлевддур и Доли обходили Каер Даллбен, заглядывая во все уголки, Тарен повел Эйлонви к загону, где довольно хрюкала сытая и лукавая Хен Вен.

— Значит, это именно то место, с которого и началась вся ваша суета? — спросила Эйлонви. — Не хочу тебя обижать, но думаю, у всех нас было бы гораздо меньше забот и неприятностей, если бы ты следил за ней получше. — Потом искоса глянула на приунывшего Тарена и добавила уже помягче: — Каер Даллбен остался таким, как ты говорил, — просто прекрасным. Ты, наверное, счастлив, что снова дома. Это похоже на то, как будто что-то потерял и вдруг неожиданно нашел. Впрочем, не знаю с чем и сравнить счастье.

— Да, это так, — смущенно откликнулся Тарен.

Он перегнулся через ограду и принялся с притворным вниманием что-то там разглядывать.

— А что же ты теперь будешь делать? — спросила Эйлонви. — Снова станешь Помощником Сторожа Свины?

Не глядя на нее, Тарен кивнул.

— Эйлонви...— сказал он нерешительно,— я надеялся, то есть имел в виду, то есть мечтал...

Он запнулся, на его счастье к ним подошел Колл и прошептал, что его зовет Даллбен, который хочет поговорить с ним наедине.

— Эйлонви,— хотел продолжить Тарен, но вдруг махнул рукой и зашагал к хижине Даллбена.

Когда он вошел, Даллбен что-то писал большим пером в «Книге Трех». Как только он увидел Тарена, быстро захлопнул книгу и отложил ее в сторону.

— Ну, теперь,— промолвил Даллбен,— я хочу, чтобы мы вдвоем спокойно все обсудили. Во-первых, мне интересно знать, что ты думаешь о своем героизме. Полагаю, ты горд собой? Хотя,— добавил он,— и спрашивать не стоит, это написано у тебя на лице.

— У меня нет причин для гордости,— сказал Тарен, занимая свое обычное место на краешке скамьи.— Гвидион сокрушил Рогатого Короля, и Хен Вен помогла ему в этом. Но Гвидион, а не я, нашел ее. Доли и Ффлевддур славно дрались, пока я, раненный, лежал без движения и в беспамятстве. Эйлонви взяла меч из могильника. Что касается меня, то я все время делал ошибку за ошибкой.

— Ну и ну,— покачал головой Даллбен,— этого достаточно, чтобы омрачить самый веселый праздник. Хотя все, что ты сказал, может быть, и правда, у тебя тем не менее есть причины для гордости. Это ты собрал всех их вместе и вел их. Ты сделал то, ради чего ушел из дому, и теперь Хен Вен опять с нами. Если ты и совершал ошибки, то не стеснялся сознаваться в этом. Помнишь, что я говорил тебе когда-то? Бывают времена, когда поиски важнее находок.

Даллбен сдвинул кустистые брови.

— Какое значение имеет то,— продолжал старец,— кто что из вас делал, коли вы делили между собой все опасности и добивались одной цели. Ничего нельзя совершить по-настоящему в одиночку. Все в нас и мы

в каждом. Помни это. Из того, что я слышал, мне стало ясно, ты порывист как Ффлевддур, немного жалеешь себя, как Гурджи, и как Доли, страстно желаешь добиться невозможного.

— Да,— согласился Тарен,— я часто мечтаю о невозможном. Но все же не все мечты несбыточны. Я мечтал вернуться в Каер Даллбен, и вот я здесь. Я мечтал увидеть тебя и Колла и сказать вам, как я люблю вас. И вот говорю это. Я не просил у судьбы большего, как лишь оказаться дома. И сердце мое радуется теперь. Хотя это странное чувство. Я возвратился в свою комнату, но она кажется мне меньше и теснее. Поля радуют глаз, они по-прежнему красивы. Но они совсем не такие, какими я их вспоминал. И сердце мое теснится от сомнений — не стал ли я чужим в собственном доме?

Даллбен улыбнулся сквозь бороду.

— Нет, и никогда им не будешь. Это не Каер Даллбен стал меньше. Это ты вырос. Такие вот дела.

— А Эйлонви? — робко спросил Тарен.— Что будет с ней? Это... это возможно, чтобы ты позволил ей остаться с нами?

Даллбен наморщил лоб и поиграл страницами «Книги Трех».

— По всем правилам,— сказал он,— принцесса Эйлонви должна вернуться к своим родичам. Да, не удивляйся, она — принцесса! Разве она не сказала тебе этого? Но не следует торопиться. Если она согласна, то может погостить у нас. Возможно, ты получишь ее согласие, если поговоришь с ней.

Тарен вскочил.

— Конечно!

Он поспешил из хижины к загону Хен Вен. Эйлонви все еще была там, наблюдая с интересом за свиньей-прорицательницей.

— Ты можешь остаться! — закричал еще издали Тарен.— Я спросил у Даллбена!

Эйлонви посмотрела на него снизу вверх.

— А тебе не пришло в голову спросить сначала меня?

— Да... но я имел в виду...— промямлил Тарен, заикаясь от волнения.— Я не думал...

— Не думать — это обычное для тебя состояние,— язвительно заметила Эйлонви и вдруг весело сощурилась: — Колл как раз устраивает место для меня.

— Уже? — вскричал Тарен.— Как же он узнал?

— Гм-м,— пожала плечами Эйлонви.

— Хрю! — откликнулась Хен Вен.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

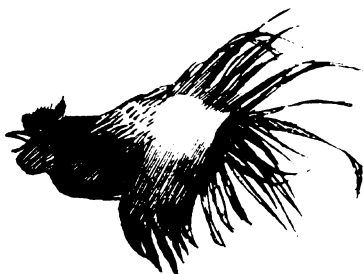
ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР родился и вырос в Филадельфии, где живет и сегодня. Еще мальчиком он проводил свободные часы в книжных магазинах, копаясь в горах книг. Одной из находок, которую он помнит по сей день, была книжка о короле Артуре. Так возник его интерес к историям о древних героях и их приключениях. Став писателем, Ллойд Александер принялся серьезно изучать валлийские легенды, где и встретил таких персонажей, как принц Гвидион, сын Доны. Постепенно писатель стал включать эпизоды валлийских легенд в свои книги для детей и в конце концов написал целую серию книг о воображаемой стране Прайден, где древние герои этих легенд стали основными действующими лицами.

«Герои моих историй,— рассказывает Ллойд Александер,— рождались иногда неожиданно и в самое неподходящее время. Гурджи, например, явился во сне и был похож на растрепанное свиное гнездо. А встревоженный и всего опасющийся Гвистил (персонаж из следующей книги «Черный котел». — *Ред.*) возник, когда я сидел в кресле зубного врача!»

Известный американский писатель Ллойд Александер опубликовал десять книг для взрослых и много книг, адресованных детям. Будучи знатоком испанского и французского языков, он переводит на английский лучших европейских авторов.

ЯХНИН ЛЕОНИД ЛЬВОВИЧ — детский писатель и переводчик. У него вышло более 30 книг для детей — стихи, переводы, повести-сказки «Площадь картонных часов», «Фарфоровый колокол», «Поющее дерево», «Серебряные колесики». Книги переведены на английский, немецкий, шведский, голландский, чешский, польский и сербский языки.

За перевод книг Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Л. Яхнин был удостоен в 1994 году Международного почетного диплома им. Ганса Христиана Андерсена.

Оглавление

От автора 5

Глава первая. Помощник Сторожа Свины 7

Глава вторая. Маска Короля 22

Глава третья. Гурджи 33

Глава четвертая. Гвитанты 43

Глава пятая. Сломанный меч 57

Глава шестая. Эйлонви 69

Глава седьмая. Ловушка 80

Глава восьмая. Могильник 88

Глава девятая. Ффлевддур 98

Глава десятая. Меч Дирнвин 110

Глава одиннадцатая. Бегство через холмы 121

Глава двенадцатая. Волки 132

Глава тринадцатая. Тайная Долина 144

Глава четырнадцатая. Черное озеро 156

Глава пятнадцатая. Король Эйддилег 169

Глава шестнадцатая. Доли 182

Глава семнадцатая. Птенец 195

Глава восемнадцатая. Пламя Дирнвина 207

Глава девятнадцатая. Тайна 217

Глава двадцатая. Приветствия 231

Коротко об авторах 236

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Кронштадтский б-р, 376
Издательство АРМАДА*

Александр Л.

А 46 Книга Трех: Сказочная хроника / Пер. с англ. Л. Л. Яхни-
на; Худож. В. Т. Чапля.— М.: АРМАДА, 1995.— 237 с.: ил.—
(Замок чудес).

ISBN 5-7632-0021-7

Книга Ллойда Александра основана на древних валлийских легендах. Но Александр не пользуется привычным для этого жанра торжественным тоном, он пишет легко и увлекательно, живым, пронизанным мягким юмором языком.

А 4703040100-48
9СЗ(03)-95 Без объявл.

ББК 84.7США

Литературно-художественное издание

Замок чудес

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

КНИГА ТРЕХ

Сказочная хроника

Составитель серии
В. Н. Маршавин

Зав. редакцией
И. Б. Щеглова

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Редактор
М. Л. Жданова

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Е. М. Устинова, Н. К. Пехтерева

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 02.04.95.
Подписано в печать 15.06.95. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсет-
ная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 30000 экз. Заказ № 3858.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Ллойд Александер

«ЧЕРНЫЙ КОТЕЛ»

Счастливым возвращением завершился поход Тарена и его друзей. Но приключения отважных героев на этом не кончаются. Могуч и опасен король Земли Смерти Аровн, ужасна и безжалостна его армия мертвецов. Поэтому воины страны

Прайден под предводительством принца Гвидиона, а вместе с ним Тарен и его спутники, выступают в поход за Черным Котлом – источником силы и могущества злого короля. Победа над сильным и коварным врагом не бывает легкой. Впереди у юных друзей долгий путь, полный опасностей и суровых испытаний.

Прочтите книгу Ллойда Александера

"Черный Котел", и вы вновь

окажетесь в захватывающем волшебном мире удивительных приключений, рядом с его героями.

ЗАМОК
ЧУДЕС

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

АРМАДА